

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№ 4 2019 (АПРЕЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор

В.Н. Боровов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

А.В. Романов

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:

109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10

Тел/факс: 8(495) 755-1913

E-mail: redaktor@nauteh.ru

<http://www.nauteh-journal.ru>

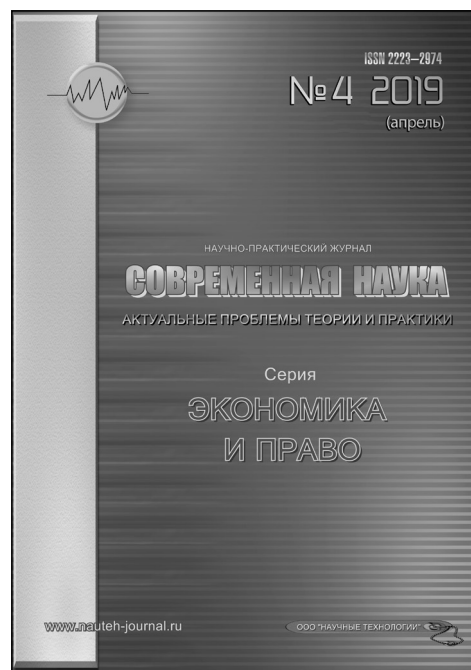
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 08.00.00, 12.00.00)

В НОМЕРЕ:

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ,
ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ
НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ,
ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ
ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ,
БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ, СТАТИСТИКА,
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА, ПРАВО

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:

Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 20.04.2019 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Абрамов Анатолий Михайлович — д.ю.н., профессор,
Российская таможенная академия, профессор

Боробов Василий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, профессор

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления, профессор

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор,
Институт государства и права РАН, г.н.с.

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор
Северо-Западного институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета, профессор

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор
Национальный институт бизнеса, профессор

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор Институт
социально-экономических проблем народонаселения
РАН, г.н.с.

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор Российская таможенная академия, профессор

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор
Института экономики РАН, в.н.с.

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса, директор

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., Институт
социально-экономических проблем народонаселения
РАН, в.н.с.

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н., профессор
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского, зав.
каф.

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, профессор

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины
и биотехнологии им. К. И. Скрябина, доцент

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор
Российский государственный гуманитарный университет,
зав. кафедрой

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор Санкт-
Петербургский университет МВД России, профессор

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, профессор

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор Научно-
исследовательского финансового института Минфина РФ,
рук. центра

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент
Российская таможенная академия, доцент

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор
Московский университет МВД России, профессор

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н., профессор
Всероссийский государственный университет юстиции,
профессор

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации,
профессор

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор РАНХ
и ГС при Президенте РФ, зав.каф.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Экономика и управление
народным хозяйством

- Астремский А. Д.** — Социально-экономические и правовые основы стратегии пространственного развития Российской Федерации
Astremsky A. — Socio-economic and legal framework of the spatial development strategy of the Russian Federation 5
- Баринов Г. О.** — Факторы специфических рисков компаний: структура, классификация, методы оценки
Barinov G. — Factors of specific risks of companies: structure, classification, methods of evaluation 9
- Галичкина М. А.** — Исследование факторов внешней среды, влияющих на развитие промышленности России
Galichkina M. — Research of environmental factors influencing the development of Russian industry 14
- Есаулкова Т. С.** — Управление пенсионными активами: раскрытие базовых дефиниций
Esaulkova T. — Pension assets management: clarification of basic definitions 21
- Ефремов А. А., Крекова М. М., Борейко А. Е.** — Ключевые подходы к построению системы цифровых транспортных коридоров ЕАЭС
Efremov A., Krekova M., Boreiko A. — Key approaches to the development of a system for digital transport corridors EAEU 24
- Камынин Н. Д.** — Обоснование использования концепции «сбережений» в экономике для оценки устойчивости развития по показателю скорректированных чистых сбережений
Kamynin N. — Justify the use of the concept of “savings” in the economy to sustainable development assessment on indicators of adjusted net savings 31
- Красавина Е. В., Забайкин Ю. В., Филонов С. С., Смирнов А. С.** — Роль и значение мотивации персонала
Krasavina E., Zabaikin Yu., Filonov S., Smirnov A. — The role and importance of staff motivation 35

- Кузнецова Э. Г., Любовцева Е. Г.** — Современное состояние агроэкспортного потенциала российской экономики
Kuznetsova E., Lyubovtseva E. — Current state of the agroexport potential Russian economy 39
- Лютягин Д. В., Забайкин Ю. В., Шендеров В. И., Волков С. В.** — Демпфирующий механизм в регулировании рынка нефтепродуктов в России – несовершенство в условиях резких изменений
Lyutyagin D., Zabaikin Yu., Shenderov V., Volkov S. — The damping mechanism in regulating the petrol market in Russia – the imperfection to resist dramatic swings 44
- Миндлин Ю. Б.** — Анализ предпосылок формирования региональных агропромышленных кластеров в России
Mindlin Yu. — Analysis of prerequisites for the formation of regional agro-industrial clusters in Russia 51
- Прядилина Н. К.** — Лесной сектор России: от «Стратегии-2020» к «Стратегии-2030»
Pryadilina N. — Forest Sector of Russia: from “Strategy-2020” to “Strategy-2030” 57

Финансы,
денежное обращение и кредит

- Данилова Т. А.** — Методики финансового обеспечения деятельности бюджетных организаций России
Danilova T. — Methods of financial support of the Russian budget organizations activities 63
- Коскова В. С.** — Бюджетный федерализм и его место в российской экономике
Koskova V. — Fiscal federalism and its place in the Russian economy 68
- Лазарева О. Б., Михеева Л. А.** — Оптимизация амортизационных отчислений как фактор повышения эффективности работы ОАО «РЖД» (транспортного производства)
Lazareva O., Mikheeva L. — Optimization of depreciation as a factor of increasing the efficiency of JSC “Russian railways” (transportation and production) 72

Бухгалтерский учет, статистика

- Братцев В. И., Джаныбек Ахмет** —
Институциональное развитие финансовой
отчетности на малых и средних предприятиях
с учетом международных стандартов
Bratsev V., Canibek Ahmet — Institutional
development of financial reporting in small
and medium-sized enterprises with
international standards 77

Право

- Галустян А. А.** — Недостатки российского
института субсидиарной ответственности
Galustyan A. — Drawbacks of Russian
legal doctrine of secondary liability 82

- Даова Ф. Х., Нахушева И. Р., Цолоев Т. С.** —
Муниципальные образования: сложности
классификации и определения состава
Daova F., Nakhusheva I., Tsoleov T. — Municipalities:
The Difficulties of Classification and Determination
of Consistency 87

- Жарков О. В.** — Гуманизация отечественного
уголовного и уголовно-процессуального
законодательства в сфере экономической
и иной предпринимательской деятельности
Zharkov O. — Humanization of the domestic
criminal and criminal procedure legislation
in the field of economic and other business activities 93

- Золотовский В. А.** — Некоторые
аспекты правового регулирования
продвижения в туризме
Zolotovskiy V. — Some aspects of the tourism
promotion system legal regulation 97

- Мататова Я. Д.** — Значение института
обеспечительных мер в арбитражном процессе
Российской Федерации: исторический аспект
Matatova Ya. — Interim injunctions in Russian
arbitration significance: historical review 107

- Пермяков М. В., Котов В. В., Матвеев М. М.** —
Подготовка к проведению контроля
и записи переговоров
Permyakov M., Kotov V., Matveev M. — Preparation
for monitoring and recording talks 114

- Рыбина С. Н., Кузнецова Н. В.** — Проблемы
правового регулирования экологического
страхования в Российской Федерации
Rybina S., Kuznetsova N. — Problems of legal
regulation of environmental insurance
in the Russian Federation 120

- Стоун Е. М.** — Некоторые особенности
рецидивной преступности
в Дальневосточном федеральном округе
Stone E. — Some repetitive core crimes
peculiarities in Russian Far East 124

Информация

- Наши авторы. Our Authors 129

- Требования к оформлению
рукописей и статей для публикации в журнале 131

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СТРАТЕГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Астремский Андрей Дмитриевич

К.э.н., доцент,

Российский университет транспорта (МИИТ)

astrem01@yandex.ru

SOCIO-ECONOMIC AND LEGAL FRAMEWORK OF THE SPATIAL DEVELOPMENT STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION

A. Astremsky

Summary. The article analyzes the socio-economic and legal basis for the development of the issue of equalization of differences in the level of development of the country's regions. The characteristic of the main stages of development of policy documents on the spatial development of the Russian Federation is given. The paper analyzes the debatable issues of determining the targets of the spatial development strategy of the Russian Federation.

Keywords: regional development, regional policy, federalism, inter-budgetary relations, local self-government, priority territories, agglomerations, clusters, transport corridors..

Аннотация. В статье проводится анализ социально-экономических и правовых основ разработки вопроса о выравнивании различий в уровне развития регионов страны. Дается характеристика основных этапов разработки программных документов по вопросам пространственного развития Российской Федерации. Анализируются дискуссионные вопросы определения целевых ориентиров стратегии пространственного развития Российской Федерации.

Ключевые слова: региональное развитие, региональная политика, федерализм, межбюджетные отношения, местное самоуправление, приоритетные территории, агломерации, кластеры, транспортные коридоры.

На современном этапе исторического развития российского государства огромная роль в определении перспективных направлений развития, разработке механизмов реализации данных направлений, решении вопросов финансового и материально-технического обеспечения отводится органам государственной власти федерального и регионального уровней. Сегодня реализуется более 20 национальных проектов с объемом финансирования превышающим бюджет отдельных государств. Каждый из данных проектов направлен на решение существующих проблемных вопросов и имеет целью создание условий для повышения уровня жизни населения страны. Отдельной проблемой в круге решаемых вопросов выступает неравномерность социально-экономического развития регионов Российской Федерации. Конечно же, у существования данной проблемы есть объективные причины, заключающиеся и в исторически сложившихся условиях (в том числе связанные с распадом союзного государства и разрывом народнохозяйственных связей между регионами страны), и в обеспеченности ресурсной базой, и в наличии (отсутствии) инфраструктурных объектов, и в природно-климатических условиях, в пространственных факторах и многом другом. Но, анализ зарубежного опыта разрешения данной проблемы свидетельствует о наличии реальных перспектив решения данного вопроса при активном и солидарном участии

органов государственной власти и бизнес-сообщества. Безусловно, это общегосударственная проблема и решать её необходимо на государственном (федеральном) уровне.

Несмотря на то, что неравномерность регионального развития изучается учеными уже достаточно давно, тем не менее, этот вопрос и способы его решения остаются актуальными и сегодня. В разные периоды времени анализу проблем неравномерного развития территорий уделяли внимание такие ученые как Чеботарев Х.А., Радищев А.Н., Огарев Н.П., Арсеньев К.И., Менделеев Д.И.

Современный подход к разрешению проблемы неравномерного развития территорий (регионов) Российской Федерации находит свое отражение не только в теоретических исследованиях в данном направлении, но и в генеральных планах развития нашего государства. Конечно же нельзя сбрасывать со счетов и результаты научных исследований. Ведь именно на них базируются и основываются стратегические планы социально-экономического развития Российской Федерации в долгосрочной перспективе. С полной уверенностью можно утверждать, что начало современного этапа в разработке стратегических подходов к решению проблемы неравномерного развития регионов было положено в конце 2008 года [6]. В ноябре 2008 года была утвер-

ждена Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года (Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»). В разделе «Развитие регионов» данного стратегического документа были определены принципы государственной политики регионального развития. В качестве основных приоритетов выделены — инновационное и социальное развитие. Также, в состав приоритетных направлений вошли крупные города, агломерации, разнообразные кластеры, транспортные коридоры, обеспечивающие грузовые и пассажирские перевозки как внутри страны, так и трансферы, территориально-производственные комплексы по добыче и переработке ресурсов в регионах нового освоения, Северный морской путь, Арктика и т.д. Итогом данного документа явилось определение в самом общем виде направлений развития для каждого федерального округа. Целевые программы и межбюджетные отношения, отвечающие современным требованиям, были определены как инструменты совершенствования системы госуправления в этой области. Обозначены были и ориентиры развития инфраструктуры, но без конкретики. Предыдущая версия стратегических планов по развитию территорий содержала гораздо больше конкретики от перечней новых месторождений, планируемых к разработке, указания конкретных районов развития новых промышленных производств до прогноза роста валового регионального продукта (ВРП) по федеральным округам на период до 2020 года. Однако, данным планам не суждено было сбыться. Прогноз утратил свою актуальность осенью 2008 года. В связи, с чем и была предпринята очередная попытка определения ориентиров социально-экономического развития регионов в рамках Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года.

В качестве второго этапа (или «второй попытки» по мнению ряда авторов) рассматривается программный документ «Стратегия 2020», подготовленный в 2012 году. Подробный анализ данного программного документа проводится в работе Мау В.А. и Кузьмина Я.И. «Стратегия 2020: новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года» [8]. Рассматриваемой нами тематике посвящен раздел данной стратегии «Реальный федерализм, местное самоуправление, межбюджетная политика». Изменения коснулись приоритетов — основное внимание было переключено на решение институциональных задач. Среди них были выделены такие как децентрализация и дерегулирование системы управления, повышение самостоятельности регионов, заме-

на назначения губернаторов на их выборы путем голосования, предоставление расширенных полномочий и самостоятельности местному самоуправлению, рост конкуренции регионов и городов за инвестиционные и человеческие ресурсы. Также изменения затронули межбюджетные отношения и региональную политику. В части межбюджетных отношений предполагалось сосредоточиться на повышении транспарентности в распределении трансфертов и самостоятельности регионов при реализации расходной политики, а также осуществить переход к широкоцелевым субсидиям. Региональная политика должна была реализовываться на основании Стратегии пространственного развития (СПР). В качестве приоритетов СПР выступали развитие инфраструктуры городских территорий (при условии установления прозрачных правил финансирования из федерального бюджета) и транспортных коридоров. В этом же документе (Стратегия 2020) было обозначено предложение отказаться от масштабных проектов на слабозвитых территориях, реализация которых предусматривалась за счет бюджетных средств.

Заключительным этапом разработки программных документов в сфере регулирования вопросов регионального развития является разрабатываемая в настоящее время Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, которая находится на рассмотрении Правительства РФ. На данном этапе очень важно согласовать, интегрировать результаты работы экспертного сообщества с целевыми ориентирами российских властей. Именно согласованность действий основных субъектов разработки СПР позволит заложить основу для принятия грамотных и взвешенных управленческих решений в сфере регионального развития нашего государства.

Продолжающаяся на сегодняшний день дискуссия относительно содержательной составляющей Стратегии пространственного развития (СПР) обусловлена, с одной стороны, возрастающей важностью и востребованностью данного программного документа. Об этом свидетельствует усиливающаяся разница между уровнями развития регионов. С другой стороны, дискуссионный характер неизбежен, поскольку государственная политика (её состав, приоритеты) является результатом не только экономического обоснования экспертным сообществом, но и согласования интересов в политической сфере.

Не вызывает никакого сомнения, что Стратегия пространственного развития призвана стать одним из основных программных документов стратегического планирования на долгосрочную перспективу. Приоритеты регионального развития страны, цели и задачи, решение которых предполагается в рамках реализации при-

оритетов, подтверждают статус данного программного документа.

Остановимся более подробно на следующих моментах, носящих дискуссионный характер не только в части теории вопроса, но и имеющих фактическую объективную основу, и затрагивающих вопросы нормативного регулирования данного вопроса.

Во-первых, неоспоримым достижением проведенной работы по разработке СПР, по мнению ряда авторов, в том числе Кузнецовой О.В, явилось позиционирование в качестве объекта исследования «стратегии именно пространственного, а не регионального развития» [6]. Основным объектом анализа в предшествующих вариантах Стратегии выступали субъекты РФ как точечные объекты, при этом их внутренней неоднородности внимание не уделялось. Обсуждение вариантов социально-экономического развития сводилось к определению перспектив для населенных пунктов в действующих границах административных образований [8]. Безусловно этому есть абсолютно логическое объяснение, заключающееся в том, что полномочия и ответственность органов местного самоуправления имеют пространственное ограничение в рамках официальных границ муниципальных образований. Тем не менее, объективные закономерности пространственного развития требуют рассмотрения и анализа не столько отдельных населенных пунктов в привязке к административным границам, сколько систему расселения по территориям, городским агломерациям. В текущем варианте СПР в качестве объекта воздействия рассматриваются уже разные типы территорий без привязки к административным границам субъектов Российской Федерации. В то же время, планируемая типология территорий, обладающих разной плотностью населения, уровнем урбанизации, хозяйственной специализацией (минерально-сырьевые или агропромышленные центры, сельские территории), предполагает их выделение в границах одного или нескольких муниципальных образований.

Во-вторых, важно определиться с тем, что рассматривать в качестве основного приоритета разрабатываемой стратегии? Речь должна идти о выборе территорий (так называемые «точки роста»), приоритетных для государственной политики регионального развития или же не следует выделять приоритетные территории, а сосредотачивать усилия на поддержке наиболее проблемных территорий? Как показывает практика, в том числе анализ зарубежного опыта, выбор одного из подходов или «крайних вариантов» не оправдывает возлагаемых на него надежд: «ставка на развитие единичных точек роста чревата обострением социально-политических конфликтов, а поддержка наиболее проблемных территорий — отсутствием отдачи на вложенные сред-

ства» [6]. Поддержка проблемных территорий выступала приоритетом в предыдущем варианте Стратегии (Стратегия-2020). Первоочередной задачей в целях реализации государственной региональной политики являлось сбалансированное социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации, а именно «обеспечение условий, позволяющих каждому региону иметь необходимые и достаточные ресурсы для обеспечения достойных условий жизни граждан, комплексного развития и повышения конкурентоспособности экономики региона» [8]. Именно такая позиция получает поддержку со стороны большинства регионов страны, уровень социально-экономического развития которых оставляет желать лучшего. Однако, с экономической точки зрения такой подход к равномерному распределению ресурсов по всем регионам не позволит сосредоточить усилия (сконцентрировать ресурсы) для обеспечения экономического прорыва в «точке роста» (в отдельном регионе). Также, необходимо понимать, что даже один и тот же проект (инфраструктурный, производственный, агропромышленный и т.п.) в разных регионах и на разных территориях может иметь различную стоимость. Таким образом добиться равномерного распределения средств не удастся. Следовательно, при отсутствии приоритетов в рамках государственной политики развития регионов, такое распределение будет иметь стихийный, а зачастую необоснованный и интуитивный характер. Учитывая данные аргументы, вывод напрашивается сам собой — требуется компромиссный вариант. Составляющими такого варианта должны явиться: обязательная поддержка «точек роста» с целью сокращения диспропорций в уровне регионального развития, стремление усиливать возникающие в регионах предпосылки социально-экономического развития, но исключение создания стимулов для экономического развития в регионах, имеющих крайне низкий уровень привлекательности (по крайней мере, на определенном этапе развития)[6]. Выбор приоритетных территорий («точек роста») для государственной политики территориального развития должен осуществляться с учетом как политических, социальных так и экономических, и геостратегических целей.

В-третьих, в части нормативной регламентации содержательной части и процесса разработки СПР отмечается жесткая позиция по одним вопросам, в то время как формулировки других вопросов допускают неоднозначную трактовку. Закон о стратегическом планировании четко обозначает общий смысл СПР — «стратегия пространственного развития РФ — документ стратегического планирования, определяющий приоритеты, цели и задачи регионального развития РФ и меры по их достижению и решению, направленный на поддержание устойчивости системы расселения на территории РФ» [1]. Этот же закон определяет порядок разработки СПР — «strate-

гия пространственного развития РФ разрабатывается в соответствии с основами государственной политики регионального развития РФ в целях реализации основных положений стратегии социально-экономического развития РФ и стратегии национальной безопасности РФ» [1]. Итак, основой для разработки СПР служит государственная политика регионального развития РФ. Такой документ есть в системе права. Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года, которые утверждены указом Президента РФ от 16.01.2017 года № 13 [2]. Одним из целевых ориентиров разработки СПР выступает обеспечение реализации основных положений стратегии национальной безопасности [3]. Однако, вторым целевым ориентиром разрабатываемой СПР является реализация основных положений еще одного программного документа — стратегии социально-экономического

развития РФ. Но, таковой документ на текущий момент отсутствует. Деятельность органов государственной власти по разработке СПР основывается на «майских» указах президента, но они не могут выполнять роль стратегии в полном объеме. Неопределенность перспектив и направлений пространственного социально-экономического развития страны, обусловленная отсутствием одного из ключевых программных документов, неизбежно приведет к снижению эффективности всей работы в целом и её качества в частности [9].

Разрешение этих и других дискуссионных вопросов, возникающих в процессе разработки Стратегия пространственного развития, находящейся на рассмотрении Правительства РФ, позволит обеспечить условия для повышения эффективности государственной политики регионального развития страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон № 172-ФЗ от 28.06.2014 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СПС «Консультант». 2019.
2. Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «Консультант». 2019.
3. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «Консультант». 2019.
4. Постановление Правительства РФ от 20.09.2015 № 870 «О содержании, составе, порядке разработки и утверждения Стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля её реализации» // СПС «Консультант». 2019.
5. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // СПС «Консультант». 2019.
6. Кузнецова, О. В. Проблемы выбора приоритетов пространственного развития // Вопросы экономики. 2019. № 1.
7. Кузнецова, О. В. Современный этап региональной политики в России в контексте зарубежного опыта // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России / Отв. Ред. В. М. Котляков, В. Н. Стрелецкий, О. Б. Глезер, С. Г. Сафонов. М.: Издательский дом «Кодекс», 2016.
8. Мау, В. А. Кузьминов, Я. И. Стратегия 2020: новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Книга 2. М.: Дело. 2013.
9. Лебедев, Н. А. Пространство России и реальный сектор экономики // Middle East Journal of Scientific Research. — 2013. — № 16 (4). — P. 526–530. <http://dosi.editor@gmail.com>

© Астремский Андрей Дмитриевич (astrem01@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет транспорта (МИИТ)

ФАКТОРЫ СПЕЦИФИЧЕСКИХ РИСКОВ КОМПАНИЙ: СТРУКТУРА, КЛАССИФИКАЦИЯ, МЕТОДЫ ОЦЕНКИ

FACTORS OF SPECIFIC RISKS OF COMPANIES: STRUCTURE, CLASSIFICATION, METHODS OF EVALUATION

G. Barinov

Summary. In the article such factors of specific risks of the company as structure, classification and methods of an assessment are studied. Assessment of the degree of influence on specific risks of the company is based on the rating approach, taking into account the selected important factors. For the selection of indicators of specific risks, a set of financial indicators (reports) is used, which allows for a comprehensive analysis of the company's activities (for example, the methodological development of the CFA Institute): final indicators ("performance indicators"), liquidity ("liquidity ratios"), profitability ("profitability ratios"), asset valuation ("valuation ratios").

Keywords: structure, classification, methods of assessment, risks of companies.

Баринов Георгий Олегович

Аспирант, Финансовый Университет при
Правительстве РФ
Mr-Brownstone@yandex.ru

Аннотация. В статье изучаются такие факторы специфических рисков компании, как структура, классификация и методы оценки. Оценка степени влияния по конкретным рискам компании производится на основе рейтинга подхода с учетом выбранных важных факторов. Для отбора показателей конкретных рисков используется набор финансовых показателей (отчетов), позволяющий проводить комплексный анализ деятельности компании (например, методологическая разработка Института CFA): итоговые показатели («показатели деятельности»), ликвидность («коэффициенты ликвидности»), рентабельность («коэффициенты рентабельности»), оценка активов («оценочные коэффициенты»).

Ключевые слова: структура, классификация, методы оценки, риски компаний.

Оценка бизнеса компании и ее элементов — это процесс комплексного анализа и прогнозирования деятельности компании [4]. В процессе оценки аналитик опирается на свое профессиональное мнение, основанное на своем личном опыте (например, при выборе экономических предпосылок финансовой модели или при выборе сценариев развития бизнеса с учетом прогноза деятельности компании и вероятности их возникновения), а также на более объективные, признанные в научном сообществе, эмпирически подтвержденные подходы к оценке стоимости компании или ее отдельных показателей [1].

Оценка рисков компании — государственного и частного — также основана на использовании объективных и субъективных методов, основанных на профессиональной склонности аналитика. В частности, оба подхода применяются при оценке рисков, так называемых уникальным или необычным и соответствующим вознаграждением для конкретной компании [15].

Термин «особые риски компании» (или инвестиционные) относится только к бессистемным рискам, присущим компании. Они являются неотъемлемой частью общих инвестиционных рисков компании, включающих в себя несистемные и системные риски. Таким образом, Г. Рейли описывает специфические риски, связан-

ные с характером компании и полученные в сравнении с аналогами [2]. В свою очередь, «премия за риск компании» — это количественная оценка конкретных рисков, которая впоследствии будет влиять на необходимую норму рентабельности капитала.

Большинство существующих методов оценки рисков, обсуждаемых в сложившейся практике, основанные на профессиональном мнении аналитиков (например, методы Deloitte & Touche, Ibbotson Associates (Morningstar), Duff & Phelps). Профессиональное мнение, безусловно, должно основываться на понимании аналитика отрасли оцениваемой компании, а также тенденций рынка и тенденций ее развития. И это особенно сложно в случае оценки закрытой компании, особенно на рынке капитала, когда публичных данных о компании недостаточно. Этот интуитивный способ оценки очень субъективен, но часто — единственно возможный без других эмпирических данных или методов оценки.

В связи с вышеизложенным, некоторые ученые считают, что такие методы оценки могут дать неадекватное значение, поэтому рекомендуют совершенно не учитывать этот факт.

Однако большинство ученых в области финансовой экономики, в том числе Г. Тругман, П. Блэк и Р. Грин,

В.Д. Миллер и т.д. [3; 6; 7], оценку конкретных рисков по-прежнему считают необходимым, так как она позволит определить размер рентабельности с учетом всех рисков собственного капитала компании.

Последние исследования американских ученых С. Батлер и К. Пинкертон обнаружил возможность объективной оценки уникальных рисков компаний на основе эмпирического исследования рынков капитала. Однако необходимы дальнейшие углубленные исследования на различных рынках капитала [10].

Определение основных факторов специфических рисков компаний, которые формируют для них стоимость премии, позволит в дальнейшем разработать более объективный подход к его оценке на рынках капитала. Это позволит получить более адекватную оценку необходимой нормы рентабельности собственного капитала с учетом всего комплекса рисков, которые впоследствии оцениваются компанией.

Особые риски компании, а также требуемая норма прибыли от общего капитала, формируются в результате воздействия различных источников или факторов, подразделяются как на внешние, так и на внутренние (рыночные и нерыночные) риски.

Внешними факторами риска являются люди, которыми владельцы оцененной компании не могут контролировать и управлять. Источниками такого риска являются, например, макроэкономические условия, инвестиционный климат в экономике или отрасли компании, доступность средств и капитала для финансирования деятельности компаний или отраслей и других условий окружающей среды [11].

В свою очередь, внутренние факторы риска — это факторы, которые владельцы компании могут управлять полностью или частично. Такие источники риска включают: финансовую устойчивость, бизнес-активность, стабильность доходов и операций и т.д. [12].

Они могут быть измерены на основе соответствующих финансовых показателей. Кроме того, наиболее важными внутренними факторами являются качество и прозрачность управления компанией (предоставление полной и открытой информации о компании). Последнее является основой для принятия адекватных оперативных и стратегических решений в качестве руководства и владельцев бизнеса компании и потенциальных инвесторов.

Современные классификации, разработанные учеными развитых экономик, на самом деле характеризуют совокупность факторов риска компаний. Однако они ох-

ватывают внешние и внутренние факторы. В связи с этим исследователи могут не понимать характер конкретных рисков, поскольку внешние факторы не являются прямыми драйверами несистемных рисков компаний, а системными. Однако ученые из развитых стран отметили, что операционная среда компании по-прежнему опосредована конкретными рисками, поэтому необходимо учитывать и внешние факторы.

Анализ существующих классификаций, разработанных на основе развитых рынков, определит направления изучения источников этих рисков на развивающихся рынках капитала. Систематизация факторов риска и выбор соответствующих показателей в будущем позволяют определить важные показатели, которые косвенно характеризуют уровень конкретных рисков для компаний на развивающихся рынках [13].

Наиболее известные классификации современной финансовой литературы Г. Тругман, П. Блэк Р. Грин и В. Д. были исследованы вместе с Миллером [6, 7]. Все эти классификации включают в себя три источника конкретных рисков для компании: макроэкономическая среда (внешние факторы), промышленная среда (полностью или частично внешние факторы) и внутренняя среда (внутренние факторы). Мы кратко предлагаем рассмотреть эти классы.

Исследователь Г.Р. Тругман разработал два типа классификации специфических факторов риска на основе финансовых (количественных) и нефинансовых (качественных) факторов. Первый и второй тип — внешние среды (экономические, юридические, технологические, промышленные и т.д. и внутренние факторы (операционные, финансовые риски и т.д.).

Несмотря на выбор классификации, по мнению Тругмана, при оценке премии за конкретные риски компании, аналитик по своему усмотрению должен выбирать наиболее важные факторы для организации. Затем ему нужно установить процентную ставку для каждого выбранного фактора и объединить полученную стоимость для всех факторов риска по ставке прибыли капитала [5].

В 1990-х годах Национальная ассоциация сертифицированных аналитиков (NACVA) была основана в США. Ученые П. Блэк и Р. Грин представили классификацию факторов риска в следующих шести категориях:

- 1) конкуренция;
- 2) финансовое положение;
- 3) мощность и глубина управления;
- 4) рентабельность и стабильность доходов;
- 5) национальные экономические последствия;
- 6) местные экономические последствия.

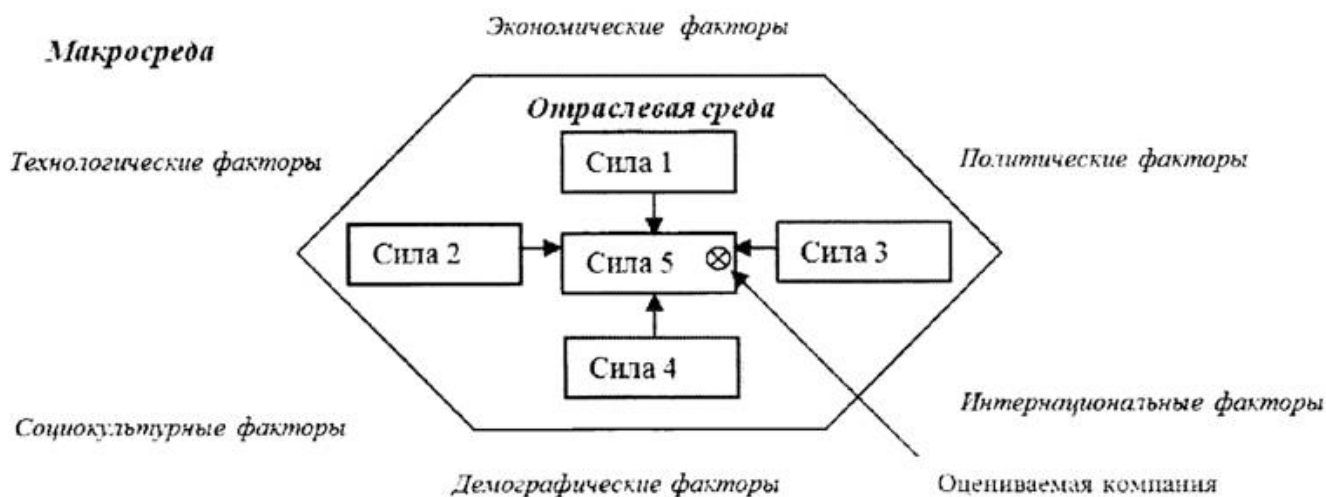

Рис. 1. Анализ специфического риска В. Д. Миллера в рамках SWOT-анализа М. Е. Портера

П. Блэк и Р. Грин, как и Тругман, предлагают определить наиболее важные факторы конкретных рисков в соответствии с шестью категориями, представленными на основе собственного профессионального мнения оцененной компании. Таким образом, общая сумма вознаграждения за конкретные риски компаний также основана на субъективных оценках анализа, которые не подтверждаются какими-либо эмпирическими данными [8].

Классификация факторов рисков В. Д. Миллера

Исследователь В. Д. Миллер предложил структуру, созданную в анализе конкурентных преимуществ и стратегических оценок компании для оценки премии по конкретным рискам. В. Д. Миллер в течение нескольких лет проанализировал возможные факторы риска, присущие компании, и в результате предложил классифицировать их по четырем категориям, которые рассматриваются с точки зрения анализа сильных и слабых сторон организации, а также потенциальных возможностей и угроз (SWOT-анализ) (рис. 1).

Указанные категории, непосредственно связанные с факторами SWOT-анализа, были разработаны модели SWOT-анализа М. Е. Портером [9, 8] основанные на стратегическом планировании и анализе деятельности.

Аналогично представленным выше классификациям В. Д. Миллер предлагает как внешние факторы, так и внутренние специфические риски компании. При этом основной особенностью анализа факторов риска является использование SWOT-анализа.

Согласование выбора факторов на рынке «5 сил Портера» (отрасли), влияющих на деятельность и компании (рис. 1.2.):

1. Общие положения риск возникновения новых конкурентов на рынке;
2. Уровень покупательной способности поставщиков;
3. Уровень покупательной способности потребителей;
4. Риск возникновения субститутов (заменителей) продукции / услуг на рынке (цена компании);
5. Уровень конкуренции на рынке.

Предлагаемый В. Д. Миллером подход показывает, как на деятельность компании и уровень рисков влияют внешние и внутренние факторы, и отражает характер возникновения рисков компании. Однако, в случае количественной оценки конкретных рисков компании по теории В. Д. Миллера при выборе факторов соответствия аналитик должен исходить из своего профессионального суждения. Поэтому здесь оценка вознаграждения за конкретные риски будет субъективной.

В результате анализа предложенных классификаций факторов специфических рисков компании, можно сделать заключение, что они охватывают одинаковые категории факторов — макроэкономические, промышленные и внутрифирменные. Поскольку все три категории представляют собой полную совокупность факторов риска на рынках капитала, можно предположить, что такие классификации применяются не только к развитым, но и к развивающимся рынкам. В случае оценки премии за конкретные риски компаний на развивающихся рынках, различия могут быть только в выборе основных факторов риска. Од-

Рис. 2. Структура обобщенных факторов основных специфических рисков компаний и потенциальных показателей (индикаторов компании)
Источник: составлено автором

нако в будущем это заявление требует эмпирического подтверждения.

Таким образом, согласно подходам ученых Тругмана, П. Блека и Р. Грина, В. Д. Миллера, оценка степени влияния по конкретным рискам компании производится на основе рейтинга подхода с учетом выбранных важных факторов.

Понимание этих факторов является основным элементом не только субъективной оценки вознаграждения за конкретные риски, но и решения задач аналитика при разработке механизмов воздействия. Для объективной оценки (количественной) вознаграждения за конкретные риски компаний, а также определения ключевых показателей деятельности, которые могут отражать уровень какого-либо фактора в анализируемом периоде. При этом данные расчеты должны осуществляться на основе статистических данных.

Исследование индикаторов риска показателей можно условно назвать «индикаторами с особыми рисками», например такие, как [14]:

- ◆ факторы риска в сфере финансовой стабильности компании;
- ◆ процентная ставка и низкоэффективный финансовый рычаг;
- ◆ операционная устойчивость бизнеса-рост прибыли;
- ◆ волатильность прибыли;
- ◆ рентабельность инвестиций, операционной маржи и т.д.

Для отбора показателей конкретных рисков следует использовать стандартный набор финансовых показателей (отчетов), позволяющий проводить комплексный анализ деятельности компании (например, методологическая разработка Института CFA). При этом данные показатели косвенно отражают качество управления компанией, управляющей операционным (краткосрочным), стратегическим (долгосрочным) бизнесом. К ним относятся показатели:

- ◆ итоговые показатели («показатели деятельности») — анализ соответствующих коэффициентов позволяет сделать вывод об эффективности управления текущей операционной деятельно-

стью, в том числе запасы, дебиторская и кредиторская задолженность и т.д.;

- ◆ ликвидность («коэффициенты ликвидности») — отчет позволяет оценить способность компании выполнять свои обязательства в краткосрочной перспективе — помогает определить способность предприятия выполнять долгосрочные обязательства перед кредиторами;
- ◆ рентабельность («коэффициенты рентабельности») — отражает способность компании генерировать прибыль при использовании имеющихся ресурсов;
- ◆ оценка активов («оценочные коэффициенты») — анализ показателей позволяет оценить инвестиционную привлекательность актива для инвесторов.

На рис. 2 на основе анализа классификации исследуемых факторов риска представлена сформированная автором структура обобщенных факторов основных специфических рисков компаний и потенциальных показателей (индикаторов компании).

Эта структура включает в себя полный набор потенциальных драйверов специфических рисков макроэкономических, промышленных и внутрифирменных компаний.

Таким образом, эмпирическое исследование возможных показателей риска, характерных для компаний развивающихся рынков, позволит выработать пути дальнейшей объективной оценки вознаграждения за эти риски с учетом уникального характера компании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Flynn, J., Slovic, P., Mertz, C.K., Carlisle, C., 1999. Public support for earthquake risk mitigation in Portland, Oregon. *Risk Anal.* 2, 205e216. Gimenez, R., Labaka, L., Hernantes, J., 2017. A maturity model for the involvement of stakeholders in the city resilience building process. *Technol. Forecast. Soc. Chang.* 121, 7–16. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.08.001>.
2. Reilly R. Business Appraiser Considerations to Measure the Company-Specific Risk Premium. *Business Appraisal Practice*, Spring 2007.
3. Brealey R.A., Myers S. C., Allen F. Principles of Corporate Finance. 9th ed. McGraw-Hill, 2007, 1043 p.
4. Delaware Open MRI Radiology Associates v. Kessler et al., Court of Chancery of the State of Delaware Model. Available at: <http://www.cbh.com/guide/pass-through-entity-tax-affecting-for-business-valuations/>.
5. Helfenstein S. Revisiting Total Beta. *Business Valuation Review*, 2009, vol. 28, 23 p.
6. Trugman G. R. Understanding Business Valuation: A Practical Guide to Valuing Small To Medium-Sized Businesses. 2nd ed. New York, American Institute of Certified Public Accountants (AICPA), 2002, 1146 p.
7. Miller W. D. Assessing Unsystematic Risk: Part I, II, III. *CPA Expert*, 1999, vol. 5, no. 3, 2000, vol. 6, no. 1, 2001, vol. 6, no. 3.
8. Porter M. E. The Five Competitive Forces that Shape Strategy. *Harvard Business Review*, 2008, vol. 86, no. 1, pp. 78–93.
9. Porter M. E. *Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors*. New York, Free Press, 1998, 397 p.
10. Butler P., Pinkerton K. Company-Specific Risk — A Different Paradigm: A New Benchmark. *Business Valuation Review*, 2006, no. 25, pp. 22–28.
11. Butler P., Pinkerton K. Company-Specific Risk: The Dow 30 v. Private Company USA. *The Value Examiner*, 2007. September/October, pp. 12–15.
12. Butler P., Pinkerton K. Quantifying Company-Specific Risk: The Authors Answer to Your Questions. *Business Valuation Update*, 2007, May, pp. 9–14.
13. Butler P., Pinkerton K. Quantifying Company-Specific Risk: A New, Empirical Framework with Practical Applications. *Business Valuation Update*, 2007, vol. 13, no. 2. Available at: <http://wenku.baidu.com/view/674a0e42be1e650e52ea994f>.
14. CFA Institute. CFA Program Curriculum. Financial Reporting and Analysis. Level 1, vol. 3, Wiley, 2013.
15. Damodaran A. *The Dark Side of Valuation: Valuing Young, Distressed and Complex Businesses*. New York, FT/Prentice-Hall, 2009, 600 p.
16. Damodaran A. *Investment Valuation: Tools and Techniques for Determining the Value of Any Asset*. John Wiley & Sons, 2012, 992 p.
17. Non-Financial Risks Are Real for Technology Firms: Survey. — URL: <https://www.insurancejournal.com/news/national/2012/10/18/266876.htm>.
18. Rethinking risk management. Banks focus on non-financial risks and accountability. — EYGM Limited, NY, 2015.

© Баринов Георгий Олегович (Mr-Brownstone@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРОВ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ, ВЛИЯЮЩИХ НА РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ

RESEARCH OF ENVIRONMENTAL FACTORS INFLUENCING THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN INDUSTRY

M. Galichkina

Summary. Development of the economy and industry of our country depends on many factors, both external and internal environment. In this article the main factors of the environment, according to the author, have a direct impact on the activities of domestic industrial organizations. Such factors as the level of employment and unemployment, the level of inflation in the country, the processes of import substitution and the shadow economy are considered in detail. During the analysis of each factor, emphasis was placed on: the cause of their occurrence, current statistics and ways to minimize their negative consequences. The result of the study is a description of environmental factors in terms of threats and restrictions on their part for the activities of industrial organizations in Russia. The presented list of threats is supported by the analysis of current trends on the basis of statistical data for the last 20 years of the Russian national economy, taking into account the influence of the current geopolitical situation.

Keywords: employment rate, unemployment rate, inflation rate, import substitution, shadow economy.

Галичкина Марина Александровна

*К.э.н., Государственный университет управления,
г. Москва
marika18@mail.ru*

Аннотация. Развитие экономики и промышленности нашей страны зависит от множества факторов как внешней, так и внутренней среды. В данной статье исследованы основные факторы внешней среды, по мнению автора, оказывающие непосредственное влияние на деятельность отечественных промышленных организаций. Подробно рассмотрены такие факторы как уровень занятости и безработицы, уровень инфляции в стране, процессы импортозамещения и теневая экономика. В процессе анализа каждого фактора были сделаны акценты на: причину их возникновения, текущие статистические данные и способы минимизации их негативных последствий. Результатом исследования является описание факторов внешней среды с точки зрения угроз и ограничений с их стороны для деятельности промышленных организаций России. Представленный перечень угроз подкрепляется анализом современных тенденций на базе статистических данных за последние 20 лет функционирования российской национальной экономики с учетом влияния складывающейся геополитической ситуации.

Ключевые слова: уровень занятости, уровень безработицы, уровень инфляции, импортозамещение, теневая экономика.

Россия — государство с огромным количеством ресурсов и интеллектуальными потенциалами, но, к сожалению, на сегодняшний день она не является ведущей страной по инвестиционной привлекательности промышленных отраслей. В первую очередь это связано с большим количеством рисков, а также с размером необходимых первоначальных вложений, которые значительно увеличиваются, в том числе, и из-за отсутствия современной инфраструктуры.

Любая инвестиционная деятельность связана с таким понятием как доходность. Доходность — это количественный показатель, выражающий эффективность вложенных средств. В общем виде доходность рассчитывается как отношение прибыли на сумму вложенных средств.

Прибылью называется сумма роста собственного капитала организации, имеющая место вследствие ее коммерческой деятельности, выраженная в денежном эквиваленте. Прибыль является одним из основных источников финансовых ресурсов организации. Величи-

на прибыли зависит от качества эксплуатации факторов производства (капитал, земля и труд), а также от факторов рисков, существующих во внешней среде.

Факторы внешней среды — это факторы, не зависящие от деятельности организации, но оказывающие существенное влияние на результаты ее деятельности.

Среди многообразия внешних факторов для анализа инвестиционного потенциала обычно выделяют следующие [1]:

- ◆ социально-демографическая ситуация в стране;
- ◆ состояние экономики государства;
- ◆ степень политической стабильности;
- ◆ конъюнктура рынка, в том числе рынка потребительских товаров;
- ◆ темпы инфляции;
- ◆ ставка процента за кредит;
- ◆ государственное регулирование экономики;
- ◆ налоговая и кредитная политика государства;
- ◆ экономические условия хозяйствования.

Таблица 1. Численность и состав рабочей силы в возрасте 15 лет и старше (без корректировки сезонных колебаний)

	IV квартал 2018г.	2018г.			Декабрь 2017г.	Декабрь 2018г. К декабрю 2017г., (+, -)
		октябрь	ноябрь	декабрь		
Тыс.человек						
Рабочая сила в возрасте 15 лет и старше	76 223	76 113	76 246	76 311	76 489	-178
занятые	72 569	72 502	72 592	72 612	72 611	1
безработные	3 654	3 611	3 654	3 698	3 877	-179
В процентах						
Уровень занятости (занятые к численности населения в возрасте 15 лет и старше)	59,8	59,8	59,9	59,9	59,7	0,2
Уровень безработицы (безработные к численности рабочей силы)	4,8	4,7	4,8	4,8	5,1	-0,3

Рассмотрим некоторые из них:

Одним из важных показателей стабильности внешней среды является уровень *занятости и безработицы населения*.

Занятость — общественно-полезная деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей и приносящая трудовой доход (заработок).

Безработица — это ситуация, при которой часть рабочей силы не занята в производстве товаров и услуг.

Основными причинами безработицы можно назвать [1]:

- ◆ переизбыток населения в результате демографических сдвигов без сопутствующего роста производства;
- ◆ высокий уровень ставок заработной платы, возникающий в результате давления профсоюзов;
- ◆ умышленное занижение условий оплаты труда и объемов занятости со стороны работодателей;
- ◆ внедрение новых технологий и современного оборудования, в результате чего происходит сокращение рабочей силы;
- ◆ экономические кризисы, приводящие к сокращению персонала в большинстве отраслях экономики.

Рост безработицы может привести к различным негативным последствиям, некоторые из них включают в себя:

- ◆ спад рабочей активности;

- ◆ увеличение напряженности в социуме;
- ◆ снижение производства;
- ◆ потерю квалификации;
- ◆ увеличение расходов государства на пособие по безработице;
- ◆ падение уровня жизни в стране;
- ◆ недостаточное производство национального дохода;
- ◆ уменьшение объема налоговых поступлений;
- ◆ усугубление криминогенной обстановки;
- ◆ усиление социальной дифференциации и др.

С экономической точки зрения, постоянное наличие незанятого излишка рабочей силы является признаком недостаточно эффективной экономической политики. Так, известно, что увеличение на 1% текущего уровня безработицы ведет к уменьшению реального объема ВВП по сравнению с потенциальным на 2,7%.

Данные, представленные Росстатом по итогам 2018 года (таблица 1) [3], говорят о том, что уровень занятости населения (отношение численности занятого населения к общей численности населения в возрасте 15 лет и старше) в сравнении с данными конца 2017 года практически не изменился и составил в декабре 2018 г.— 59,9%, а уровень безработицы — 4,8%. Но не стоит забывать, что большинство людей, оставшихся безработными, не регистрируются в центрах занятости, из чего следует, что данные статистики не выявляют в полной мере реальную картину, сложившуюся в стране.

Анализируя данные Росстата 2018 год, можно отметить следующие тенденции [3]:

Структура вакансий в 2018 г.

% от общего количества вакансий

В среднем **26 167** вакансий ежедневно были размещены на сайте в течение 2018 г.

Рис. 1. Структура вакансий в 2018 году (% от общего количества вакансий) [4]

Наиболее неблагоприятными регионами по уровню безработицы можно выделить: Республика Ингушетия — 26,3%, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская Республики, Республика Алтай — более 10%.

Наиболее благоприятными регионами по уровню безработицы остаются Москва и Санкт-Петербург — меньше 1,5%.

Наиболее популярная сфера деятельности — продажи [4], а именно менеджеры по продажам, торговые представители и продавцы-консультанты. Уровень конкуренции в этой сфере ниже среднего (меньше четырех активных резюме на одну вакансию), и количество вакансий стабильно растет — за 2018 год на 27% (рисунок 1). Второе место по количеству вакансий занимает ИТ-сфера. На третьем месте по уровню спроса у нанимателей — рабочий персонал. Причем «синих воротничков» требуется всё больше и больше — в 2018 году прирост вакансий для них, по сравнению с 2017 годом, составил 58,3%. Эти специалисты в большом дефиците: на одну вакансию приходится всего два активных резюме.

С целью минимизации негативных последствий роста уровня безработицы необходимо принимать меры на всех уровнях государственной власти.

В качестве рекомендаций можно предложить:

- ◆ Улучшение информационного обеспечения рынка труда (деятельности биржи труда);
- ◆ Устранение факторов, которые оказывают негативное воздействие на мобильность рабочей силы. В этом может помочь создание благоприятных условий для специалиста при его переезде из одного населенного пункта в другой при смене места работы;
- ◆ Развитие и применение в организациях программ переквалификации и профессионального переобучения;
- ◆ Создание условий для роста спроса на отечественные товары и услуги;
- ◆ Различные программы развития и поддержки молодых специалистов и малого бизнеса;
- ◆ Грамотная миграционная политика государства;

Использование гибких и нетрадиционных форм занятости, выбор оптимального режима работы самими работниками, внедрение мирового опыта работы «дележа рабочих мест» (job-sharing) и «дележа работы» (work-sharing) во времени и пространстве;

Создание новых рабочих мест за счёт государственных расходов, чаще всего для выполнения работ в интересах общества (работа в области охраны окружающей

Таблица 2. Уровень инфляции в России (1991–2018 гг.),%

1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
160,4	2508,8	840	214,8	131,6	21,8	11	84,5	36,6	20,1
2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
18,8	15,06	11,99	11,74	10,91	9	11,87	13,28	8,8	8,78
2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
6,1	6,58	6,45	11,36	12,91	5,38	2,52	4,3		

среды, строительства автомобильных и железных дорог, очистка мест проживания от мусора и так далее).

Еще одним фактором внешней среды, влияющим на доходность бизнес-систем в промышленности, является *инфляция*.

Такая проблема как инфляция играет важную роль не только в экономике страны и отдельной организации, но и непосредственно в жизни каждого гражданина. Изначально экономический смысл инфляции был в избыточности бумажных денег и их обесценивании соответственно. Сегодня же ее возникновение связано с комплексом факторов, подтверждающих тот факт, что инфляция также экономический и социально-политический феномен:

В том случае, когда уровень спроса на товары и услуги превышает возможности предложения по его удовлетворению, это считается проинфляционным влиянием факторов со стороны спроса. В некоторых случаях на ускоренный рост спроса могут повлиять слишком доступные для населения кредиты или ускоренный рост номинальных доходов экономических субъектов. Подобные источники избыточного спроса обычно обозначают как «монетарные факторы инфляции» или давление на цены в связи с созданием излишнего количества денежной массы.

Другой причиной роста инфляции можно назвать положение дисбаланса на рынке, возникающее в результате недостаточного предложения товаров и услуг, например, из-за ограничений на импортирование продукции, низкого объема урожая или действий монополистов на рынке.

Повышение издержек на производство и реализацию одной единицы продукции также может вызвать обесценивание денег. Основными причинами данного явления называют удорожание материалов, сырья или комплектующих, а также повышение расходов предприятия на заработную плату, процентные платежи, налоги и другие затраты. Рост издержек также может привести к снижению объемов производства, что, в свою очередь,

ведет к образованию дополнительного проинфляционного давления вследствие недостаточного предложения.

В экономической теории отдельно выделяется такой инфляционный фактор, как формируемые экономическими субъектами предположения об уровне будущей инфляции, более известный как «инфляционные ожидания». Производители товаров и услуг принимают во внимание ожидаемый уровень снижения покупательской способности денег при решении таких вопросов как установление ставок заработной платы, цен на их собственную продукцию, и вдобавок проблемы определения объемов производства и вложений в инвестиции. Инфляционные ожидания потребителей оказывают существенное влияние на распределение имеющихся в их распоряжении средств между сбережением и потреблением. Подобные решения со стороны экономических субъектов влияют на спрос и предложение на рынке и, в конечном итоге, на уровень инфляции.

Важная характеристика инфляции — ее величина, которая рассчитывается на основе индексов потребительских цен, публикуемых Федеральной службой государственной статистики. Очевидно, что чем выше инфляция, тем хуже для экономики и населения страны. По данным Росстата за 2018 год инфляция в 2017 году составила рекордно низкий уровень за всю историю существования РФ — 2.5%. В 2018 году она уже выросла почти в 2 раза и составила — 4.3% при ключевой процентной ставке ЦБ — 7.75% (таблица 2). [6]

Исходя из представленных данных, можно заключить, что Россия имеет дело с ползучей инфляцией, однако, стоит помнить, что экономическая ситуация в стране отличается определенной нестабильностью, что в большей степени характерно для стран 3 мира. Так, если рассмотреть уровень инфляции в динамике за последние 27 лет, то можно убедиться, что в кризисные годы он достигал двухзначных значений.

Инфляция является крайне негативным экономическим явлением, а потому, в случае её возникновения, государство должно приложить все усилия, чтобы мак-

симально подавить её. Условно политику, направленную на борьбу с инфляцией, можно разделить на активную антиинфляционную политику и адаптивную антиинфляционную политику. Активная политика собирает причины, вызывающие инфляцию, а также концентрируется на применении монетарной политики. Для данной политики характерны такие методы, как контроль денежной эмиссии, недопущение эмиссионного финансирования государственного бюджета, контролирование денежной массы с помощью операций на открытом рынке, пресечение запуска в обращение денежного суррогата, проведение денежной реформы, имеющей инфляционный характер. Адаптивная политика в свою очередь, направлена на приспособление к условиям инфляции и смягчение ее отрицательного влияния. Подобная политика включает в себя следующие процедуры: сдерживание роста факторных цен доходов, борьба с монополиями, а также развитие различных рыночных институтов, а также стимулирование особой производственной политики, направленной против увеличения факторного дохода и цен.

Помимо различных видов антиинфляционной политики, выделяют также общие методы борьбы, среди которых отмечают политику цен и доходов, контролирование эмиссии денег, регулирование учетной ставки (в условиях инфляции её в основном повышают), сопровождаемое с повышением нормы обязательного резервирования. Также государство может сокращать расходы на государственные закупки и социальные программы и совершенствовать налоговую систему, ставя перед собой цель — повышение налоговых поступлений в бюджет.

На сегодняшний день остается актуальной проблема *импортозамещения* в России.

Исходя из товарной структуры внешней торговли России [3], значительную долю импорта страны составляют машины, оборудование и транспортные средства — 112,6 млрд. долл.США. При этом в 2018 году по сравнению с 2017 можно отметить следующие тенденции: импорт кузовов моторных транспортных средств увеличился на 33,1%, компьютеров и их блоков — на 16,6%, частей моторных транспортных средств — на 12,9%, электрических телефонных и телеграфных аппаратов — на 12,4%, легковых автомобилей — на 8,4 процента.

Основу российского импорта кроме машин, оборудования и транспортных средств составляют продукция химической промышленности и каучук, продовольственные товары и с/х сырье, доля этих трех товарных групп в январе-декабре 2018 года в структуре российских закупок составила 78%.

На мировой арене продукты российской отрасли машиностроения пользуются спросом главным образом в странах СНГ, Восточной Европы, лишь некоторые продукты подразделений (например, оборонно-промышленного комплекса, авиакосмической промышленности) занимают ведущие места в мировой торговле. Это связано с низкой степенью наукоемкости, доли инновационной продукции в общей совокупности российского машиностроения, что не выдерживает конкуренции с соответствующими отраслями экономик таких стран, как США, Япония, стран Европы. Т.е., практически не уступая в объеме производимой продукции, Россия уступает в уровне качества, в степени внедрения инноваций, а также в воде в производство новых наукоемких изделий.

Двумя основными причинами тому являются недостаточное финансирование данной отрасли (в совокупности с недостатком финансирования в научно-исследовательской отрасли), а также несовершенство системы управления отраслью и экономической системой, в частности. Опираясь на статистические данные, можно говорить, что характерной чертой российского машиностроения 90-х, 00-х годов является экстенсивный рост, и лишь в недавнее время стало проявляться активное внедрение инновационных разработок в производство промышленной продукции.

Ярким примером экстенсивного развития машиностроительного комплекса является выпуск продукции «АвтоВАЗа», входящего в число крупнейших компаний данной отрасли. Например, модельный ряд автомобилей не обновлялся почти на протяжении трех десятилетий и еще в 2011 году продолжались выпускаться автомобили, спроектированные в 70-х: ВАЗ-2104, ВАЗ-2107.

Основными причинами слабости отечественной промышленности можно назвать:

- ◆ сложные политические отношения;
- ◆ слабый курс рубля;
- ◆ снижение инвестиций в основной капитал;
- ◆ устаревшее оборудование и технологии;
- ◆ сложность внедрения инновационных технологий (необходимость реструктуризации производственных процессов, переобучения сотрудников и т.п.);
- ◆ неразвитость инфраструктуры;
- ◆ односторонность внешней торговли (сырьевая направленность);
- ◆ высокий уровень ценовой конкуренции со стороны Китая;
- ◆ нехватка квалифицированных кадров (слабая высшая школа, миграция специалистов).

Варианты решения вышеупомянутых проблем:

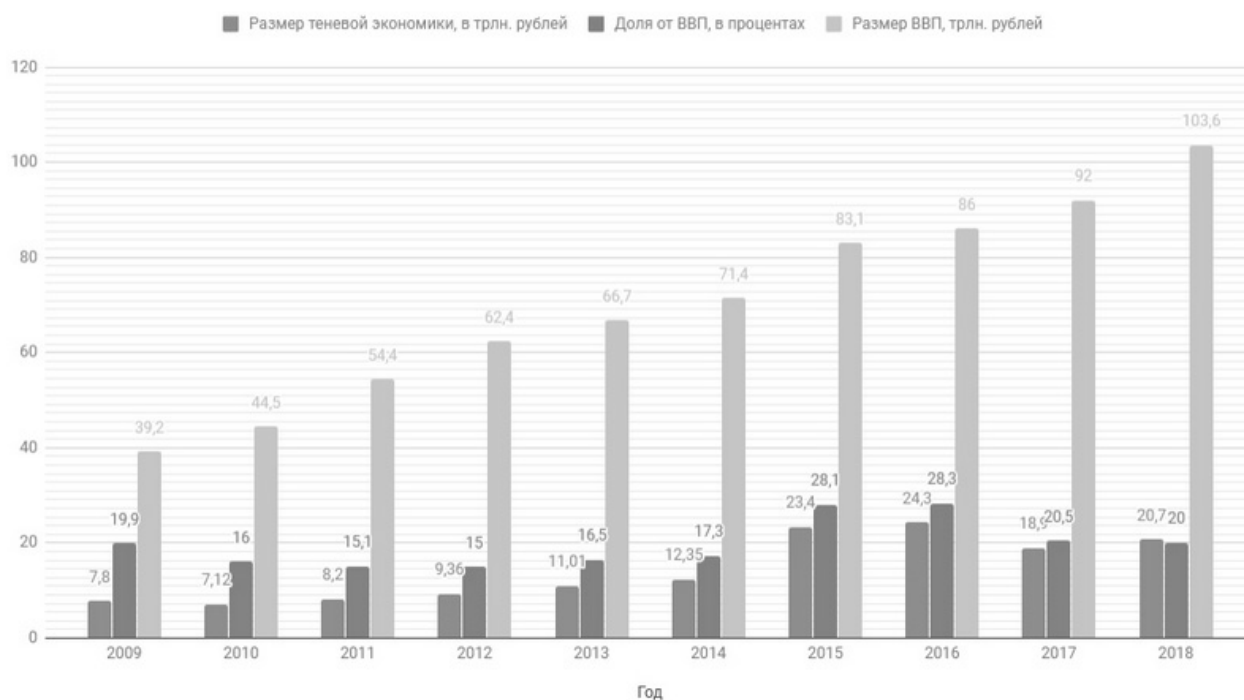

Рис. 2. Статистика теневой экономики России (2009–2018 гг.)

- ◆ Инвестиции в основной капитал. Необходимо повысить инвестиционную привлекательность и дать гарантии инвесторам, что их инвестиции окупятся.
- ◆ Поиск новых рынков сбыта за границей. Что будет стимулировать отечественных производителей к доработке конструкций для экспортных рынков.
- ◆ Обращение производственных организаций к ВУзам. В эффективных ВУЗах учатся студенты и работают научные сотрудники. Если на производстве имеется проблема, то совместными усилиями можно ее выявить и решить. Это решит несколько пунктов проблем эффективного производства. Студенты будут обогащать организации новыми идеями, а сотрудники ВУЗов и специалисты этих организаций помогут им в их реализации. Если организации возьмут на себя инициативу выращивать собственные кадры в университетах, при условии, что по окончании ВУЗа студенты будут отрабатывать в организации, на основе двухстороннего контракта, определенный срок, мы сможем не только расширить производство в стране, но и вырастить высококвалифицированных специалистов.

Также одной из важнейших проблем российской экономики можно выделить наличие *теневого сектора экономики*.

Теневая экономика — это такой вид взаимодействий экономических субъектов, который осуществляется в обход существующих государственных законов и общественных правил. Доходы от такой предпринимательской деятельности скрываются, и не являются налогооблагаемыми. Данная проблема распространена во всех отраслях экономики Российской Федерации и напрямую связана с уровнем безработицы в стране, коррупцией, миграционной политикой и налоговой системой.

Существует несколько разновидностей теневой экономики:

- ◆ Неофициальная экономика — законные виды экономической деятельности, в которых имеет место скрытое производство товаров и услуг, с целью сократить издержки.
- ◆ Фиктивная экономика — экономика, с обратной стороны которой совершаются противозаконные действия (взятки, спекуляции и прочие денежные мошенничества).
- ◆ Криминальная экономика (черная экономика) — такая экономическая деятельность, которая напрямую связана с нарушением закона. К этой группе также относят монополистические действия и ограничение конкуренции.

По данным Росстата и Росфинмониторинга статистика теневой экономики за период 2009–2018 гг. имеет следующие данные (см. рисунок 2) [5]:

Для борьбы с ростом теневой экономики государство проводит тройственную политику, которая включает в себя следующие принципы:

1. Принцип предотвращения попадания в сектор теневой экономики легальных предпринимателей. Данный принцип осуществляется за счет пропаганды в СМИ «неудобного и негативного» образа теневого бизнеса. Помимо этого, исполнительными органами проводится профилактическая работа.
2. Принцип сокращения контингента «черных» предпринимателей. Осуществляется за счет вычисления и наказания организаторов теневого бизнеса.
3. Создание благоприятных условий для развития легального бизнеса. Сюда относятся изменения в налоговой политике, кредитной и административной.

В качестве рекомендаций к проводимой государством политики можно выделить:

- ◆ законодательно ужесточить наказание за коррупцию;
- ◆ ввести меры поощрения сотрудникам, активно борющимся с теневым бизнесом.

Исходя из описанных внешних проблем промышленных бизнес-систем в России, можно обозначить следующие пути повышения их инвестиционной привлекательности:

- ◆ качественное улучшение системы экономического управления в целом, а также перераспределение доли доходов отраслей в пользу научных исследований, внедрения инновационных разработок;
- ◆ применение международного опыта, обмен в области научно-исследовательских разработок;
- ◆ выбирая новый курс развития, нужно учитывать, что только комплексное, гармоничное изменение всей экономики страны позволит получить желаемый результат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галичкина М. А. Анализ уровня безработицы в России и факторов, влияющих на её динамику // Сборник публикаций научного журнала "Globus" по материалам XV международной научно-практической конференции: «Экономика и юриспруденция: теория и практика». — С-Пб.: Научный журнал "Globus", 2016. — с. 81–85.
2. О текущей ситуации в экономике Российской Федерации в январе 2019 г. (в части внешнеэкономической деятельности) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ved.gov.ru/monitoring/foreign_trade_statistics/monthly_trade_russia/ (дата обращения: 25.03.2019)
3. Россия в цифрах. 2018: Крат. стат. сб./Росстат- М., 2018—522 с.
4. Рынок труда. Итоги 2018 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://jobs.tut.by/article/23878> (дата обращения: 25.03.2019)
5. Теневая экономика в России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://fincan.ru/articles/94_tenevaja-ekonomika-v-rossii/ (дата обращения: 25.03.2019)
6. Уровень инфляции в России по годам (1991–2018): официальные данные Росстата [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bs-life.ru/makroekonomika/uroven-inflyatsii-po-godam.html> (дата обращения: 25.03.2019)

© Галичкина Марина Александровна (marika18@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УПРАВЛЕНИЕ ПЕНСИОННЫМИ АКТИВАМИ: РАСКРЫТИЕ БАЗОВЫХ ДЕФИНИЦИЙ

PENSION ASSETS MANAGEMENT: CLARIFICATION OF BASIC DEFINITIONS

T. Esaulkova

Summary. before analyzing something, it's important to determine the basic categories. In this regard, the article attempted of formulating of the basic concepts, which are used in the study of processes of management of pension facilities. In particular, the author emphasizes a narrow, wide and extremely broad interpretation of the concept of management of pension assets, accordingly, referring it to the processes of direct investment of pension facilities into officially authorized assets, to the processes of corporate management and to the pension system as a whole. Similarly made clarifications in relation to the concept of «investing». With regard to the modern Russian pension system disclosed the concept of «pension assets».

Keywords: investment, pension assets, management, facilities of pension savings, facilities of pension reserves.

Есаулкова Татьяна Станиславовна

*К.э.н., Всероссийский научно-исследовательский институт труда
При Минтруде России (Москва)
sovet@vcot.info*

Аннотация. прежде чем что-то анализировать, важно определиться с базовыми категориями. В связи с этим в статье предпринята попытка формулирования основных понятий, которые применяются при изучении процессов управления пенсионными средствами. Автор выделяет узкую, широкую и предельно широкую трактовки понятия управления пенсионными активами, соответственно, отнеся их к процессам непосредственного вложения пенсионных средств в законодательно разрешенные активы, к процессам корпоративного управления и к пенсионной системе в целом. Аналогично проведены уточнения в отношении понятия «инвестирование». Применительно к современной российской пенсионной системе раскрыто понятие «пенсионные активы».

Ключевые слова: инвестирование, пенсионные активы, управление, средства пенсионных накоплений, средства пенсионных резервов.

Терминологический аппарат, применяемый в системе пенсионного страхования, нуждается в уточнении в виду полисемантической употребления его базовых понятий. Прежде всего, это касается самого термина «управление пенсионными активами». В отечественной и зарубежной литературе по пенсионному страхованию он употребляется в широких и узких трактовках. Узкие трактовки, как правило, строятся на операциональном употреблении данного термина, а именно для обозначения процесса вложения (размещения/инвестирования) соответствующими субъектами (портфельными управляющими, брокерами, а также иными субъектами, участвующими в инвестиционном процессе) пенсионных средств в объекты инвестирования (в частности, такое управление может означать куплю-продажу ценных бумаг на фондовом рынке).

Более широкая трактовка анализируемого термина используется в процессах корпоративного управления (например, при управлении пенсионными активами в пенсионном фонде или управляющей компании, участвующей в пенсионной системе). В этом случае управление пенсионными активами включает целый ряд процессов: аккумулирование пенсионных средств, их учет, инвестирование/размещение пенсионных средств с учетом разработанной инвестиционной политики и механизмов ее реализации (самостоятельное их раз-

мещение/инвестирование или в соответствии с договором доверительного управления).

Таким образом, управление пенсионными активами рассматривается в разрезе инвестиционного цикла: с этапов формирования инвестиционных ресурсов (сбор и аккумулирование пенсионных/страховых взносов), их вложения в официально разрешенные активы и получения дохода (эффекта) до этапа пенсионных выплат. Кроме того, управление пенсионными активами при таком подходе предполагает целый ряд инвестиционных циклов (оборотов инвестиций).

Следует отметить, что от эффективности корпоративного управления пенсионными активами зависит уровень доходности фонда. В частности, установлено, что «фонды с более высоким уровнем корпоративного управления в среднем за год получали доходность на 2,4% выше, чем фонды с низким уровнем» [1, с. 27].

Что касается понимания управления пенсионными активами применительно к российским условиям, то оно может осуществляться негосударственным пенсионным фондом (НПФ) как самостоятельно (при размещении пенсионных средств в рамках негосударственного пенсионного обеспечения /НПО/), так и через управляющую (управляющие) компанию (компании) /УК/ (отвечающую законодательно установленным требованиям) посредством доверительно-

го управления (это обязательное требование при инвестировании пенсионных накоплений в системе обязательного пенсионного страхования /ОПС/ и добровольное — при размещении пенсионных резервов в НПО).

Вместе с тем в теории и на практике управление пенсионными средствами может трактоваться предельно широко — в ракурсе пенсионной системы в целом. В этом случае такое управление включает деятельность широкого круга субъектов и участников (помимо НПФ и УК, это государственные органы, уполномоченные регулировать процессы управления пенсионными активами, осуществлять контроль и надзор за инвестиционной деятельностью в этой сфере, а также негосударственные структуры — спецдепозитарий, независимые аудиторы и актуарии).

В предельно широкой трактовке процессы управления пенсионными активами предусматривают наличие как вертикальных, так и горизонтальных связей. Участие государственных структур в данном процессе предполагает выстраивание связей иерархической подчиненности. Например, государство формирует и законодательно закрепляет перечень требований к участникам и субъектам инвестиционных процессов, механизмам инвестирования/размещения пенсионных средств, несоблюдение которых порождает негативные санкции к нарушителям (например, аннулирование лицензии НПФ за нарушение, его принудительная ликвидация). Так, по данным Банка России, к 01.02.2019–48 НПФ находятся в процессе ликвидационных процедур из-за допущенных нарушений [2]. Одновременно управление пенсионными активами предполагает и выстраивание горизонтальных связей между субъектами (участниками) этого процесса (например, между НПФ и УК при заключении договора доверительного управления; между НПФ и спецдепозитарием — при выстраивании отношений на основании соответствующего договора и пр.).

В уточнении дефиниции нуждается и понятие «пенсионные активы». Согласно Федеральному закону «О негосударственных пенсионных фондах» [6], под «пенсионными активами» понимаются объекты инвестирования. Данные активы формируются в системах ОПС (пенсионные накопления¹) и НПО (пенсионные резервы), а затем

¹ «Пенсионные накопления — совокупность средств, в том числе средства взносов на софинансирование формирования пенсионных накоплений, поступивших в соответствии с Федеральным законом «О дополнительных страховых взносах на накопительную пенсию и государственной поддержке формирования пенсионных накоплений», и средства (часть средств) материнского (семейного) капитала, направленные на формирование накопительной пенсии в соответствии с Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», находящихся в собственности фонда, предназначенных для исполнения обязательств фонда перед застрахованными лицами в соответствии с договорами об обязательном пенсионном страховании и формируемых в соответствии с настоящим Федеральным законом» (ст. 3 № 75-ФЗ).

инвестируются/размещаются в разрешенные объекты инвестирования. Вместе с тем в Федеральном законе «Об обязательном пенсионном страховании» понятие «средства обязательного пенсионного страхования» означает «денежные средства, которые находятся в управлении страховщика по обязательному пенсионному страхованию» [7]. В качестве страховщика выступают, согласно данному Закону, НПФ и ПФР (ст. 5 Закона).

В связи с тем, что пенсионные средства (пенсионные накопления и пенсионные резервы) формируются на основе разных, в том числе финансовых механизмов, процессы управления этими средствами имеют свою специфику. Например, это выражается в разных ограничениях на разрешенные объекты инвестирования и доли в инвестиционном портфеле. Как отмечалось, самостоятельное инвестирование НПФ средств пенсионных накоплений законодателем запрещено. Кроме того, само управление средствами пенсионных накоплений может быть представлено в качестве разноуровневой иерархически выстроенной системы: на верхнем уровне которой — Банк России; Пенсионный фонд Российской Федерации (ПФР); остальные уровни заполняют негосударственные контролирующие структуры (спецдепозитарий, независимые аудиторы и актуарии), а также НПФ, УК (как государственная — ГУК, так и частные управляющие компании — ЧУК), непосредственные участники, реализующие деятельность по инвестированию средств пенсионных накоплений (в частности, брокеры и пр.).

В связи с неоднозначностью толкования в уточнении нуждается и понятие «инвестирование», так как нередко именно инвестирование понимается под управлением пенсионными активами. Понятие «инвестирование» трактуется в разных подходах по-разному в зависимости от того, какая сторона инвестиционного процесса выходит на передний план. Так, в объектном подходе — это объекты инвестирования (например, «вложения денежных средств в различные формы финансового и материального богатства» [3, с. 10]); в процессуальном подходе — деятельностная сторона (например, «инвестирование средств пенсионных накоплений — деятельность управляющей компании по управлению средствами пенсионных накоплений» [8]); в целевом подходе — интенции такого инвестирования (например, «использование денег для получения больших денег, для извлечения дохода или достижения прироста капитала либо для того и другого» [4, с. 173]); в затратном подходе — затраты, связанные с вложением средств (например, «инвестиции обозначают поток затрат на увеличение или поддержание реального основного капитала /capital stock/» [5, с. 257]). Представляется, что наибольшей эвристической значимостью обладает подход, соединяющий ресурсные и затратные стороны, а также выделяющий в определении инвестирования его широкую и узкую трактовки.

На основе обобщения изложенных выше подходов можно сформулировать в качестве рабочего следующее определение понятия «инвестирование пенсионных средств»: это — деятельность, направленная на получение прибыли и достижение социально значимых целей на основе единства ресурсной (аккумулированные пенсионные средства с целью дальнейшего получения дохода) и затратной сторон (вложения в разрешенные законодателем активы).

Инвестирование/размещение пенсионных средств имеет свои особенности, связанные со спецификой данных средств (в частности, в Российской Федерации

это средства пенсионных резервов и пенсионных накоплений), его целевым предназначением — получение прибыли (сохранение, прирост пенсионных активов) для выполнения закрепленных соответствующими договорами обязательств (например, пенсионных фондов перед вкладчиками, участниками, застрахованными лицами) по формированию их будущей пенсии и пенсионным выплатам (выплата накопительной пенсии, негосударственной пенсии, срочной выплаты, единовременной выплаты). К особенностям инвестирования пенсионных средств можно также отнести его долгосрочный характер ввиду долгосрочности пенсионных обязательств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А., Радыгин А., Чернова М., Акшенцева К. Эффективность управления пенсионными накоплениями: теоретические подходы и эмпирический анализ // Вопросы экономики. — 2015. — № 7. — С. 26–44.
2. Банк России. Информация о ходе ликвидационных процедур в отношении негосударственных пенсионных фондов по состоянию на 01.02.2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cbr.ru/finmarket/supervision/sv_coll/. — (Дата обращения 15.02.2019).
3. Деева А. И. Инвестиции. — М.: Экзамен, 2005. — 397 с.
4. Розенберг Дж. М. Инвестиции. Терминологический словарь. — М.: ИНФРА-М., 1997. — 400 с.
5. Словарь современной экономической теории Макмиллана / Дж.Т.Аддисон и др. — М.: ИНФРА-М, 1997. — 607 с.
6. Федеральный закон от 07.05.1998 № 75-ФЗ (действующая редакция) «О негосударственных пенсионных фондах» // Российская газета (федеральный выпуск). — 13.05.1998; Консультант Плюс. — 01.02.2019.
7. Федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ (действующая редакция) «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // Российская газета (федеральный выпуск). — 20.12.2001; Консультант Плюс. — 01.02.2019.
8. Федеральный закон от 24.07.2002 № 111-ФЗ (действующая редакция) «Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации» // Российская газета (федеральный выпуск). — 30.07.2002; Консультант Плюс. — 01.02.2019.

© Есаулкова Татьяна Станиславовна (sovnet@vcot.info).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КЛЮЧЕВЫЕ ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ СИСТЕМЫ ЦИФРОВЫХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ ЕАЭС

KEY APPROACHES TO THE DEVELOPMENT OF A SYSTEM FOR DIGITAL TRANSPORT CORRIDORS EAEU

A. Efremov
M. Krekova
A. Boreiko

Summary. The article describes the key principles of digitalization of the transport complex and the formation of digital transport corridors of the Eurasian economic Union, their integration into the world transport system.

Keywords: transport complex, digital transport corridors, digitalization, digital infrastructure.

Ефремов Андрей Александрович

*Д.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Московский
политехнический университет»
a.a.efremov@mospolytech.ru*

Крекова Марина Михайловна

*Д.э.н., профессор, ФГБОУ ВО «Московский
политехнический университет»
kmm1901@mail.ru*

Борейко Александр Евгеньевич

*ООО «Интеллектуальные транспортные
технологии»
alexeborei@inteltech.center*

Аннотация. В статье определены ключевые принципы цифровизации транспортного комплекса и формирования цифровых транспортных коридоров Евразийского экономического союза, их интеграции в мировую транспортную систему.

Ключевые слова: транспортный комплекс, цифровые транспортные коридоры, цифровизация, цифровая инфраструктура.

Международные транспортные коридоры являются важнейшим элементом мировой транспортной системы, обеспечивая магистральные перевозки значительных объемов грузов по устоявшимся маршрутам и отработанным технологиям с соблюдением качественных условий перевозки, включая вопросы ее безопасности и сохранности груза. С момента своего зарождения транспорт и транспортные услуги претерпели ряд существенных, революционных изменений, поднимающий организацию и эффективность перевозочного процесса на качественно новый уровень. Ключевым моментом развития транспортной отрасли стало формирование во второй половине XX-го века системы международных транспортных коридоров. Принятие на международном уровне ряда соглашений создало фундамент для выстраивания международной транспортной сети, обеспечивающей равные конкурентные условия осуществления перевозок, обеспечения их безопасности и качества, введения согласованной тарифной политики. В свою очередь это обеспечило снижение непроизводительных затрат на организацию перевозок, повысило их экономическую эффективность для всех участников перевозочного процесса.

Комитетом по внешнему транспорту Европейской Экономической Комиссии ООН дано следующее определение международного транспортного коридора: «Международный транспортный коридор (МТК) — это часть национальной или международной транспортной системы, которая обеспечивает международные грузовые

и пассажирские перевозки между отдельными географическими регионами, включает в себя подвижной состав и стационарные устройства всех или отдельных видов транспорта, работающих на данном направлении, а также совокупность технологических, организационных и правовых условий осуществления этих перевозок».

Рабочая группа Европейской комиссии по проблемам развития транспортных коридоров дала следующее определение: «Международный транспортный коридор — наличие автомобильного, железнодорожного, водного и смешанных видов транспорта, которые осуществляют свою деятельность в непосредственной близости друг от друга или удаленных на многие километры, но ориентированных в одном общем направлении».

Решением Высшего Евразийского экономического совета 26 декабря 2016 года № 19 дано определение евразийского транспортного коридора: «совокупность маршрутов, интегрированных в том числе в сеть международных транспортных коридоров, проходящих по территориям государств — членов и обеспечивающих перевозки пассажиров и грузов в международном сообщении на направлениях их наибольшей концентрации, а также совокупность технологических и организационно — правовых условий осуществления этих перевозок».

Существуют и другие, отличные от выше приведенных, определения. Очевидно, что выработка и принятие

Рис. 1. Критические автомобильные международные транспортные коридоры

Рис. 2. Схема железнодорожных транспортных коридоров ОСЖД

Рис. 3. Схема основных трансевразийских транспортных коридоров (ЕБР)

общего понятийного аппарата, а также определение принципов формирования и управления международными транспортными коридорами представляет важную научную и практическую задачу в сфере транспорта.

Из наиболее значимых систем транспортных коридоров, имеющих прямое влияние на развитие экономики Российской Федерации, можно выделить следующие:

- ◆ панъевропейские (критские) транспортные коридоры — транспортные коридоры в Центральной и Восточной Европе;
- ◆ транспортные маршруты ЕврАзЭС;
- ◆ железнодорожные транспортные коридоры Организации сотрудничества железных дорог (ОСЖД);
- ◆ коридоры Центральноазиатского регионального экономического содружества (ЦАРЭС);
- ◆ коридоры Евроазиатской конференции по транспорту;
- ◆ коридоры Шанхайской организации сотрудничества (ШОС);
- ◆ коридоры Комитета по внутреннему транспорту ЕЭК ООН;
- ◆ коридоры СНГ.

Не смотря на важнейшую роль системы международных транспортных коридоров в транспортной системе и в целом в мировой экономике, устоявшегося понятийного аппарата, равно как и официально утвержденного списка (перечня, каталога) международных транспортных коридоров на международном и национальном уровне нет. На основании п. 14 Решения Евразийского межправительственного совета от 25 октября 2017 года № 3 на 2019–2020 годы намечено принятие рекомендации о перечне евразийских транспортных коридоров и маршрутов по предложениям государств-членов.

При этом в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) осуществляется реализация скоординированной (согласованной) транспортной политики (принята Решением Высшего Евразийского экономического совета от 26.12.2016 г. № 19), направленная на обеспечение экономической интеграции, последовательное и поэтапное формирование единого транспортного пространства. На основании официальных документов под единым транспортным пространством ЕАЭС понимается совокупность транспортных систем государств-членов, в рамках которой обеспечиваются беспрепятственное передвижение пассажиров, перемещение грузов и транспортных средств, их техническая и технологическая совместимость, основанные на гармонизированном законодательстве государств-членов в сфере транспорта.

По территории ЕАЭС проходит сеть важнейших трансконтинентальных международных транспортных коридоров

в составе автомобильных и железных дорог, внутренних водных путей и воздушных трасс. Транспортные системы ЕАЭС могут обеспечить кратчайшие трансконтинентальные связи между Европой и Азией, поэтому их интеграция не только приведёт к увеличению объёмов транзитных перевозок, но и будет активно содействовать развитию всех стран Евразийского континента.

В настоящее время мировая транспортная отрасль переживает технологическую революцию, связанную со следующими факторами:

- ◆ Переход от обмена бумажными документами к обмену юридически значимыми данными;
- ◆ Широкое применение on-line управления ходом перевозки и взаимодействия участников перевозочного процесса;
- ◆ Переход от концепции конкуренции к выстраиванию экосистем участников перевозочного процесса как сообщества взаимодействующих и взаимно дополняющих хозяйствующих субъектов и регуляторов.

Не остается в стороне и российский транспортный комплекс, активно реализующий мероприятия по «цифровизации» и «цифровой трансформации» деятельности как на уровне бизнеса, так и на государственном уровне.

На уровне бизнеса внедрение современных, «цифровых» методов и средств управления является ключевым фактором обеспечения конкурентоспособности и развития. Технологии спутниковой навигации, информационно-управляющие системы складской логистики, мониторинга и диспетчеризации перевозок, системы управления взаимодействием с клиентами становятся обязательным рабочим атрибутом современных транспортных, логистических компаний, операторов транспортной инфраструктуры.

На государственном уровне подготовлен и находится на окончательном согласовании ведомственный проект Минтранс России «Цифровой транспорт и логистика». Данный проект предполагает внедрение цифровых технологий на транспорте и охватывает следующие области, детализированные в конкретном плане мероприятий:

- ◆ Грузовые перевозки — организация безбумажного управления грузовыми перевозками и предоставление цифровых сервисов государству и бизнесу;
- ◆ Пассажирские перевозки — управление и организация пассажирских перевозок с помощью цифровых сервисов, единый электронный проездной документ;
- ◆ Цифровая инфраструктура транспортного комплекса — цифровой мониторинг и контроль,

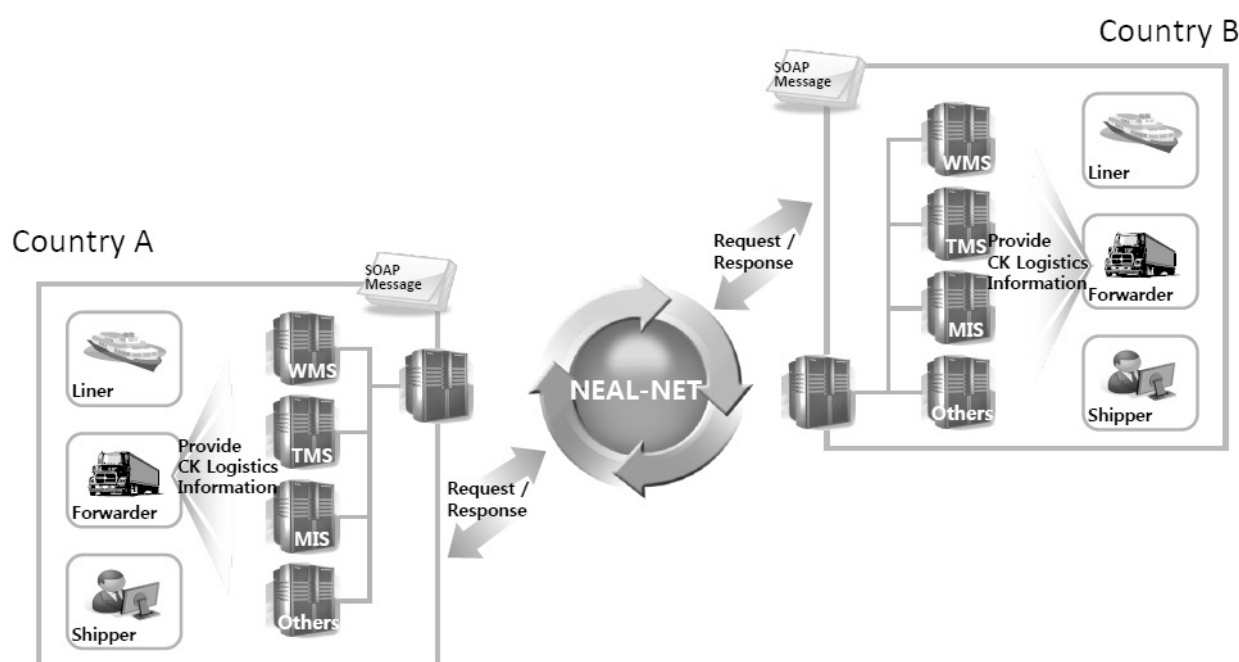

Рис. 4. Межгосударственный обмен логистическими данными в рамках платформы NEAL-NET

предоставление цифровых сервисов для управления транспортной инфраструктурой;

- ◆ Экология — цифровой мониторинг и контроль соблюдения экологических норм на транспорте;
- ◆ Трансграничное взаимодействие — интеграция в мировое транспортное пространство и реализация транзитного потенциала;
- ◆ Безопасность транспортного комплекса — обеспечение надежности, устойчивости, мониторинга и цифрового управления национальной транспортной системой;
- ◆ Беспилотный транспорт — цифровой мониторинг и контроль использования беспилотных технологий на транспорте.

Как видно из данного списка ключевых направлений «цифровизации» отечественного транспортного комплекса, задачи интеграция в мировое транспортное пространство и выстраивания эффективных систем управления перевозками, в том числе по транспортным коридорам, имеют первостепенное значение.

В связи с актуальностью цели поэтапного формирования единого транспортного пространства ЕАЭС и его интеграции в общемировую транспортную систему требуется определение стратегических направлений развития международных транспортных коридоров, проходящих по территории государств-членов ЕАЭС, включая Российскую Федерацию. Очевидно, что наибольшим приоритетом среди данных направлений развития МТК

ЕАЭС в условиях «цифровизации» экономики должны обладать мероприятиями, направленными на внедрение цифровых технологий на транспорте, формирования цифровых транспортных коридоров ЕАЭС.

С учетом особого юридического статуса ЕАЭС, определенного Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., требуется применение особых подходов в формировании цифровых транспортных коридоров ЕАЭС и информационной системы управления ими, отличных от аналогичных реализуемых проектов в странах Европейского Союза (ЕС) и странах Юго-Восточной Азии (Китайская Народная Республика, Южная Корея, Япония).

В частности, в Китайской Народной Республике по заказу Центрального Правительства разработана и внедрена Национальная открытая информационная платформа транспорта и логистики (National Public Information Platform for Transport & Logistics, LOGINK). Создание платформы LOGINK (www.logink.org) было начато в 2007 г. для обеспечения открытости и организации обмена логистическими данными Министерством транспорта КНР.

В Японии в 2009 году Министерство земли, инфраструктуры, транспорта и туризма разработало и запустило в эксплуатацию систему поддержки логистики Container Logistics Information Service (Colins). Также при поддержке японских властей были реализованы и дру-

гие японские проекты — системы позиционирования контейнеров на железнодорожном транспорте японской компании железнодорожных грузовых перевозок IT-FRENS, системы мониторинга перевозок Sea-NACCS для морских грузов и Air-NACCS для воздушных перевозок.

Аналогичные проекты при непосредственной поддержке органов власти были реализованы и в Южной Корее.

В дальнейшем на трехсторонней китайско-японско-корейской конференции министров транспорта был дан старт созданию региональной платформы NEAL-NET. Платформа NEAL-NET (<http://english.nealnet.org/>) является транснациональным, не коммерческим механизмом логистического взаимодействия и обмена данными. В рамках платформы NEAL-NET содержится и осуществляется межгосударственный информационный обмен информацией касательно:

- ◆ Движению судов в режиме реального времени;
- ◆ Перевозки контейнеров в режиме реального времени;
- ◆ Состоянию и загруженности объектов портовой инфраструктуры;
- ◆ Справочной портовой информации.

В июле 2016 г. на трехсторонней межминистерской встрече министры транспорта Китая, Японии и Кореи признали платформу NEAL-NET как наиболее продуктивный результат и самый мощный стимул развития логистической отрасли. Также министры согласовали развитие платформы NEAL-NET для обеспечения взаимодействия с национальными логистическими системами в странах АСЕАН, Тихоокеанском регионе и Евросоюзом.

В связи с тем, что ЕАЭС обладает особым юридическим статусом, является межгосударственным экономическим союзом (объединением), представляется целесообразным глубокое изучение и практическое применение опыта восточных соседей в формировании системы цифровых транспортных коридоров ЕАЭС, на практике решивших сложнейшие политические и организационные задачи «цифровизации» национальных транспортных комплексов и их интеграции.

Предлагаемые подходы к формированию системы цифровых транспортных коридоров ЕАЭС с учетом мирового опыта включают:

- ◆ Выстраивание на наднациональном уровне цифровой системы как совокупности информационных платформ для решения задач межгосударственного взаимодействия в транспортной сфере и интеграции с международными информационными и информационно-управляющими системами в сфере транспорта;

- ◆ Создание на уровне государств-членов ЕАЭС национальных систем управления в сфере транспорта и логистики, обеспечивающей в том числе информационное обеспечение государственных контролирующих органов в сфере транспорта и международной торговли, взаимный информационный обмен с платформами на наднациональном уровне;
- ◆ Развитие на бизнес-уровне технологических информационных и информационно-управляющих система участников перевозочного процесса, включая ИТ-системы экспедиторов, транспортных компаний, операторов объектов транспортной инфраструктуры, а также клиентские коммерческие приложения и сервисы.

Среди ключевых задач, решаемых на наднациональном уровне и реализуемых в соответствующих платформенных решениях, следует отметить:

- ◆ Сервисные задачи:
 - Ведение нормативно-справочных баз и данных;
 - Мониторинг работоспособности и обеспечение информационной и кибер-безопасности.
 - ◆ Функциональные задачи:
 - Моделирование развития транспортных коридоров ЕАЭС;
 - Мониторинг состояния инфраструктуры транспортных коридоров ЕАЭС;
 - Мониторинг хода логистических процессов транспортных коридоров ЕАЭС.

В соответствии с п. 2 статьи 23 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. информационное взаимодействие при реализации общих процессов в рамках Союза, к которым относятся также и процессы в транспортной сфере, осуществляется с использованием Интегрированной информационной системы Союза (ИИС). Данная система должна обеспечивать интеграцию территориально распределенных государственных информационных ресурсов и информационных систем уполномоченных органов, а также информационных ресурсов и информационных систем ЕЭК.

В этой связи создание указанных выше платформенных решений на наднациональном уровне целесообразно осуществлять в рамках Интегрированной информационной системы Союза. Несомненной сильной стороной данного решения является использование реализованного в рамках ИИС механизма доверенной

третьей стороны (ДТС) для обеспечения реализации юридически значимого электронного обмена данными, сведениями и документами в ходе перевозочного процесса.

Вопросы построения системы цифровых транспортных коридоров ЕАЭС, создания и развития соответствующих платформенных решений являются комплексными, чувствительными в том числе с политической

и экономической точки зрения. Их успешное является обязательным условием и решение закладывает фундамент развития и обеспечения конкурентоспособности транспортного комплекса ЕАЭС и национальной транспортной системы Российской Федерации. Представляется необходимым проведения ряда междисциплинарных научно-исследовательских работ для выработки оптимальной архитектуры платформенных решений системы цифровых транспортных коридоров ЕАЭС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Е.Ю. Винокуров, В. Г. Лобырев, А. А. Тихомиров, Т. В. Цукарев // Транспортные коридоры Шелкового пути: потенциал роста грузопотоков через ЕАЭС.— СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2018.— 74 с.
2. К.В. Холопов, А. И. Забоев // Российский рынок международных автомобильных перевозок грузов: тенденции и перспективы. — М.: Российский внешне-экономический вестник, 2014. — № 7. С 97–104
3. А.Е. Борейко, Л. М. Липсиц // Организация международных автомобильных перевозок в эпоху «цифровой экономики». — М.: Вестник ГЛОНАСС, 2018. — № 1 (№ 36). С 26–39

© Ефремов Андрей Александрович (a.a.efremov@mospolytech.ru),

Крекова Марина Михайловна (kmm1901@mail.ru), Борейко Александр Евгеньевич (alexborei@inteltech.center).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБОСНОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ «СБЕРЕЖЕНИЙ» В ЭКОНОМИКЕ ДЛЯ ОЦЕНКИ УСТОЙЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ ПО ПОКАЗАТЕЛЮ СКОРРЕКТИРОВАННЫХ ЧИСТЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ

JUSTIFY THE USE OF THE CONCEPT
OF "SAVINGS" IN THE ECONOMY
TO SUSTAINABLE DEVELOPMENT
ASSESSMENT ON INDICATORS
OF ADJUSTED NET SAVINGS

N. Kamynin

Summary. The article substantiates the concept of "savings", which is considered in a broad aspect, is the basis of the methodology for assessing the sustainability and economic growth of countries and regions at the macroeconomic level. The author of the article argues that savings can be viewed as changes in the welfare of the subjects to which they relate (at the macro level — in the national wealth). The concept of savings in the economy is an important focus for researchers in the field of economic growth and development.

Keywords: concept of "savings", economic growth, welfare, individual balance, source of investments.

Камынин Никита Дмитриевич

Аспирант, Финансовый университет при
Правительстве РФ
nikitakamynin@mail.ru

Аннотация. В статье обоснована концепция «сбережений», которая рассматривается в широком аспекте, является основой методологии оценки устойчивости и экономического роста стран и регионов на макроэкономическом уровне. Автор статьи приводит аргументы того, что сбережения можно рассматривать как изменения в благосостоянии субъектов, к которым они относятся (на макроуровне — в национальном богатстве). Концепция сбережений в экономике является важным фокусом для исследователей в области экономического роста и развития.

Ключевые слова: концепция «сбережений», экономический рост, благосостояние, баланс индивидуума, источник инвестиций.

Фокусирование внимания на базовых номинальных показателях экономического роста, таких как темп роста валового внутреннего продукта (далее — ВВП), является, безусловно, важной задачей в мире, в котором миллионы людей живут в нищете. В последние десятилетия на первом плане в экономической политике появляются проблемы в отношении того, как обеспечить экономический рост определенного качества: как сделать его «умным» (т.е. ведомым инвестициями в инновации), более экологически устойчивым («зеленым») и более инклюзивным (приводящим к меньшему неравенству) [1]. Информационное обеспечение лиц, разрабатывающих экономическую политику, как на национальном, так и на региональном уровнях, статистическими индикаторами устойчивого экономического развития является важной задачей, призванной решать вторую из указанных проблем качества экономического роста.

Одним из таких инструментов является оценка устойчивости на макроуровне *с учетом экологических аспектов по индикатору национальных сбережений, очищенных от «трат» общества в связи с загрязнением природной среды и истощением природных ресурсов — показателю скорректированных чистых сбережений.*

Понятие «сбережения» используются как в микроэкономическом, так и в макроэкономическом контекстах. По определению Британской энциклопедии сбережения (*savings*): «это процесс выделения части текущего дохода для будущего использования или поток ресурсов, накопленных таким образом за определенный период времени. Сбережения могут принимать форму увеличения банковских депозитов, покупки ценных бумаг или увеличения количества денежных балансов. Степень, в которой люди сберегают, зависит от их предпочтений в будущем по сравнению с текущим потреблением, и от их ожиданий по поводу будущих доходов и в некоторой степени также от процентной ставки. Существуют два способа измерения сбережений данного индивидуума за отчетный период. Первый из них заключается в том, чтобы оценить собственный доход за период и вычесть из него текущие расходы (потребление). Альтернативный способ заключается в рассмотрении баланса индивидуума (его имущества и его долгов/обязательств) в начале и в конце периода измерения и затем измерения увеличения чистого собственного капитала, что также отразит его сбережения» [2].

Это микроэкономический аспект определения, который используются в задачах, например, планирования уровня сбережений для различных поколений населения [3].

Для определения макроэкономического аспекта сбережений, который имеет много общего с агрегацией микроэкономического аспекта, но также и имеет дополнительные «степени свободы» в виду способности макроэкономических систем регулировать в себе процессы создания компонентов макродохода, уместно обратиться к определению, содержащемуся в Системе национального счетоводства 2008 ООН (СНС-2008, п. 9.28): «Сбережение представляет собой ту часть располагаемого дохода (с поправкой на изменение пенсионных прав), которая не тратится на товары и услуги конечного потребления. Эта часть может быть положительной или отрицательной в зависимости от того, превышают ли доходы расходы на конечное потребление, или наоборот. В предположении, что сбережение положительно (и в отсутствие капитальных трансфертов), неизрасходованный доход должен использоваться для приобретения активов, как нефинансовых (основные средства, товарно-материальные запасы, ценности, а также включая не произведенные активы, такие как природные ресурсы), так и финансовых активов. Если сбережения отрицательны, некоторые финансовые или нефинансовые активы должны быть ликвидированы или быть увеличены некоторые обязательства» [4].

Например, на микро-уровне сбережения могут носить характер вывода денег из кругооборота дохода и в любом случае могут формироваться лишь из прежнего дохода (например, домохозяйств). Но на макро-уровне чистое создание денег банковским сектором может служить источником сбережений.

В отличие от возможных вариантов определения дохода на микро-уровне, макроэкономический доход согласно СНС — это всегда текущий доход за период, не включающий в себя компонент прироста стоимости капитала. Более конкретно, в остальном это не только первичный факторный доход макроэкономического сектора, но доход с учетом всех межсекторальных перераспределений и трансфертов, т.е. именно располагаемый доход.

Таким образом, сбережения определяются как остаточный (балансирующий) компонент счета использования (располагаемого) дохода, который обеспечивает связь между текущими счетами СНС и последующими счетами накопления (который определяет «то, что остается и может накапливаться») — иными словами, сбережения можно рассматривать как изменения в благосостоянии субъектов, к которым они относятся (на макроуровне — в национальном богатстве) (см. [5]).

В рамках СНС, сбережения могут наблюдаться агрегировано как по всем секторам национальной экономики (тогда говорят о «национальных сбережениях»),

так и по каждому из 5 внутренних секторов экономики (нефинансовые корпорации, финансовые корпорации, домохозяйства, общее правительство, общественный сектор), но, поскольку корпоративные субъекты в СНС не имеют конечного потребления, то для них счет использования дохода является «проточным» счетом (п. 9.11 СНС 2018). Сбережения выступают основным источником формирования прихода по последующему счету капитала (*capital account* — более длинное название, принятое в официальном переводе СНС 2008 — «счет операции с капиталом») в системе СНС, по которому отражаются инвестиции (валовые вложения в формирование основного капитала) экономических секторов за счет совершения сделок. Наконец, балансирующей статьей счета капитала является чистое кредитование (положительный баланс счета капитала) или чистые заимствования (отрицательный баланс счета капитала). Таким образом система СНС проводит четкое формальное различие в системе взаимоотношения макроэкономических понятий «сбережения» — «инвестиций» — «чистое кредитование»/ «чистые заимствования», в общем-то предполагая, что сбережения (а также капитальные трансферты из «внешнего мира») служат источником инвестиций в национальной экономике.

Обычно под сбережениями и инвестициями в системе СНС понимают валовые сбережения, т.е. без учета износа («потребления») основного капитала. А в случае учета износа говорят о «чистых сбережениях» (*net savings*). С точки зрения экономического анализа ясно, что все измерения должны делаться за вычетом амортизации/износа потребляемых факторов производства, поскольку амортизационные начисления предназначены как раз для компенсации выбываемого капитала, израсходованного в процессе производства продукта, и, следовательно, такие начисления не являются дополнительными ресурсами, которые могут быть использованы позже.

Понятие «скорректированных чистых сбережений» является развитием этого тезиса.

Хотя сбережения относятся в системе СНС к институциональным секторам экономики и к макроэкономике в целом, та же самая их экономическая концепция будет применима и к территориальным региональным компонентам в составе национальной экономики.

Таким образом, как в макроэкономическом, так и микроэкономическом аспектах, в отличие от частого бытового смысла этого понятия, под сбережениями понимают величину, имеющую временную размерность. В этом смысле сбережения тесно связаны с инвестициями. Не используя доход для покупки потребительских товаров и услуг, хозяйственные ресурсы можно вместо этого

инвестировать в производственный капитал, например, основные фонды, такие как машины и оборудование. Поэтому сбережения могут иметь большое значение для увеличения объема производственного капитала в национальной или региональной экономике, способствуя будущему экономическому росту. В виду этого, концепция сбережений в экономике является важным фокусом для исследователей в области экономического роста и развития. Сбережения, вытекающие из макроэкономического счета использования национального дохода, являются важным экономическим индикатором уровня и масштаба ресурсов, доступного для инвестиций в производственные активы, и тем самым для дальнейшего экономического развития стран и регионов.

Из системы СНС вытекает то, что лишь сбережения, как остаточная (т.е. не потребленная в текущем времени) часть располагаемого дохода секторов экономики, служат источником инвестиций (валового накопления основных фондов). Такой взгляд на инвестиционный процесс вытекает из кейнсианских конвенций, на которых основываются все современные системы национально-счетоводства, в том плане что $S=I$ (Сбережения равны инвестициям (ex-post)). Однако, данный взгляд на источники инвестиционного процесса является не более чем ограничительным лингвистическим артефактом.

Подробный анализ вопроса о том, что имел в виду Дж.М. Кейнс, формулируя такое тождество в «Общей Теории» (1936) [6], проведенный экономистом Элвином Хансеном [7] указывает на принципиальную примиримость позиций экономиста Д. Робертсона и Кейнса в вопросах об источниках формирования инвестиций и компонентой сущности макроэкономического понятия сбережений, встававших в дебатах, проводимых между ними в 1930-х годах. Как указывал Робертсон, имея в виду динамическую формулировку экономической модели, в текущем периоде инвестиции на уровне макроэкономики (I_t) равны сбережениям из национального дохода предыдущего периода (S_t) плюс реализованная покупательская способность новой и существующей ликвидности в стране [8]:

$$I_t = S_t + (A+B),$$

где A — это вновь созданные банковско-кредитной системой страны (инвестиционные) деньги в период t ,
 B — незадействованные прежде в инвестировании денежные балансы.

Следует отметить, что формулировки источников инвестиций на макроуровне, предложенные Робертсоном (и соответствующие им вытекающие макромоделли экономического развития), в нынешнее время продолжают развиваться в работах Стива Кина [9].

В результате, анализируя компонентную сущность классического понятия сбережений в макроэкономическом анализе, следует иметь в виду, что в нем в неявном виде заключены не только сбережения из кругооборота дохода на национальном уровне, но и экзогенные влияния, связанные с созданием новой инвестиционной ликвидности кредитно-банковским сектором экономики [10]:

$$\text{Кейнсианское } S = \text{Робертсонское } S + (A + B).$$

Все многообразие компонентов сбережения, по сути, проявляется через многообразие элементов исходной базы дохода, относительной которой рассчитываются сбережения. Таким образом, в результате анализа концептуальной схемы СНС, можно сказать, что определение сбережений будет настолько полным и комплексным насколько полным и комплексным будет определение соответствующего дохода, лежащего в основе СНС или иной применяемой учетной системы дохода. В остальном же, (валовые) сбережения будут равны такому доходу за вычетом компонента текущего потребления из дохода.

Аналитическое значение для макроэкономических производственных функций имеют, конечно, не валовые, а чистые сбережения, т.е. с поправкой на потребление основного капитала в процессе генерирования национального дохода. В бухгалтерском учете уже много десятилетий существует правило, что сбережения (для корпораций — это прибыль) рассчитываются за вычетом потребления основного капитала (амортизационных отчислений). В национальном счетоводстве практика использования метода непрерывной инвентаризации (*МНИ/ПИМ*) также позволяет достаточно точно рассчитывать потребление основного капитала с помощью анализа инвестиций и применения эмпирически установленных кривых потери стоимости различных категорий основных фондов. Соответствующая теория определения объемов потребления основного капитала (*CFC*) развита с СНС 2008 (гл. 6Н и гл. 20) [4], а также OECD (2009) [11], где это понятие определяется как «снижение в течение отчетного периода текущей стоимости фонда основных средств, принадлежащих и используемых производителями, в результате физического износа, нормального устаревания или предсказуемых случайных потерь. Также в СНС вместо «потребления основного капитала» часто используется термин «амортизация» (*depreciation*), но его избегают в СНС, поскольку в коммерческом бухгалтерском учете термин «амортизация» часто используется в контексте списания исторических издержек [на приобретение ОС на текущие затраты производства], тогда как в СНС потребление основного капитала зависит от изменения текущей стоимости активов» (СНС-2008, п. 6.24) [4].

На практике потребление основного капитала составляет значительную долю в пропорции к национальному доходу (около 10–15% для стран OECD). Таким образом, в то время как валовые сбережения как доля в валовом национальном доходе (GNI) для всех стран, фигурирующих в базе Мирового банка в совокупности, составляли в 2016 г. 25,9% (для России в том же году — 26,07%) [11], потребление основного капитала (CFC в% от ВВП/ GNI) составляло в тот же год 16,7% для мира в совокупности (и 12,57% для РФ) [11], тем самым обеспечивая в среднем чистые сбережения в экономиках мира в размере $25,9 - 16,7 = 9,2\%$ от уровня национальных доходов (и 13,5% для РФ).

В то же время при расчете уровня чистых национальных сбережений по СНС 2008 учитывается лишь потребление основного капитала (по определению, ценности не потребляются). Потребление в процессе национального производства остальных видов капитала — в т.ч. произведенного природного капитала, как его экономической части, входящей в границы активов по СНС, так и всей его остальной неэкономической части — в показателе чистых сбережений не учитывается. Поэтому, поскольку в СНС признаются остальные виды капитала, помимо основных фондов, логичным является расчет показателя скорректированных/истинных чистых сбе-

режений (*adjusted/genuine net savings*), в котором бы отражалось потребление/ухудшение качества всех остальных видов капитала. Такой показатель рассчитывается Мировым Банком (WB) для большинства экономик мира уже с 2002 года [12].

Мировой банк предпочитает использование понятия скорректированных чистых сбережений (*adjusted net savings*), но прежде эта концепция часто упоминалась под названием «истинных сбережений» (*genuine savings*).

Концепция «сбережений», рассматриваемая в широком аспекте, является основой методологии оценки устойчивости и экономического роста стран и регионов на макроэкономическом уровне.

Детали ее корректировки для учета тех или иных особенностей такого развития, например, истощения природного капитала или увеличения человеческого капитала, являются областью выработки и обоснования определенных методик и алгоритмов расчета, которые могут быть расширены по сравнению с методикой Всемирного Банка применительно к задачам анализа ситуации в конкретных регионах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mazzucato, M. The value of everything: making and taking in the global economy / M. Mazzucato. — Allen Lane books, 2018 (ch.1). — Pp. 3–27.
2. Saving // Encyclopædia Britannica. — URL: <https://www.britannica.com/topic/saving> (accessed: 15.03.2019).
3. Weale, M. Saving and the National Economy / M. Weale. — National Institute of Economic and Social Research, September 2009. — URL: <http://piketty.pse.ens.fr/files/Weale2009.pdf> (accessed: 16.03.2019).
4. Система национального счетоводства 2008 ООН / Пер. на рус. яз. Статкомитет СНГ при участии ИФЭМ; под. ред. Ю. Н. Иванова. — Нью-Йорк, 2012. — Режим доступа: <http://www.cisstat.com/sna2008/SNA2008Russian.pdf> (дата обращения: 15.03.2019).
5. Pearce, D. Blueprint for a Green Economy // D. Pearce, A. Markandya, E. Barbier. — Earthscan, 1989. — 192 p.
6. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс. — М.: Эксмо, 2007. — С. 37–340.
7. Хансен, Э. Экономические циклы и национальный доход / Э. Хансен. — М.: Финансовая академия, 2008. — 466 с. (Business Cycles and National Income, 1951).
8. Robertson, D. H. Lectures on Economic Principles // D. H. Robertson. — L.: Sturges Press, 1959. — V3. — Pp. 123–136.
9. Keen, S. Developing an economics for the post-crisis world / S. Keen. — World Economics Association Books, 2015. — Pp. 102–117.
10. Measuring Capital — OECD Manual 2009. — 2nd edition. — DOI: 10.1787/9789264068476-en.
11. Adjusted savings: gross savings (% of GNI) // The world bank: The Changing Wealth of Nations 2018: Building a Sustainable Future. — URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.ADJ.ICTR.GN.ZS> (accessed: 02.03.2019).
12. Bolt, K. Manual for calculating adjusted net savings / K. Bolt, M. Matete, M. Clemens // Environment Department. — World Bank, September 2002. — URL: <https://siteresources.worldbank.org/INTEEI/1105643-1115814965> (accessed: 02.03.2019).

© Камынин Никита Дмитриевич (nikitakamynin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА

THE ROLE AND IMPORTANCE OF STAFF MOTIVATION

**E. Krasavina
Yu. Zabaikin
S. Filonov
A. Smirnov**

Summary. Personnel motivation is simultaneously one of the most studied concepts in science, but at the same time one of the most ambiguous. In this scientific work, its authors reveal the features of the interpretation of the term «motivation» in the works of modern foreign and domestic researchers, and its interpretation is given in the framework of economic science, management, philosophy and psychology.

The authors of the article emphasize at the same time that the motivation, an exclusively individual phenomenon, describing the internal state of an individual. Along with this, the paper presents a brief classification of the main (basic) theories of motivation

Keywords: Motivation, staff motivation, motive, modern and classical theories of motivation, personnel management

Красавина Екатерина Валерьевна
Д.с.н., доцент, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва
Krasavina_2905@mail.ru

Забайкин Юрий Васильевич
К.э.н., доцент, РГГУ им. Серго Орджоникидзе (МГРИ),
Москва 79264154444@yandex.com

Филонов Сергей Сергеевич
РГГУ им. Серго Орджоникидзе (МГРИ), Москва
SFilonov@inbox.ru

Смирнов Александр Сергеевич
РГГУ им. Серго Орджоникидзе (МГРИ), Москва
smirnovsancho@mail.ru

Аннотация. Мотивация персонала является одновременно одним из самых изученных в науке понятий, но, вместе с тем и одним из самых неоднозначных. В данной научной работе ее авторы раскрывают особенности трактования термина «мотивация» в работах современных зарубежных и отечественных исследователей, дана его интерпретация в рамках экономической науки, менеджмента, философии и психологии. Однако, авторы статьи подчеркивают при этом, что мотивация, исключительно индивидуальное явление, описывающее внутреннее состояние отдельно взятого конкретного индивида. Наряду с этим в работе приведена краткая классификация основных (базовых) теорий мотивации.

Ключевые слова: Мотивация, мотивация персонала, мотив, современные и классические теории мотивации, управление персоналом.

Тема мотивации вызывает интерес у большого количества людей. Некоторые испытывают к ней лишь мимолетный интерес, стремясь понять, почему они сами или ближнее окружение ведут себя так, а не иначе. Некоторые стремятся детально разобраться в вопросах мотивации, преследуя цель изменить свою жизнь и создать наиболее благоприятные условия для своего личного процветания. Некоторые, испытывая тягу к различного рода экспериментам, желают объяснить поведение окружающих их людей, обращаясь к научным теориям.

Изучая сферу профессионального общения и взаимодействия людей, важно отметить, что тема мотивации, ее понимание и изучение, чрезвычайно важна и здесь. Какие бы цели не ставила перед собой компания, она будет требовать, чтобы персонал, который в ней работает, стремился их достичь. Возможности оказания воздействия на производительность человеческих ресурсов организации зависят от баланса между технологиями, процессами и личными усилиями исполнителей, направленными на производство услуг и товаров. Данное равновесие носит название «управление производительностью». Любая организация испытывает особый интерес к тому, чтобы все показатели, которые влияют

на данное равновесие, были сбалансированы. Все элементы без исключения играют важную роль в достижении результатов организации. В то же время ситуация, при которой руководство организации уделяет особое внимание улучшению исключительно в одной области и игнорирует прочие, добиться поставленных целей будет гораздо сложнее. [4, с. 23]

Мотивация сотрудников зачастую рассматривается как один из способов усиления «человеческой составляющей» в управлении производительностью. Однако, улучшение состояния компании и результатов ее деятельности, а также эффективности в целом, невозможно только посредством повышения мотивации ее персонала. Здесь, как показывает практика, можно рассчитывать только на частичный успех. Причин тому несколько. Во-первых, в ситуации, когда технологии и процессы неэффективны, возможности для повышения мотивации персонала могут быть сильно ограничены. А, во-вторых, основная часть сотрудников — это исполнители. И даже самые замотивированные из них не в состоянии в корне повлиять на производительность, если прилагаемые ими усилия являются наименее значимым элементом управления производительностью. [5, с. 40]

Нередки ситуации, когда мотивация персонала является одной из составляющих заявленных организационных ценностей. Здесь важно отметить, что ни одна из компаний, которая стремится быть успешной, не берет в качестве ориентира такие ценности, которые могли бы ей помешать в выполнении поставленных целей. Однако, компании, официально декларирующие собственные ценности и проявляющие уважение к работникам, скорее всего обнаружат, что гораздо эффективнее создать условия, способствующие формированию внутренней, а не внешней мотивации. Внешняя мотивация, дает определенные результаты, ведь она в большинстве случаев формируется с помощью посылов и угроз. Однако, данный вид мотивации недопустим с заявленными формальными ценностями, согласно которым, руководство компании «уважает взгляды и мнения своих сотрудников».

Менеджерский состав компании, по разным причинам, все время стремится понять поведение людей. В связи с исключительной сложностью и значимостью темы мотивации большинство организаций по-прежнему стремятся к этой цели.

Мотивация — исключительно индивидуальное явление, описывающее внутреннее состояние отдельно взятого конкретного индивида. А, поскольку она является личным делом каждого человека, организации и менеджеры не могут навязать ее другим людям. Стремление, или мотивация, индивида вести себя определенным образом проистекает изнутри. Однако, руководство компаний может создавать стимулы, побуждающие их сотрудников к определенным моделям поведения. Так, например, руководитель, обещающий увеличить заработную плату или перевести на следующую ступень карьерной лестницы, предоставляет стимул исключительно тем сотрудникам, кто готов ради такого вознаграждения (или результатов, к которым оно может привести) действовать в соответствии с установленными стандартами. Если же руководитель организации угрожает своим подчиненным определенными видами наказания (уволить, лишить премии, критиковать во время публичного совещания, поставить низкую оценку за эффективность во время аттестации и т.п.), он создает стимул для тех сотрудников, которые стремились бы избежать подобных ситуаций и готовы ради этого действовать определенным образом. [5, с. 39]

Оказывая поддержку персоналу, предоставляя ему искомые ресурсы, создавая для него определенные условия профессионального и личностного роста, организации могут оказать влияние на мотивацию сотрудников вести себя определенным образом. Так, например, политика повышения по карьерной лестнице, подразумевающая эффективную поддержку со стороны руководства

компании, способствует формированию благоприятной среды, мотивирующей персонал вести себя определенным образом. Если во время курса обучения его участники не получают поддержки со стороны своего руководителя и если это мероприятие не связано существенным образом с их работой, то едва ли сотрудники будут мотивированы к участию в таком мероприятии или станут расценивать его как значимое. Смысл подобного мероприятия оказывается под вопросом.

Мотивация представляет собой как процесс активизации мотивов работников (внутренняя мотивация), так и создание стимулов (внешняя мотивация) для их побуждения к результативному и эффективному труду. Целью мотивации персонала является формирование комплексного набора условий, побуждающих индивида к осуществлению действий, направленных на достижение цели с максимальным эффектом. Процесс мотивации в его общей характеристике включает в себя следующие составляющие его элементы:

- ◆ потребности;
- ◆ мотивы;
- ◆ цели.

Мотивы, побуждающие индивида к действию, чрезвычайно сложны, подвержены частым изменениям и формируются под воздействием целого комплекса внешних и внутренних факторов. К ним принято относить жизненную ситуацию отдельно взятого человека, его личностную траекторию, социальное положение и происхождение, способности, материальное благосостояние, образование, социальное положение, общественное мнение и многое другое. В связи с чем, прогнозирование поведения членов коллектива в ответ на разные системы мотивации весьма затруднительно. Термин «мотивация» имеет множество определений. Так, согласно одной из формулировок, мотивация это не что иное, как внешнее, либо внутреннее побуждение экономического субъекта к деятельности ради достижения им конкретной цели; наличие интереса к такой деятельности и варианты ее инициирования. [4, с. 22]

Ряд современных авторов под мотивацией полагают внутренние процессы, активизирующие, направляющие и подкрепляющие поведение индивида (в особенности поведение, которое направлено на достижение определенной цели). Согласно его точке зрения мотивационные процессы основываются на нехватке, либо отсутствии каких-либо благ. Данное определение соответствует сути теории предельной полезности, согласно которой каждая последующая единица блага становится еще более полезной по сравнению с предыдущими. Соответственно, мотивировать человека будет то, что у него либо полностью отсутствует, либо находится в недостаточном количестве. [1, с. 72]

Представители современной психологии утверждают, что мотивация представляет собой некую психологическую концепцию, которая относится к интенсивности и направленности поведения индивида. [7, с. 157]

Важно отметить, что все выше приведенные авторы термина «мотивация» исходят из того, что любое поведение человека, независимо от того, чем оно вызвано, есть следствие мотивации.

Однако, не все ученые слепо разделяют данную точку зрения. Так, например, некоторые представители современной философии полагают, что мотивация связана исключительно с элементом «свободы воли» в поведении индивида. Авторы данного определения считают, что мотивация — это психологические механизмы, которые определяют направленность, интенсивность и постоянство действий; их не следует сводить единственно к индивидуальным различиям в способностях, либо к преобладающим запросам социума, которые или сдерживают то или иное действие, или, наоборот, побуждают к нему. [8, с. 309]

А.Я. Кибанов придерживается подобного мнения. Согласно современному российскому ученому, мотивация, являющаяся следствием «пинка», — вовсе не мотивация, а простое движение. Движение, как считает А.Я. Кибанов выполняет лишь функцию страха получить в свой адрес отрицательную санкцию или страха не получить внешние желаемые вознаграждения», в то время как мотивации принадлежит такая важная функция — как личностный рост, причиной которому стало получение внутренних вознаграждений от сложной, го вместе с тем интересной работы. [3, с. 108]

По мнению большинства западных и отечественных ученых, мотивация представляет собой некий импульс, стоящий за человеческим поведением. Поведение различных индивидов не одинаково, однако всех людей объединяет то, что импульс, побуждающий человека действовать определенным образом, и является мотивацией. [4, с. 23]

Основным сложным моментом, с которым сталкиваются ученые, исследующие мотивацию, является то, что ее мотивация недоступна зрительным органам чувств, а попросту ее невозможно увидеть. То, что видят люди, является лишь внешним поведением, либо результатом этого поведения. [2, 143]

По мнению известного психолога З.Фрейда, только на основе анализа непрерывного потока поведения людей в социуме, можно рассуждать о мотивационных процессах. Однако, следует помнить, что на поведение индивида в социальной группе оказывает влияние ряд факторов: от внешней среды, формирующее и воздей-

ствующей на личность, до наследственности (способностей, уровня интеллекта). Так, австрийский психолог полагает, что замотивировать людей можно посредством воздействия на их подсознание, так как очень часто человек не в состоянии четко сформулировать причину своих желаний, побуждающих его принимать конкретную форму поведения в определенной ситуации. [7, с. 158]

Одна из причин, по которой мотивация является скрытой, заключается в том, что она исходит от человека. Человека невозможно замотивировать делать что-то, если он в этом не видит никакой существенной выгоды (моральной или материальной) для себя. Конечно, в качестве побуждающей силы может выступать вознаграждение, которое может явиться инструментом для достижения чего-нибудь еще (например, человек может быть мотивирован делать нечто, что, по его мнению, само по себе его не вознаграждает, поскольку это поможет ему добиться чего-нибудь еще, что, по его мнению, вознаграждает). Более того, вознаграждение несет в себе двойную функцию — оно может быть следствием, как достижения позитивного результата, так и следствием избегания негативного результата.

Говоря о теории в целом, важно отметить, что она представляет собой некую совокупность постулатов, в которых детерминируется, какие переменные важны и по каким причинам. Наряду с этим в теории устанавливается причинно-следственная связь того, как эти переменные взаимосвязаны друг с другом и почему. В рамках теории также определяются условия, при которых переменные должны быть связаны, либо не связаны друг с другом.

Рассуждая о теории мотивации в частности, важно отметить, что это теория, которая помогает найти ответы (часто приблизительные) мыслителей на такие вопросы, как: «Зачем люди делают тот, а не иной выбор?», «До какой степени поведение человека является следствием его собственного выбора?», «Почему в одной виде деятельности индивид проявляет крайнюю настойчивость, в то время как в другом он быстро сдается?».

Большинство источников научной литературы классифицируют основные (базовые) теории мотивации по-разному.

Так, например, А.Я. Кибанов предлагает следующую классификацию:

1. Теории потребностей — мотивов — ценностей, в которых основной акцент делается на индивиду, на его устойчивых стереотипах и ценностях, которые ложатся в основу непостоянства поведения» (например, теория иерархии потребностей);

2. Теории когнитивного выбора, в рамках которых важное внимание уделяется когнитивным процессам личности, которые оказывают влияние на принимаемые ею решения и выбор» (например, теория ожидания и теория достижения);
3. Теории саморегулирования и метапознания, в основу которых ложится мнение о том, что основное внимание должно быть направлено на процессы мотивации, лежащие в основе целенаправленного поведения (например, теория целеполагания). [3, с. 111]

М. Армстронг подразделяет теории мотивации на:

1. Содержательные теории, в рамках которых основное внимание уделяется тому, что именно привлекает внимание индивида в нем самом или в социуме, а также что побуждает и поддерживает его поведение (например, теория иерархии потребностей, теория достижения, теория внутреннего и внешнего контроля);
2. Процессуальные теории, которые непосредственно связаны с вопросом о том, как побудить, направить, продолжить или изменить поведение индивида (например, теория справедливости, теория побуждения, теория ожидания). [9, с. 162]

Наряду с вышеперечисленным теории мотивации можно подразделить на следующие два вида. Теории, в рамках которых мотивация определяется давлением со стороны внешней среды и поведение направлено на разрешение возникшего дисбаланса и восстановление ранее достигнутого баланса. А также теории, в рамках которых мотивация определяется внутренними импульсами и поведение индивида направлено на изменение сложившегося равновесия.

Таким образом, важно отметить, что как в классической, так и в современной науке не существует единого мнения ее представителей о понимании того, чем же по своей сути является мотивация отдельно взятого индивида. Каждый ученый, являясь представителем психологии, менеджмента, наук об управлении персоналом в организациях или даже философии, по-своему постулирует данное понятие. Однако, все они сходятся в едином мнении о том, что мотивация выступает неотъемлемым структурным элементов личности каждого человека, мотивация — это то, что «не лежит на поверхности» когнитивного пространства, что, в свою очередь, делает ее столь привлекательной в качестве объекта исследования многих ученых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заернюк В.М., Калинин А.Р., Забайкин Ю.В., Рыжова Л.П. Управление рисками предприятия. Учебное пособие. — М.: Изд-во: Научные технологии, 2017. — 124с.
2. Забайкин Ю. В. Применение экономико-математических методов в производственном планировании // Kant. 2017, № 2(23). С. 140–147.
3. Кибанов А.Я., Дуракова И. Б. Управление персоналом: учебник. — М.: Финансы и статистика, 2014. — 256с.
4. Красавина Е. В. Система работы с кадрами в современной компании // Научные исследования и разработки. Экономика фирмы. 2016, Т. 5. № 2. С. 22–25.
5. Красавина Е. В. Использование новых подходов при формировании и управлении персоналом предприятия // Научные исследования и разработки. Экономика фирмы. 2015. Т. 4. № 1. С. 37–41.
6. Миндлин Ю. Б. Формирование основных мероприятий по совершенствованию политики московской области в сфере привлечения трудовых ресурсов // Микроэкономика. — 2009. -Т. 2. -С. 131–138
7. Столяренко А.В., Корчемкина Е. К. Методы оценки эффективности системы управления персоналом предприятия // NovalInfo.ru. 2016. Т3. № 46. — С. 156–159.
8. Философский энциклопедический словарь. — М.: ИНФРА-М, 2011. — 517с.
9. Шелкоплясова Г.С., Коблева А.Л. Роль мотивационного менеджмента в эффективном управлении персоналом: теоретический аспект // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 4(43). — С. 160–163.

© Красавина Екатерина Валерьевна (Krasavina_2905@mail.ru), Забайкин Юрий Васильевич (79264154444@yandex.com),

Филонов Сергей Сергеевич (SFilonov@inbox.ru), Смирнов Александр Сергеевич (smirnovsancho@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АГРОЭКСПОРТНОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

CURRENT STATE OF THE AGROEXPORT POTENTIAL RUSSIAN ECONOMY

**E. Kuznetsova
E. Lyubovtseva**

Summary. Development of agroexport of the Russian Federation is one of key elements of ensuring food security of the country. In article topical issues of development of modern agrarian production of Russia in the conditions of implementation of the Doctrine of food security and the import substitution program are brought up. Importance of development and expansion of agroexport is emphasized. Need of priority attention to the agrarian sector and the perspective directions of agroexport which are capable to create competitive products in the world markets of agricultural products is proved. Major factors of increase in volumes of environmentally friendly and quality products of agrarian economy and also the goods with high added value increasing GDP of the country are revealed. Authors offer ways of improvement of the directions of agroexport on the basis of attraction of investments of public-private partnership and cooperative communications, development of logistics and increase in volumes of export at the expense of ecoproducts with high added value.

Keywords: Agro-industrial complex (agrarian and industrial complex), agrarian production, agroexport, import substitution, world market of agricultural products, state support, food security, public-private partnership.

Кузнецова Эльвира Георгиевна

*К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова», Россия (г. Чебоксары)
Elvira.kuz.70@mail.ru*

Любовцева Елена Геннадьевна

*К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова», Россия (г. Чебоксары)
lyubovtseva_elena@mail.ru*

Аннотация. Развитие агроэкспорта РФ является одним из ключевых элементов обеспечения продовольственной безопасности страны. В статье подняты актуальные вопросы развития современного аграрного производства России в условиях реализации Доктрины продовольственной безопасности и программы импортозамещения. Подчеркивается важность развития и расширения агроэкспорта. Обосновывается необходимость приоритетного внимания к аграрному сектору и перспективным направлениям агроэкспорта, которые способны создавать конкурентоспособную продукцию на мировых рынках агропродукции. Выявлены основные факторы увеличения объемов экологически чистой и качественной продукции аграрной экономики, а также товаров с высокой добавленной стоимостью, увеличивающих ВВП страны. Авторы предлагают пути совершенствования направлений агроэкспорта на основе привлечения инвестиций государственно-частного партнерства и кооперативных связей, развития логистики и увеличения объемов экспорта за счет экопродукции с высокой добавленной стоимостью.

Ключевые слова: Агропромышленный комплекс (АПК), аграрное производство, агроэкспорт, импортозамещение, мировой рынок агропродукции, господдержка, продовольственная безопасность, государственно-частное партнерство.

Российский агропромышленный комплекс (АПК) за последние годы кардинально изменился, стал конкурентоспособным и высокотехнологичным, одним из драйверов роста всей российской экономики. В настоящее время Россия полностью обеспечивает себя по всем основным видам продовольствия. При этом существенную роль в успехи аграрной экономики вносит сельскохозяйственная кооперация. Благодаря кооперативным структурам, сельскохозяйственное производство становится надежным и быстрорастущим сектором российской экономики. Следовательно, агробизнес, несмотря на очевидный сезонный характер, становится выгодным делом. Аграрное производство в условиях медленного роста ВВП страны продолжает расти и тем самым позволяет решать как внутренние задачи, так и заниматься экспортом сельскохозяйственной продукции.

Агроэкспорт, как внешнеэкономическая деятельность, является производным от сильного аграрного

производства. Будет в стране сильное сельскохозяйственное производство, то будет и развитый агроэкспорт.

Сегодня экспорт сельскохозяйственной продукции по сравнению с 2000 г. вырос в 16 раз. При этом удельный вес сельскохозяйственных кооперативов в общем объеме экспорта составляет около 30%. В целом доходы, поступающие от АПК, превышают доходы от экспорта вооружений и военной техники. Если в 2017 г. Россия продала оружие на 15 млрд. руб., то предприятия АПК продали свою продукцию на внешний рынок более чем на 21 млрд. руб.[4]. Таким образом, впервые в истории страны экспорт агропродукции в денежном выражении превысил экспорт вооружения. При этом поставки импортного продовольствия в страну сократились почти в 2 раза. Это значит, впервые в стране стали доминировать отечественные продукты питания и параллельно увеличились экспортные поставки продовольствия.

Миф о вечном депрессивном состоянии аграрной экономики развенчан. Переход к экспортной модели развития — еще одно подтверждение того, что в отечественном АПК происходят качественные сдвиги, что сельское хозяйство страны вышло на новый уровень устойчивости и оно становится менее уязвимым к перепадам рыночной конъюнктуры, а внутреннее потребление продовольствия все меньше зависит от импорта.

По итогам 2017 г. показатели продовольственного самообеспечения составили по зерну 170,8%, растительному маслу 153,1%, сахару — 105,2%, по мясу и мясопродуктам — 93%, по картофелю — 87%, овощам — 85,9%, молоку и молочным продуктам — 82[4]. Таким образом, по ряду позиций уровень самообеспеченности страны продовольствием пока еще недостаточно высок. Это, прежде всего, касается овощей и фруктов, молочной продукции, говядины.

Для того чтобы Россия возвратила себе роль одного из ведущих игроков на мировом продовольственном рынке наша страна должна укреплять базу российского АПК, его производственный и финансово-экономический потенциал, оснащать хозяйства современной техникой, повышать производительность труда, продвигать отечественные разработки в сфере биотехнологий для выпуска качественной, экологически чистой и безопасной продукции. При этом необходимо создавать современную инфраструктуру и логистику для расширения доступа на внешние рынки.

Таким образом, российские сельхозтоваропроизводители не только укрепляют позиции на российском рынке, но и уверенно наращивают свой агроэкспортный потенциал страны с учетом того, что в мире растет спрос на экологически чистые и качественные агропродукции, к которым предъявляются жесткие требования. Они должны проходить сертификацию и поддерживаться декларациями соответствия. Поэтому на это должны быть нацелены все меры аграрной, торговой, промышленной, научно-образовательной политики страны. Следовательно, Россельхознадзор должен внимательно заниматься вопросами безопасности и качества отечественных продуктов, поставляемых за рубеж.

Серьезным стимулом для формирования агроэкспортного потенциала страны должно стать вовлечение малого и среднего бизнеса в сельскохозяйственную кооперацию. Для этого Минсельхозу РФ совместно с ведущими финансовыми институтами в сфере сельского хозяйства и предпринимательства необходимо разработать комплексную систему поддержки малого и среднего бизнеса с предпочтением развития сельскохозяйственной кооперации.

В современных условиях одним из основных направлений агроэкспорта России являются поставки зерна. Доля зерна в общей стоимости продовольственного экспорта России сейчас составляет 30% и имеет тенденцию к росту. Такая ситуация связана с соотношением американского доллара по отношению к мировым валютам. В условиях подорожания американского доллара покупать американское зерно становится невыгодно и тем самым многие страны зерно стали импортировать из России.

Как свидетельствует статистика, наша страна ежегодно собирает 60 млн. т. продовольственной пшеницы или 75% от всего объема зерновых, а в США, Канаде и Евросоюзе — 90%[1]. Такое расхождение связано с тем, что страны Запада не нуждаются в фуражном зерне. Они кормят животных в основном кукурузой и другими кормовыми культурами. В России, в силу неблагоприятных погодных условий, сложились другие традиции и технологии кормления животных, где преобладают корма из зерновых культур. В соответствии с этими особенностями в разных странах формируется различный баланс между потреблением зерна на внутреннем рынке и экспортным его потреблением.

Следует отметить, что 20 лет назад Россия вынуждена была закупать зерно за границей, а сегодня наша страна является крупнейшим поставщиком пшеницы в мире и занимает второе место в мире по поставкам зерновых вообще. Как известно, увеличение производства зерна объективно предполагает рост запасов зерна внутри страны. Запасы зерна в России могут достичь почти до половины годового потребления, а годовое потребление зерна в России на протяжении нескольких лет остается стабильным — около 73 млн.т. Следовательно, рекордные урожаи увеличивают экспортный потенциал страны по зерну.

Сегодня Россия даже при сокращении площади зерновых собирает достаточный объем зерна для реализации установок Продовольственной безопасности. Так, Россия в 2017 г. при сокращении площади зерновых в 2 раза, по объему производства зерна превзошла уровень 1978 г.— 127,4 млн.т. и собрала рекордный урожай — 134,1 млн.т. Безусловно, этому способствовали такие факторы, как интенсивная технология и кооперативные формы хозяйствования, рост производительности труда на основе беспрецедентной финансовой поддержки государства и применения современных технологий, техники и удобрений.

Следует отметить, что российский рынок зерна на ранних этапах развития сельского хозяйства в большей мере функционировал на основе экстенсивных факторов — расширения посевных площадей при не-

значительном росте урожайности зерна. В современных условиях преобладают интенсивные факторы с использованием новых видов и средств агроинженерии, то есть сельское хозяйство развивается на инновационной основе. Все это позволяет успешно развивать главное направление агроэкспорта — поставки зерна и довести его экспортный потенциал до 45–47 млн.т. в год, что является абсолютным показателем за всю историю России и уверенно позволяет занять России первое место в мире по экспорту пшеницы и второе — по экспорту зерновых. При этом внутреннее потребление будет достаточно стабильным и его объем может вырасти ежегодно в пределах 10–20 млн. т.[2].

Аграрный сектор за последние три года получил более 600 млрд. руб., только в 2017 г. господдержка составила более 240 млрд. руб. Такая господдержка была продолжена и в 2018 г. Кроме того правительством дано поручение дополнительно изыскать 30 млрд. руб. Именно государственное субсидирование сыграло ключевую роль в освоении не только внутреннего рынка зерна, но и в увеличении объемов экологически чистого и качественного зерна на агроэкспорт. Сегодня потребителями российского зерна являются 130 стран мира, расположенных на разных континентах мира.

Таким образом, производство зерна в современной России решает не только задачи Продовольственной безопасности, но и проблемы формирования значительной доли агроэкспортного потенциала страны. Заявленные Минсельхозом России объемы зерна на экспорт в размере 45 млн.т. реально свидетельствует о позиционировании нашей страны как ведущей державы в мире в производстве зерна. В целом сейчас агроэкспортный потенциал страны по зерну составляет до 70 млн.т.

Следующим важным направлением агроэкспорта России выступает производство мяса. Экспорт свинины вырос и достиг 21 тыс.т. Экспорт мяса птицы увеличился на 40% и достиг 130 тыс.т. Практически по свинине и по мясу птицы российское сельское хозяйство покрывает дефицит на 90% [3]. Уровень потребления мяса на человека в стране составляет 75 кг. Мясо стало более доступным как в физическом, так и в экономическом смысле. Доля кооперативных структур в производстве мяса составляет до 23%. Удельный вес импорта в 2018 г. по сравнению с 2016 г. сократился до 10%. В 2018 г. было проинвестировано в мясную отрасль более 1 трлн. руб. На этой основе созданы современные предприятия, произведена модернизация отрасли, создан фундамент для дальнейшего развития и успешного роста производства мяса[3]. Таким образом, наша страна приблизилась к насыщению внутреннего рынка мясом и мясными продуктами и в итоге окончательно были решены извечные проблемы «ножек Буша».

В современных условиях Россия по производству свинины занимает 5 место в мире и 6 место в производстве мяса птицы. При этом заметно увеличилось количество экспортируемых стран. Потребителями мяса и мясных продуктов стали более чем 30 стран мира. В стране перед тружениками АПК поставлена задача — увеличить к 2020 г. экспорт мяса до 1 млн.т. и тем самым достичь объема экспорта мяса и мясопродуктов в совокупности до 20 млрд. долл. вместо 15 млрд. долл. в 2016 г.[4]. В соответствии с реализацией установок Продовольственной безопасности в стране идет активная работа по увеличению производства мяса на основе сельскохозяйственной кооперации и по открытию новых рынков его сбыта за рубежом.

В стране складывается благоприятная конъюнктура в молочной отрасли. Производство молока и молочных продуктов становится более привлекательным и эффективным. Доля отечественного молока в общем объеме потребления составляет около 82%, а дефицит молока в стране составляет 7 млн.т., что вызвано сокращением поголовья коров в ЛПХ из-за демографических процессов и нежеланием молодежи заниматься сельским хозяйством. Таким образом, молочная отрасль не может гордиться впечатляющими результатами, которые в целом показывает отрасль АПК. Однако она вносит свой посильный вклад в агроэкспорт страны. Тем не менее, за последние годы молочная отрасль имеет положительную динамику. От падения объемов производства товарного молока она перешла к росту. Так, начиная с 2013 г. отрасль увеличила объем производства товарного молока на 2 млн. т. Это позволило снизить импорт молочной продукции с 9 до 7 млн.т. За последние три года построены почти 200 молочных комплексов. В 2017 г. начато строительство и модернизация 90 молочных комплексов на основе кооперации. Реализация этих проектов позволит в будущем увеличить производство молока дополнительно еще на 2 млн.т.

Государство для снижения дефицита потребления молока в стране активно использует не только гранты, но и льготные кредиты. Благодаря государственной поддержке производство молока в стране стабилизировалось на уровне 31 млн.т. Для ускорения роста производства молока с 2017 г. инвесторам компенсируется до 30% затрат на строительство молочных ферм. При этом кредиты предоставляются по льготной ставке до 5%.

О значительных вложениях в производство молока в России свидетельствует вложения крупных иностранных инвесторов. Так, вьетнамская корпорация «ТН СЧО-ИР», специализирующаяся на молочном бизнесе, собирается вложить в молочные проекты России 2,7 млрд. долл. в течение 10 лет. Тайландская компания «Charoen Pokphand Group» (Чароен Покпанд Групп) планирует ин-

вестировать 1 млрд. долл. в молочное дело России[3]. Несмотря на положительную динамику, необходимо отметить, что уровень потребления молочных продуктов еще не достиг необходимого уровня. В настоящее время россияне потребляют молоко 70% от медицинской нормы или 233 кг на человека. Поэтому сегодня наша страна экспортирует молоко и молочные продукты за рубеж около 30% от всего объема производства, что крайне важно стимулировать инвестиции в молочную отрасль. В связи с этим необходимо продолжить строительство и модернизацию молочных комплексов, где будут использоваться современные технологии содержания и кормления животных.

Развитие молочных комплексов имеет важное социальное значение. Молочная отрасль является одной из самых важных отраслей и той отраслью, которая способна задействовать самое большое количество людей в сельской местности. Таким образом, обеспечив устойчивое развитие молочной отрасли, наша страна способна обеспечить и сохранить, а самое главное — развивать сельские территории и сельскую кооперацию.

В 2017 г. более 40% средств государственной поддержки, а это свыше 95 млрд. руб. направлено на инвестиции в молочное и мясное животноводство, в модернизацию техники и оборудования. Следовательно, есть надежда, что через три года, максимум 5 лет, показатели Доктрины продовольственной безопасности по молоку будут достигнуты.

Сегодня Россия, кроме зерновых и продукции животноводства, поставляет зарубежным странам в порядке агроэкспорта целый ряд пищевых продуктов — сахар, растительное масло, масличный лен, рис, гречка, хмель, картофель, солод, что способствует расширению присутствия российского продовольствия в странах Европы, Ближнего Востока и Африки. Это значит, что структура агроэкспорта становится более разнообразной. Например, поставки российских продуктов питания уже идут в ОАЭ (Объединенные Арабские Эмираты). Эмираты заинтересованы в продуктах из России, поскольку при нынешнем курсе рубля российская продукция становится более конкурентоспособной, то есть по качеству и по цене соответствует предпочтениям большинства стран.

По производству сахара Россия вышла на первое место в мире, обогнав Францию, США и Германию. В целом экспортный потенциал отрасли составляет около 700 тыс. тонн. Решается вопрос о поставке сахара в Республику Узбекистан и в Марокко.

В настоящее время идут переговоры не только о закупках ОАЭ российской сельхозпродукции, но и о созда-

нии непосредственно совместных сельхозпредприятий, о вложениях финансовых средств в животноводческие хозяйства, а также в производство мясо-молочных продуктов. Также активно ведутся переговоры по поводу открытия рынков агроэкологической продукции с Китаем, Индонезией, Ираном, Сингапуром, Японией, Саудовской Аравией и Нигерией. Такие перспективы связаны с приоритетным вниманием государства к аграрной экономике.

Есть хорошие перспективы у России в увеличении внутреннего спроса и для продвижения на экспорт продукции глубокой переработки с высокой добавленной стоимостью. Это касается тех регионов, которые удалены от основных центров потребления и экспортных портов. Увеличение производства продукции глубокой переработки является серьезным резервом для аграрной отрасли и важным направлением российского агроэкспорта. Оно связано с появлением новых рабочих мест и дополнительных доходов, а также налоговых поступлений в стране.

В результате расширения экспортных направлений аграрной экономики Россия не только получит ощутимую прибавку к ВВП, но и усилит позиции сельского хозяйства на мировой арене. Это и серьезный прогресс в мировом агробизнесе. Таким образом, Россия может не только накормить своих граждан, но и стать ведущей мировой державой решающей проблемы дефицита продуктов питания на международном уровне.

Следовательно, ставка только на сырьевую экономику и промышленность является неверной. В последние годы об этом свидетельствует сокращение объема промышленного производства и значительный рост объема производства сельхозпродукции в стране. С этой целью в регионах страны происходит диверсификация структуры экономики и тем самым растет в ней доля АПК. Строятся новые предприятия, модернизируются формы хозяйствования на селе, что позволяет увеличить долю агробизнеса в ВВП и повышать его рентабельность.

По доходности аграрная экономика в России находится на третьем месте после нефтяного сектора и торговли. Если раньше фаворитами были нефтяная отрасль и банковское дело, то в современных условиях их значимость изменилась, то есть зерно не уступает по рентабельности нефти. Следовательно, Россия может торговать не только нефтью, но и стать ведущей мировой державой, решающей проблемы голода и нищеты в мире.

О привлекательности аграрного бизнеса свидетельствует и тот факт, что многие крупные бизнесмены стали заниматься сельским хозяйством. К этому способствует

сегодня и законодательная база, защищающая интересы инвесторов как внутренних, так и иностранных государств. В этой связи очень важными направлениями являются те виды аграрного производства, продукция которых является экологически чистой, качественной, конкурентоспособной и приносит высокую добавленную стоимость. Это значит, что агроэкспортный тренд России становится в качестве безусловного приоритета в развитии российской экономики.

Таким образом, сельское хозяйство России является успешной отраслью российской экономики, которая кормит не только свой народ, но и народы других стран, а также успешно пополняет инвестиционный потенциал своей страны.

Сегодня инвесторы пришли в различные виды агробизнеса — в производство зерна, мяса, молока, тепличных овощей и садоводства, занялись переработкой сельскохозяйственной продукции. Динамично развивается фермерский и кооперативный сектор. Решается проблема вовлечения пустующих земель как в Центральных районах России и в Сибири, где потенциал земли для ведения сельскохозяйственного производства неисчерпаемый. В стране не вовлечено в сельскохозяйственный оборот порядка 40 млн. га пашни. Только за счет разработки неиспользуемой пашни на Дальнем Востоке, а это более 600 тыс. га, наша страна может увеличить производство сельскохозяйственной продукции на треть, что позволяет успешно решить не только задачи Продовольственной безопасности, но и расширять географию агроэкспорта.

Успешно осваиваются рынки таких отдаленных стран, как Бангладеш и Нигерия. Развиваются торговые отношения с Латинской Америкой. Крупнейшим покупателем

русского продовольствия стал Китай. В 2017 г. в эту страну поставили продукты питания на 17% больше чем по сравнению с 2015 г. Также в пятерку импортеров русского продовольствия вошли Казахстан, Южная Корея и Египет. Соглашения о расширении взаимоотношений в аграрной сфере подписаны с Саудовской Аравией, Королевством Марокко, с последним товарооборот за 2017 г. вырос в 1,5 раза и составил 530 млн. долл. В эту страну теперь будут поставляться не только пшеница, но и масло, сахар, мясо, мороженое и кондитерские изделия.

Следует отметить, что развитие международного делового сотрудничества в аграрной сфере является очень перспективным направлением. Этому способствует выгодное географическое положение России. Она имеет выход в Европу, Северную Африку и на Ближний Восток через порты Азово-Черноморского бассейна. Особенно перспективными выглядит агроэкспорт в рамках Южно-транспортного коридора, что способствует расширению торговли со странами Персидского залива, а также с Индией и Пакистаном. Серьезные перспективы для развития агроэкспорта имеет Дальний Восток с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Безусловно, в этих условиях возникает объективная необходимость усиления финансовой поддержки отдельным экспортным направлениям на основе привлечения инвестиций государственно-частного партнерства и кооперативных связей, развития логистики и увеличения объемов экспорта за счет экопродукции с высокой добавленной стоимостью, что являются прорывными факторами в продвижении агроэкспортной продукции на внешние рынки уже в ближайшее время. Следовательно, Россия становится одним из лидеров глобального мирового продовольственного рынка, то есть нетто — экспортером продовольствия в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпова О. И. Продвижение сельскохозяйственной продукции на внутреннем и внешних рынках / О. И. Карпова // Образование, наука и производство. — 2016. — № 4 (17). — С. 28–30.
2. Кузнецова Э. Г., Кузнецова Е. С. Агроэкспорт как показатель эффективного функционирования сельского хозяйства России / Э. Г. Кузнецова, Е. С. Кузнецова // Стратегические направления развития отраслей российской экономики и её интеграция в мировую экономическую систему. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2017. — С. 76–79.
3. Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL.: <http://mcx.ru/contacts>. (Дата обращения: 28.01.2019 г.).
4. Серегин С. Н. Программы стимулирования экспорта агропродовольственной продукции: новый потенциал экономического роста и конкурентоспособности АПК России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. — 2016. — № 8. — С. 25–31

© Кузнецова Эльвира Георгиевна (elvira.kuz.70@mail.ru), Любовцева Елена Геннадьевна (lyubovceva_elena@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДЕМПФИРУЮЩИЙ МЕХАНИЗМ В РЕГУЛИРОВАНИИ РЫНКА НЕФТЕПРОДУКТОВ В РОССИИ — НЕСОВЕРШЕНСТВО В УСЛОВИЯХ РЕЗКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

THE DAMPING MECHANISM IN REGULATING THE PETROL MARKET IN RUSSIA—THE IMPERFECTION TO RESIST DRAMATIC SWINGS

D. Lyutyagin
Yu. Zabaikin
V. Shenderov
S. Volkov

Summary. The complexity of the situation on petrol market in Russia had identified the need on another round of tax maneuver is aimed at gradual transition (for the period 2019 to 2024) from “handmade” regulation to market regulation based on integration to the petroleum taxation system the special minimization negative trends dampeners. Namely of: fiscal burden; from the customs grant; a share of counterfeit and ersatz motor fuel; local scarcity of motor fuel in regions of Russia where a high percentage of independent fueling station. In the results of tax maneuver is expected to increase the sensitivity of domestic market as external commodity prices therefore in 2019 provide for damping mechanism of reverse excises on petrol and raw materials for recyclable

The study is aimed at identifying the finalizing specificity of tax maneuver for the period 2019 to 2024 including gaps application of damping mechanism in regulating the petrol market in Russia.

The research led to the overall findings that gaps application of damping mechanism is that mechanism reduction by exporting fiscal burden to of domestic market has progressively increased fiscal burden it on petrol for recyclable (regardless of that primary products for exports or domestic markets).

Export taxes enables establish high taxes only on exported minerals. The taxes on the extraction of minerals increasing of costs oil production (the tax base has mineral output). Even though alongside with mechanism reduction by exporting fiscal burden starts working mechanism of reverse excises are remained risks of raising rates the taxes on the extraction of minerals and negative index of export. They can be included in prices oil product and in part defense to national consumption.

Keywords: the damping mechanism; dampeners; petrol market; petrol and diesel; the tax maneuver.

Лютягин Дмитрий Владимирович

К.э.н., доцент, Российский государственный геологоразведочный университет им. Серго Орджоникидзе (МГРИ-РГГРУ)
I-d-v@list.ru

Забайкин Юрий Васильевич

К.э.н., доцент, Российский государственный геологоразведочный университет им. Серго Орджоникидзе (МГРИ-РГГРУ)
79264154444@yandex.com

Шендеров Владимир Исаакович

К.т.н., профессор, Российский государственный геологоразведочный университет им. Серго Орджоникидзе (МГРИ-РГГРУ)
vishenderov@yandex.ru

Волков Сергей Владимирович

Российский государственный геологоразведочный университет им. Серго Орджоникидзе (МГРИ-РГГРУ)
volkovsv@mrgri-rggru.ru

Аннотация. Сложность ситуации рынка нефтепродуктов определила необходимость очередного налогового манёвра, ориентированного на постепенный переход (с 2019 по 2024 гг.) от «ручного» регулирования рынка к регулированию, на основе встроенных в систему налогообложения нефтяной отрасли демпферов (или инструментов гашения негативных тенденций). А именно, снижения: бюджетной нагрузки от таможенной субсидии; доли контрафактного и суррогатного моторного топлива; локального дефицита топлива (в тех регионах РФ, где высокий удельный вес независимых автомобильных заправочных станций).

В результате налогового манёвра ожидается рост восприимчивости внутреннего рынка к внешним ценам на сырье. Поэтому (с 2019 г. предусмотрен демпфирующий механизм обратного акциза на нефть, которая направляется на переработку).

Целью исследования является изучение специфики завершения налогового маневра 2019–2024 гг., включая недочеты в применении демпфирующих механизмов в регулировании рынка нефтепродуктов России.

По результату исследования констатировано, что несовершенство демпфирующих механизмов состоит в специфике перераспределения фискальной нагрузки, которая будет постепенно увеличивается на добычу нефти, независимо от того, предназначено сырье для экспорта или для внутреннего рынка. Наличие экспортной пошлины дает возможность устанавливать высокие налоги только на экспортируемые ресурсы, а НДС увеличивает себестоимости добычи нефти в целом.

Несмотря на то, что параллельно с механизмом перераспределения фискальной нагрузки, начинает работать механизм обратного акциза, остается

Сущность налогового манёвра и роль демпфирующего механизма в регулировании рынка нефтепродуктов

Если в декабре 2017 г. нефть марки Brent стоила около 60–63 долл. за баррель, то уже в апреле 2018 г. ее цена превысила 70 долл. за баррель. Похожая динамика была характерна для WTI, Dubai Crude и других нефтяных марок. Рост мировых цен на нефть вошел в период наивысших показателей весной 2018 г. В результате производители бензина подняли цены внутреннего рынка нефтепродуктов РФ на 10%, а главные игроки заявили о необходимости дальнейшего ценового повышения на 10–11% (на фоне слабого рубля [3]).

Следует отметить, что «ручное» регулирование рынка нефтепродуктов не стал панацеей, поскольку его меры:

- ◆ усилили бюджетную нагрузку, формируемую таможенной субсидией, выгодоприобретателями от которой являлись не только нефтеперерабатывающие заводы и внутренние потребители, но и экономики Евразийского экономического сообщества. Уже на начало 2018 г. сумма субсидии достигла 1,1 трлн. руб. [4, с. 3; 11, с. 7]);
- ◆ синтезировали повышение доли контрафактного и суррогатного моторного топлива, при его локальном дефиците в регионах РФ, где высокий удельный вес независимых автомобильных заправок станций (а именно: в Иркутске; Чите; Красноярске и Алтайском крае [7]).

По нашему мнению, негативные последствия связаны со спецификой соглашения между крупнейшими нефтяными компаниями, министерством энергетики и Федеральной антимонопольной службой России [1]. В соответствии с его условиями вводились ограничения на мелкооптовые цены бензина и дизельного топлива на внутреннем рынке РФ (стоимость была зафиксирована на уровне цен мая 2018 г. до 31 марта 2019 г). Закономерно для максимизации маржи:

- 1) главные нефтеперерабатывающие компании перенаправляли основные объемы топлива для розничных продаж на сетевые заправки, ограничив мелкооптовые продажи нефтепродуктов для

ся риск, что в случае повышения ставка НДС и отрицательной поправки к индексу экспортной альтернативы, % повышения НДС и премия от этой разницы будут включаться в цену нефтепродуктов и перекладываться на внутреннего потребителя РФ.

Ключевые слова: демпфирующий механизм; демпферы; рынок нефтепродуктов; бензин и дизельное топливо; налоговый маневр.

независимых АЗС. Однако при таких мерах только за май-октябрь 2018 г. недополученная прибыль нефтеперерабатывающих заводов (от заморозки цен на бензин и дизельное топливо) превысила 150 млрд. руб. в т.ч. 18,5 млрд. руб. для ПАО «Лукойл», 16,3 млрд. руб. для «Роснефти», 22,5 млрд. руб. для «Газпром нефть» и 16,7 млрд. руб. для «Сургутнефтегаз» и НПЗ Башнефть [4, с. 3; 11, с. 7];

- 2) независимые автомобильные заправочные станции искали альтернативных поставщиков, в результате чего объем контрафактного и суррогатного моторного топлива в регионах где высокий удельный вес независимых АЗС достиг 60%.

Учитывая сложность ситуации стала очевидна необходимость инициирования с 1 января 2019 года налогового манёвра, ориентированного на постепенный (с 2018 по 2024 гг.) переход от «ручного» регулирования рынка нефтепродуктов к регулированию на основе встраивания в систему налогообложения нефтяной отрасли внутренних механизмов гашения негативных тенденций и предотвращения колебаний цен (демпферов).

Практика налогового маневра не нова для РФ. В разные периоды она позволяла регуляторам решать различные тактические и стратегические задачи в нефтяной сфере.

Первый налоговый маневр (1994–1996 гг.) проведен после скачков цен на нефть марки Brent, в результате накопленного влияния забастовок нефтяников в Нигерии, кризиса в Ираке и др. факторов. Учитывая, что к этой марке привязана цена российской нефти Urals наблюдалось снижение доходов нефтяных компаний. В качестве демпфера применялась отмена экспортных пошлин на нефть при одновременном увеличении акциза на нее (без компенсаций нефтепереработке).

Позднее правительство проводило другие налоговые маневры в нефтяной отрасли [9; 4]:

- 1) в 2011–2017 гг. (на фоне необходимости ликвидации таможенного субсидирования производства мазута). В качестве основы манёвра было использовано повышение экспортных пошлин на темные нефтепродукты до уровня 66% от экспортной пошлины на нефть, а с января 2015 г. до уровня 100%;

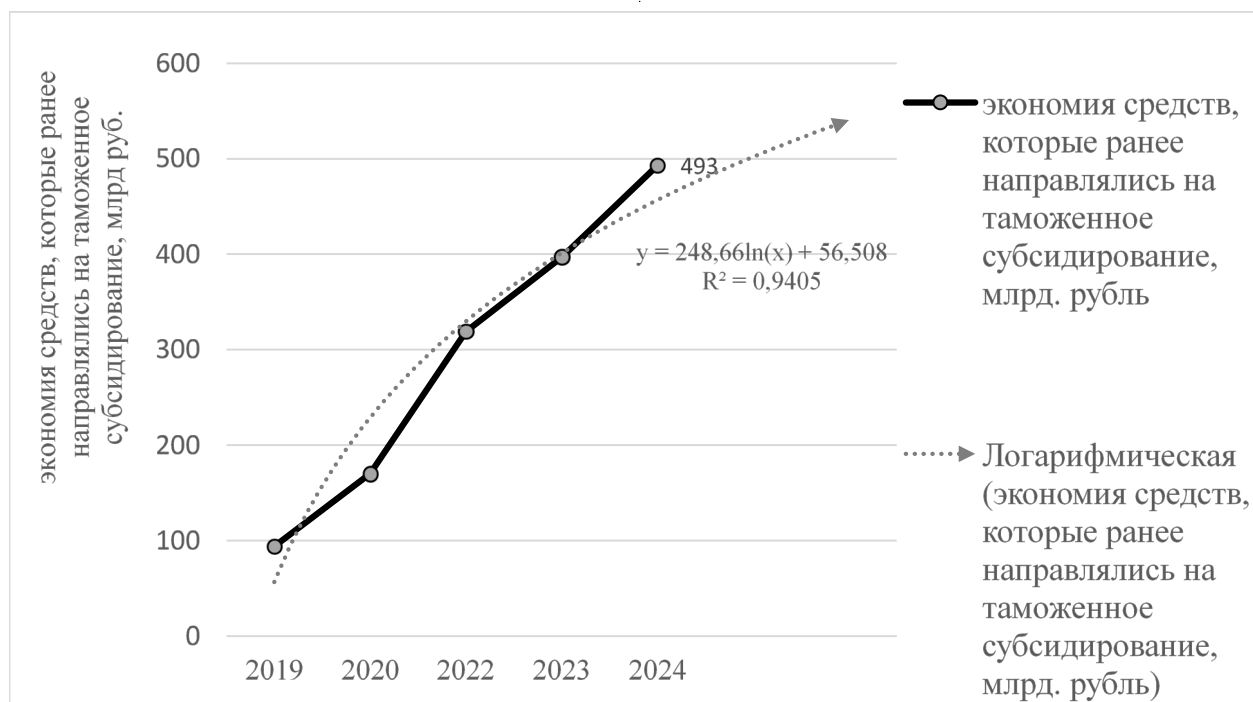

Рис. 1. Сценарий нарастания эффекта от замены таможенной субсидии обратным акцизом, 2019–2024 гг. Источник: разработано на основе [4, с. 3]

- 2) в 2014–2017 гг. (после того, как фьючерсы на нефть марки Brent начали последовательно снижаться). В этот период наблюдалось 9% падение уровня рентабельности нефтяных компаний [11, с. 99]. Поэтому в качестве механизма гашения негативных тенденций (или демпфера) была использована пошлина на нефть (она была снижена с 60% до 55%);
- 3) в 2015–2017 гг. (на фоне роста инфляции и инвестиционного сжатия 2015 г. Так, наблюдалось 11% снижение доходов нефтяных компаний. В качестве механизма гашения негативных тенденций (демпфера) использована трансформация расчета экспортной пошлины на нефть и нефтепродукты (ЭП). Произведено сокращение ЭП с 55% до 30% при росте налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) и уменьшении акцизов на нефтепродукты.

В зависимости от целей законодателя, налоговый маневр всегда базируются на специфических изменениях системы налогообложения и обеспечиваемых ею поступлений платежей в бюджет. А именно: замене одного или нескольких налогов другими или отказ от них; пропорциональном перераспределении поступлений в бюджет; введении заградительных ЭП на нефть и нефтепродукты; стимулировании отечественных нефтяных компаний.

Налоговый маневр 2018–2024 гг. четвертый для нефтяной отрасли. Он базируется на изменениях Налогового кодекса от 3 августа 2018 г. и Закона «О таможенном тарифе» (ФЗ № 303-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах»).

Специфики завершения налогового маневра 2018–2024 гг. Демпфирующие механизмы в регулировании рынка нефтепродуктов

Если добытые в РФ баррели нефти обложить таможенной пошлиной — поступления денежных средств в бюджеты 2017–2018 гг. увеличились бы на 2,9 трлн. руб. [4]. Этого не происходит, поскольку действующая система пошлин ориентирована на снижение экспортного паритета цен на нефть на внутреннем рынке РФ (т.е. на нетбэки). Около 50% добытой нефти беспошлинные (поскольку предназначены для внутренних нужд нефтеперерабатывающих заводов), а фискальная нагрузка направлена на ее экспортеров (исключая экспорт на рынок ЕАЭС) [5, с. 13]. Цены экспортного паритета на нефть снижаются больше, чем на нефтепродукты, а следствием разницы пошлин на нефть и нефтепродукты является дополнительное субсидирование внутреннего потребителя (в частности пошлины на нефтяной спирт — 55%

от пошлины на нефть, для других светлых нефтепродуктов — 30% от пошлины на нефть [5, с. 13]).

За счет таможенного субсидирования бюджет ежегодно недополучает [5, с. 13]: 1,4 трлн. руб. от повышения выручки реализации нефтепродуктов; 1,3 трлн. руб. от потребителей РФ; 0,1 трлн. руб. от беспошлинных поставок нефти на рынок ЕАЭС. В рамках налогового маневра с 1 января 2019 г. запланированы меры, в результате которых фискальная нагрузка с экспорта постепенно перераспределится на внутреннем рынке РФ. Предусмотрено [8, 4]:

- ◆ постепенное снижение ЭП на нефть и нефтепродукты (исключая их отдельные виды) — с 30% до 0% (2019–2024 гг.). Так, до 2024 г. ставка ЭП будет ежегодно снижаться на 5% (пока не достигнет 0%). Это позволит ликвидировать таможенную субсидию для нефтеперерабатывающих заводов;
- ◆ повышение ставок НДС на 30%, при неизменности льгот и преференций (в 2019–2021 гг.) т.е. на величину снижения ЭП на нефть и нефтепродукты (хотя Минфин и Минэнерго не согласовали целесообразности учета в будущем повышении роста ставки НДС 2016–2017 гг.). Предполагается, что мера вернет в бюджет РФ часть потерянных выгод от беспошлинных поставок нефти внутри Евразийского экономического союза.

Выделенные меры, по прогнозам [4, с. 3], должны увеличить доходы государства за счет экономии средств, которые ранее направлялись на таможенное субсидирование. К концу 2019 г. эффект от замены таможенной субсидии будет не большим (около 94 млрд. руб.), однако в базовом сценарии он будет описывается процессами замедляющегося роста до 493 млрд. руб. к 2024 г. (рис. 1).

Компенсация экспортной пошлины ставкой НДС приведет к росту восприимчивости внутреннего рынка к внешним ценам на сырье. Эта инициатива нежелательна при текущим диспаритете цен внутреннего рынка и экспортных нетбеков. Поэтому с 2019 г. предусмотрен механизм обратного акциза на нефть, направляемую на переработку. Механизм на прямую не связан с налоговым маневром [4, с.16], однако обеспечивается демпфирующей надбавкой к налоговому вычету (основанной на гибких поправках к индексу экспортной альтернативы).

Механизм обратного акциза предусматривает дополнительные логистические надбавки на налоговые вычеты для нефтеперерабатывающих заводов, производящих топливо для внутреннего рынка РФ. При этом, чтобы эффект был адресным, предусмотрено [8]:

- ◆ выделение выгодоприобретателей. Ими являются субъекты, которые отвечают критериям получателя надбавки, а именно: переработали 600 тыс. тонн нефти за прошлый отчетный период или заключили с Минэнерго соглашение о модернизации производства на 2015–2024 гг. (в суммарном выражении от 60 млрд. руб.); соответствуют ключевым параметрам эффективной нефтепереработки (т.е. в течение квартала производство нефтепродуктов составляет более 10% от переработанной нефти, а общий объем их поставок на внутренний рынок более 5 тыс. тонн);
- ◆ дифференциация значений налогового вычета (исходя из логистического коэффициента от 1,05 до 1,5). Разделение ориентировано на компенсацию высоких транспортных расходов удаленных производителей нефтепродуктов. В частности, логистический коэффициент 1,05 сможет применять Омский НПЗ, 1,1 — Коченевский и Антипинский НПЗ, 1,3 — Ухтинский НПЗ, 1,4 — Ангарский НПЗ, 1,5 — Ачинский НПЗ [2].

По прогнозам Vigon Consulting при высокой экспортной цене на нефть (исходя из темпов ее роста на сентябрь-октябрь 2018 г. [4, с. 23–25]) с 1 января 2019 г. механизм обратного акциза компенсирует нефтеперерабатывающим заводам определенную долю разницы между экспортной ценой бензина и дизтоплива и «условной внутренней ценой». А именно:

- ◆ в 2019 г. (в условиях действия ограничений мелкооптовых цен на бензин и дизельное топливо) до 60%;
- ◆ в 2020–2024 гг. (в условиях ценового коридора, регулируемого рычагами обратного акциза) до 50%.

Для удаленных производителей нефтепродуктов возможно возмещение недополученной выручки от 77 до 89% [4, с. 23–25].

Недостатки демпфирующего механизма обратного акциза в регулировании рынка нефтепродуктов

Основной недостаток демпфирующего механизма обратного акциза состоит в алгоритме поправки к индексу экспортной альтернативы (за счет которой корректируется ключевая цена на нефтепродукты или бенчмарк).

Поправка определяется результатом вычитания средней экспортной цены на нефть (экспортного нетбека в морских портах Северо-Западного Федерального

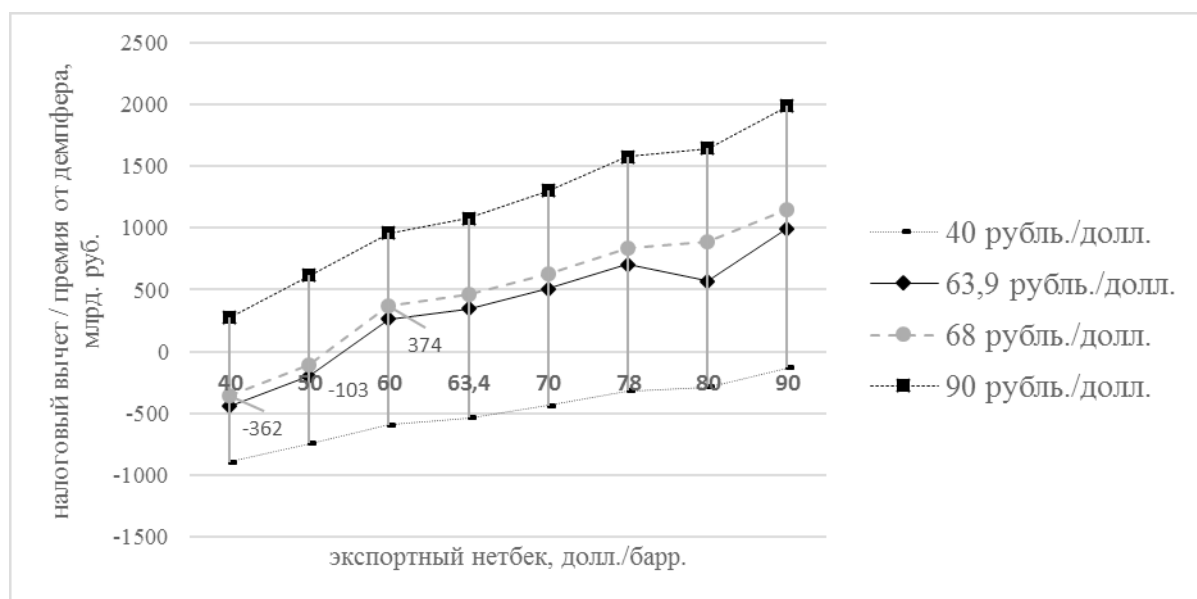

Рис. 2. Иллюстративный расчет совокупной величины налогового вычета/ премий от демпфера с учетом изменений базовых параметров, млрд. руб. Источник: разработано на основе [4, с. 27] с учетом роста акцизов и НДС с 2019 г.

Округа) и целевой цены внутреннего рынка на бензин и дизельное топливо (исходя из уровней цен текущего месяца, с индексацией на 5% в год) [4, с. 23]. При этом, если целевая цена внутреннего рынка:

1) ниже экспортного нетбека (с учетом 10% верхней границы ценового коридора) — нефтепереработка получает налоговый вычет. Так целевая цена:

- ◆ в 2019 г. от 5 тыс./руб. /т. для дизельного топлива и 5,6 тыс./руб. /т. на бензин АИ-92;
- ◆ в 2020 г. 5,25 тыс./руб. /т. (в 2021 г. — в 5,5125 тыс./руб. /т.) для дизельного топлива и 5,88 тыс./руб. /т. (и 6,174 тыс./руб. /т. к 2021 г.) для бензина АИ-92;

2) выше экспортного нетбека (без учета нижней границы ценового коридора) — компании нефтепереработки выплачивают долю от этой разницы в бюджет.

Таким образом поправка к индексу экспортной альтернативы в момент ценообразования не известна. Экспортный нетбек можно рассчитать в любой момент (рыночная цена нефти у конечного потребителя минус стоимость ее поставки от места производства), а внутренняя цена крайне чувствительна к базовым параметрам, включая:

- 1) сам нетбек и внутреннюю оптовую цену (она изменяется приблизительно в том же темпе, что и нетбек);
- 2) курс национальной валюты к основным резервным валютам мира (в т.ч. к доллару).

Например, при высоком экспортном нетбеке в 78 долл./барр. и курсе 68 руб. за долл., совокупная величина налогового вычета составила бы 840 млрд. руб., однако если курс долл. к рублю снижается до 63,9 руб. за долл. то совокупная величина налогового вычета составит 704 млрд. руб. (рис. 2).

Учитывая сложности расчета поправки к индексу экспортной альтернативы на волатильных рынках, она рассчитывается исходя из средних значений за месяц. Следовательно, возникает проблема корректности такого расчета.

Демпфирующий механизм не содержит стимулов к снижению внутренней оптовой цены на нефтепродукты. Например, исходя из сценария Минэкономразвития в конце 2019 г. совокупный налоговый вычет (от поправки к индексу экспортной альтернативы) может составить 347 млрд. руб. В случае положительного демпфера ничто не останавливает нефтеперерабатывающие компании от повышения внутренних цен в пределах базовых 10% и получения дополнительной премии с каждой сделки.

Существует проблема совместного учета прав на налоговый вычет по бензину и дизелю (в рамках обратного акциза оно применяется если средние оптовые цены не увеличатся больше чем на 10%). Закономерно, чтобы такое право не получил субъект, который превышал допустимый уровень цен — вычет должен быть адресным

и определяться как сумма ежедневных ценовых значений отельного субъекта (на каждый вид топлива).

Учитывая специфику прогнозов, начиная с 2020 г. (при прогнозируемых 59,7 долл./барр. и 63,9 долл./барр.) поправка к индексу экспортной альтернативы может стать отрицательной [4].

Возможность скачкообразных изменений поправок к индексу экспортной альтернативы приводит к тому, что с источника выплат, предоставляемых за счёт бюджета, он будет периодически трансформироваться в источник индивидуальных платежей. Такая трансформация противоречит принципу определённости налогообложения.

Если рассматривать поправку к индексу экспортной альтернативы как базу для исчисления премии (без учета границ ценового коридора [8]), которую субъекты рынка нефтепродуктов будут обязаны выплачивать в бюджет возникает необходимость компенсации уплаченной разницы за счет внутреннего рынка.

Целесообразно установить нижнее пороговое значение показателя превышения экспортного нетбека при котором премия обнуляется (с учетом 10% нижней границы ценового коридора). Тогда нефтеперерабатывающие компании будут устанавливать цену на уровне минимальных показателей.

Недостатки демпфирующего механизма перераспределения фискальной нагрузки с экспорта на внутренний рынок

В рамках формирования демпфирующего механизма перераспределения фискальной нагрузки, предполагается, что НДС будут платить все участники отрасли, вне зависимости от объемов экспорта при неизменности льгот и преференций, в т.ч.:

- ◆ пониженной налоговой ставки на разработку новых месторождений;
- ◆ льгот и пониженных ставок для месторождений с трудно извлекаемой нефтью.

Это значит, что к примеру, НК Роснефти будет сохранен вычет из НДС по Самотлорскогму месторождению (предоставленные с 2018 г.). Чтобы увеличивать добычу нефти в месторождения со сложными условиями добычи компании предоставлено право в течение 10 лет получать вычет на 35 млрд. руб. Также, будут продолжены пилотные проекты по внедрению налога на добавленный доход (НДД) для месторождений со сложными условиями добычи (вступил в действие закон о введении в РФ НДД при добыче нефти) — это 35 лицензионных

участков «Лукойл», «Газпром нефти», «Сургутнефтегаз» и независимых нефтяных компаний [11, с. 67].

Учитывая, что НДС будет применяться отдельно от НДС — законодательная инициатива приведет к возникновению льготного налогового режима, а, следовательно, и рисков снижения компенсационного влияния НДС. Регуляторы могут столкнуться со стремлением компаний:

- ◆ снижать добычу нефти не только в традиционных, но и в новых регионах (в связи с ростом изъятий по НДС и связанным с этим увеличением себестоимости добычи). Минфин и Минэнерго уже пытались обеспечить дополнительные поступления в бюджет на основе повышения НДС на нефть на 46% в 2015 г. и 53% в 2016 г., при постепенном снижении ЭП на нефть до 42% в 2015 г., 36% в 2016 г. и 30% в 2017 г. [11, с. 67]. Но роста поступлений не произошло из-за дешевой нефти [11, с. 69];
- ◆ завышать издержки по месторождениям, работающим на НДС (занижая прибыль с которой взимается налог).

Выходом может быть разграничение систем налогообложения (НДС и НДС) по критерию зрелости обрабатываемых месторождений [12, с. 18]. А именно пилотирование молодых и вновь вводимых нефтегазовых месторождений по системе НДС, а по текущему фонду обрабатываемых месторождений и находящихся в фазе стагнации добычи, с трудно извлекаемой нефтью по дифференцированному НДС. Чтобы дифференциация НДС не синтезировала коррупционные риски важно определить критерии месторождений, которым предоставляются сниженные ставки или понижающие коэффициенты.

Выводы

Наличие ЭП дает возможность устанавливать высокие налоги только на экспортируемые ресурсы. НДС увеличивает себестоимости добычи нефти в целом (базой обложения является добытое полезное ископаемое). Несмотря на то, что параллельно с механизмом перераспределения фискальной нагрузки, начинает работать механизм обратного акциза, остается риск, что в случае повышения ставка НДС и действия отрицательной поправки к индексу экспортной альтернативы, они будут включаться в цену нефтепродуктов и перекладывается на внутреннего потребителя. Более тонкая настройка демпфирующего механизма или его замена на плавающий механизм акциза даст предсказуемый и управляемый переход к модифицированной системе налогообложения нефтегазовой отрасли без ценовых шоков для потребителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бензиновая математика: что будет с ценами в 2019 году URL: <https://regnum.ru/news/2545977.html>
2. Давыдов Д. Демпфирующий акциз в рамках налогового маневра могут изменить/ Давыдов Д. URL: <https://teknoblog.ru/2018/08/31/92417>
3. Демпфирующая надбавка. Как Минэнерго хочет субсидировать цены на бензин // СпБК, 2018. URL: <https://news.sarbc.ru/focus/materials/2018-09-13/6863.html>
4. Ежов С. К. Завершение налогового маневра. Эпизод I. / С. Ежов, Е. Тыртов // Vigon Consulting, Ноябрь 2018 г. — 38 с.
5. Ежов С. К. К чему готовиться переработке: Как завершение налогового маневра повлияет на отрасль? / С. Ежов, Е. Тыртов // Нефтегазовая вертикаль, 2018. — № 22. — С. 12–20.
6. Ежов С. К. Налоговый маневр... или тупик? Нефтяные таможенные пошлины все-таки отменяют / С. Ежов, Е. Тыртов // Oil&Gas Journal Russia, Август, 2018. — С. 96–103
7. Заморозка цен на бензин: грозит ли России дефицит, и кто виноват // BBC, 2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-46221156>
8. Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2016 год и плановый период 2017 и 2018 годов» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Россия начала процесс завершения налогового маневра нефтяной отрасли об этом сообщает Рамблер. Далее: https://finance.rambler.ru/markets/41513425/?utm_content=rfinance&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
10. Тараканова Е. Налоговый демпфер не снизит цены на топливо в России / Е. Тараканова URL: <http://www.profi-forex.org/novosti-rossii/entry1008316085.html>
11. Shen C. The oil market in Russia remains volatile / the studies Ernst and Young, Ernst and Young., 2019. — V 7. — p. 512.
12. Лютягин Д. В., Забайкин Ю. В. Налоговая реформа в нефтегазовом секторе экономики России — преимущества и недостатки перехода от НДС к НДС / Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право», -№ 2, —2018 г., -с.18–25

© Лютягин Дмитрий Владимирович (l-d-v@list.ru), Забайкин Юрий Васильевич (79264154444@yandex.com), Шендеров Владимир Исаакович (vishenderov@yandex.ru), Волков Сергей Владимирович (volkovsv@mgri-rggru.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный геологоразведочный университет им. Серго Орджоникидзе

АНАЛИЗ ПРЕДПОСЫЛОК ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ АГРОПРОМЫШЛЕННЫХ КЛАСТЕРОВ В РОССИИ

ANALYSIS OF PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF REGIONAL AGRO-INDUSTRIAL CLUSTERS IN RUSSIA

Yu. Mindlin

Summary. The article proves that the sanctions impact on the Russian economy requires the development of agricultural production on the basis of intensive innovation, which will ensure the food security of the country, ensuring each person the possibility of a full rational food quality and safe food, as well as to realize the competitive advantages of the country in the world food markets. The author argues that in the modern conditions in the country has not yet developed a mechanism of systemic innovation development. According to the author, a comprehensive solution to the problem of innovative development of agriculture is the formation of cluster policy, both at the state and regional levels.

Keywords: agribusiness, cluster, sanctions, state support, potential, program, cluster model.

Миндлин Юрий Борисович

*К.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени им. К. И. Скрябина
mindliny@mail.ru*

Аннотация. В статье обосновано, что санкционное влияние на экономику России требует развития аграрного производства на интенсивной инновационной основе, что позволит обеспечить продовольственную безопасность страны, гарантируя каждому лицу возможность полноценного рационального питания качественными и безопасными продуктами питания, а также реализовать конкурентные преимущества страны на мировых рынках продовольствия. Автором приводятся доводы, что в современных условиях в стране еще не разработан механизм системного инновационного развития. По мнению автора, комплексным решением проблемы инновационного развития АПК является формирование кластерной политики, как на государственном, так и на региональном уровнях.

Ключевые слова: АПК, кластер, санкции, государственная поддержка, потенциал, программа, кластерная модель.

Введение

Мировые тенденции роста спроса на сельскохозяйственную продукцию, а также высокий уровень обеспеченности трудовыми и природно-климатическими ресурсами России побуждают к ускорению реформирования агропромышленного комплекса и наращивание производства высококачественных и доступных продуктов питания. Важным стратегическим направлением экономического роста в России в условиях экономических санкций является инновационное развитие государства. Альтернатив ему не существует, потому что только принципиально новые технологии, управленческие новшества позволяют создать конкурентную среду и обеспечить лидирующие позиции на мировом рынке.

В условиях глобализации проблема конкурентоспособности национальных экономик приобретает значимость, будучи одним из основателей экономической безопасности. Одним из факторов повышения конкурентоспособности является внедрение кластерного подхода в национальных экономиках.

Изложение результатов исследования

Формирование кластеров базируется на объединении науки, технологии, производства, экономики и управления для повышения конкурентоспособности продукции. Среди множества научных направлений и концепций, возникших в рамках кластерного подхода, наиболее значимыми являются работы М. Портера. Его теория кластеров является общепризнанной концепцией в данной области знаний, а кластерная модель выступает инструментом повышения конкурентоспособности экономики региона или страны в целом [5].

В научных трудах понятие «кластер» трактуется, как территориально отделена интегрированная система, основанная на единой, разработанной для нужд кластера инновационной и инвестиционной политике. Объединение в кластер на основе вертикальной интеграции формирует не спонтанную концентрацию разнообразных технологических изобретений, а определенную систему распространения новых знаний и технологий. При этом важнейшим условием эффективной трансформации

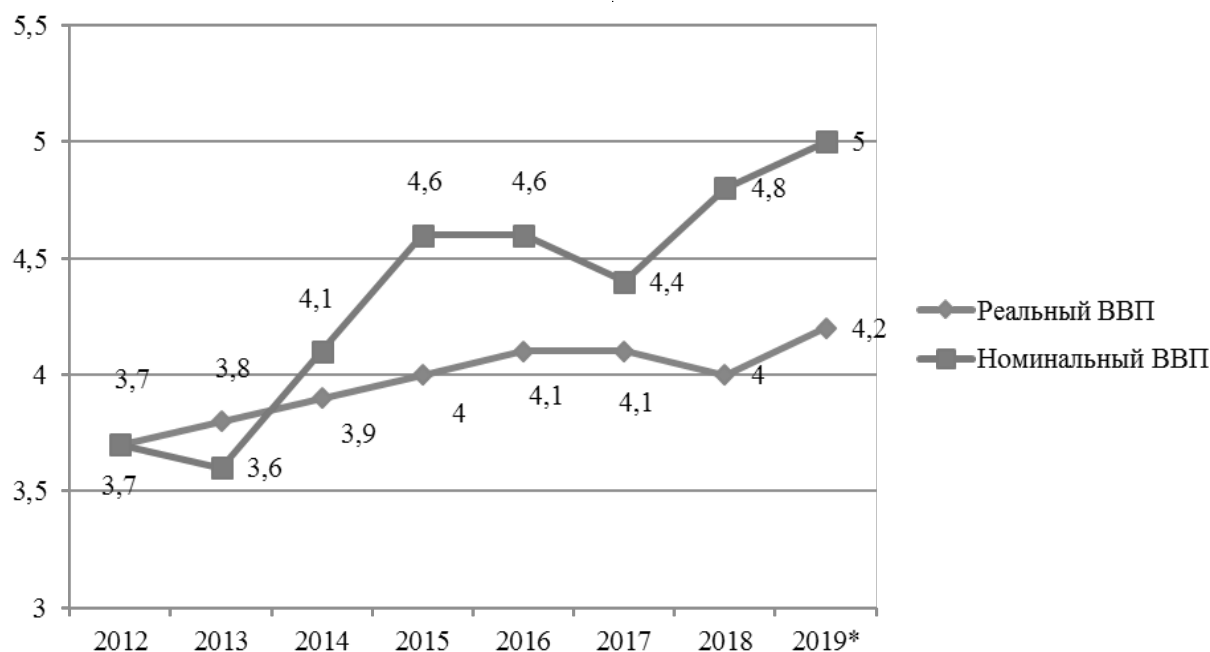

Рис. 1. Доля АПК в структуре ВВП в динамике за 2012–2019 гг.

Источник: составлено автором на основе [1]

* прогнозное значение

изобретений в инновации, а инноваций в конкурентные преимущества является формирование сети устойчивых связей между всеми участниками кластера.

Кластерный подход используется в разработках шведских теоретиков, теория которых построена на структуре национальной экономики (изучении взаимосвязей крупных шведских многонациональных корпораций).

Шведские кластеры основаны на тезисе Е. Дахмена «о блоках развития», где основой является наличие связи между способностью одного сектора развиваться и обеспечивать прогресс в другом. Современные теории развития конкурентоспособности на основе кластеров разработаны В. Фельдманом, который рассматривает кластер как диверсифицированную совокупность отраслей, связанных отношениями «затраты-выпуск» [7].

Такая форма существования требует глубокой интеграции с научными центрами, академическими учреждениями, высшими учебными заведениями, научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими организациями. То есть кластеры формируются на основе отраслей и сфер научной деятельности, которые имеют прикладное значение, могут широко использоваться в производстве новейших, наукоемких продуктов, имеют совместную научно-исследовательскую базу и определенный управленческий опыт. В кластерах образуется

уникальная среда, в котором аккумулируются передовые для определенного региона, возможно отдельной страны, научные разработки, проводится поисковая деятельность в области производства новейших форм сырьевых продуктов, разработки и применения новейших биотехнологий, новейших форм энергетического обеспечения производства. Следует отметить, что на современном этапе объединения кластеров осуществляется по принципу экономической выгоды, на неформальной основе.

Важным сектором национальной экономики, который объединяет различные виды экономической деятельности по производству сельскохозяйственной продукции, продуктов питания, а также доставки их до конечного потребителя является агропромышленный комплекс Российской Федерации. В агропромышленном комплексе формируется около 4% ВВП, он является одним из экспортноориентированных секторов национальной экономики. Доля АПК в структуре ВВП в динамике за 2012–2019 гг. представлена на рисунке 1.

Кластеризация аграрной экономики — это системный инновационный процесс территориально-отраслевых сетевого объединения взаимосвязанных общими интересами предприятий и организаций в конкретной деятельности, для обеспечения рационального использования их ресурсного потенциала, увеличения объемов производства конечной продукции и повышения

Таблица 1. Этапы создания кластеров в агропромышленном комплексе России

Этапы	Характеристика этапа
1 этап (2010–2012)	Этап предварительного анализа и определения перспективных территорий и производств, который включает в себя анализ ресурсного потенциала регионов, анализ традиций производства, исследование структуры производства (количество и мощность хозяйств, взаимосвязи между ними, положительные и отрицательные факторы их развития).
2 этап (2012–2014)	Этап инициации создания кластера и поощрения к участию руководителей предприятий, в течение которого происходит организация крупных открытых встреч для представления принципов работы сетевых структур, указание их возможностей и преимуществ и формирования круга малых и средних предприятий, имеющих общие интересы и экономический рост которых сдерживают одинаковые факторы, группировка предприятий для решения общей проблемы или вокруг общей перспективы развития.
3 этап (2015)	Этап стратегического планирования, который охватывает глубокий анализ общих проблем и возможностей, утверждения рабочего плана будущего кластера согласно критериев развития на короткий, средний и долгосрочный период, предварительное определение организационной структуры будущего кластера, предприятий-лидеров, принципов работы в кластере и его правового статуса.
4 этап (2015–2017)	Разработка и реализация пилотного проекта некоторого краткосрочного проекта, что позволяет быстро ощутить положительный эффект от нового формата работы. Это мероприятие желательно проводить для консолидации участников и проработки механизмов работы в новообразованной структуре.
5 этап (2018 — наши дни)	Разработка и реализация стратегических проектов, которые, собственно, и составляют содержание работы кластера.

Источник: составлено автором

Рис. 2. Факторы, которые усложняют развитие аграрных кластеров в России

Источник: составлено автором

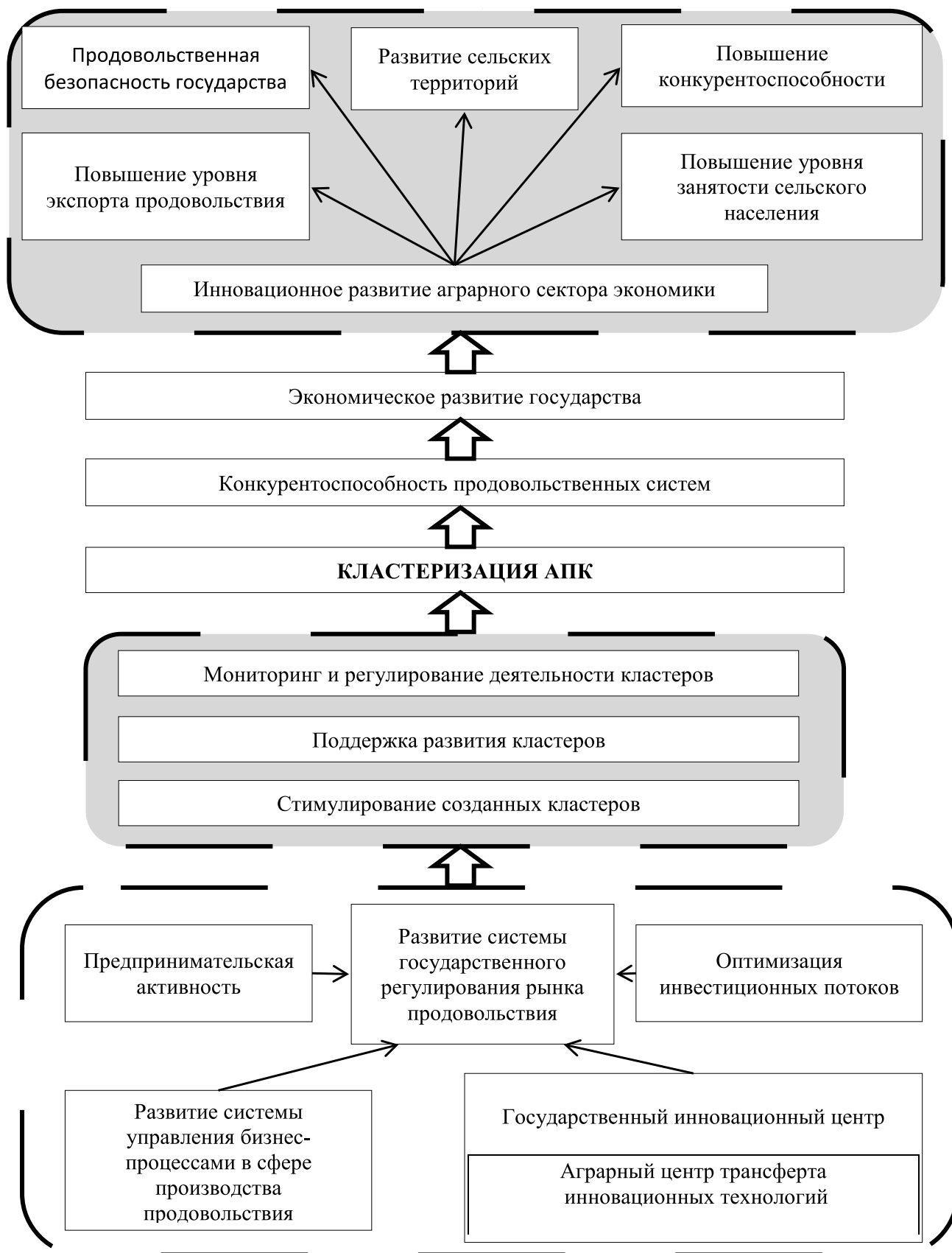

Рис. 3. Кластерная модель развития агропромышленного комплекса
 Источник: составлено автором

ее конкурентности на рынке и содействия устойчивому развитию агропромышленного производства и сельских территорий.

Зарубежная практика кластеризации экономики в странах мира подтверждает целесообразность и актуальность создания кластерных структур в РФ. Внедрению кластеров в отечественном аграрном секторе способствуют определенные предпосылки [3]:

- ◆ наличие квалифицированной рабочей силы;
- ◆ территориальная близость к европейским и азиатским продовольственным рынкам;
- ◆ возможность комбинирования мощного ресурсного потенциала с европейскими и китайскими технологиями;
- ◆ национальный курс российской экономики на внутренний потенциал;
- ◆ инвестиционная привлекательность отечественных предприятий;
- ◆ наличие предпринимательских способностей.

В экономически развитых странах процесс создания кластера может инициироваться как предпринимателями, которые стремятся объединить усилия вокруг общей цели, так и извне, в частности государственной или местной администрацией. Однако, в условиях рыночных отношений, имеющих место в России, вряд ли стоит ожидать спонтанного образования подобных сложных сетевых структур [7]. Местная власть может быть как инициатором его создания, так и его партнером. Но именно перед властью стоит задача создания общей благоприятной рыночной инфраструктуры, создания и применения правовых и экономических механизмов ликвидации теневых схем работы отдельных участников рынка и ценовой противоборств политике предприятий-монополистов, введение требований по прозрачности торговых операций. Именно от политической воли и деятельности органов местной власти в значительной степени зависит успех построения кластера, особенно на начальных этапах [4].

Инициатива по созданию того или иного кластера может исходить также от местных научно-исследовательских институтов, аграрных университетов, консультационных служб или разнообразных общественных организаций. Последовательность создания кластеров в агропромышленном комплексе России включает 5 основных этапов (таблица 1).

Как следствие, в России существуют лишь единичные примеры практического создания и функционирования аграрных кластеров, которые преимущественно являются инициативой товаропроизводителей и основаны на основе опыта, заимствованного ими из мировой практики кластерного развития.

Развитие аграрных кластеров в России усложняют следующие факторы, которые представлены на рисунке 2.

Несмотря на проблемы и трудности, которые переживает Россия в последние годы экономических санкций, процесс кластеризации остается достаточно динамичным, дает надежду на успех. Анализировать сценарий процесса кластеризации в России за последние годы, следует учитывать, что этот важный компонент социально-экономического развития страны происходит за рамками Государственного бюджета РФ. В то же время мировая практика свидетельствует о том, что государственная поддержка кластерных инициатив, особенно на стартовом этапе формирования кластеров, дает большой экономический эффект и быструю окупаемость государственных расходов. Нет сомнения в том, что при поддержке власти и надлежащем финансовом обеспечении развитие инновационных кластеров в России приобретет нового ускорения [2].

В современных условиях экономическая устойчивость аграрной сферы возможно лишь на основе инновационного развития отраслей, внедрения энергосберегающей техники и технологии, активизации интеллектуальных ресурсов, оптимального сочетания рыночных механизмов и государственного регулирования экономики. Именно все эти факторы могут быть использованы в рамках кластерной формы развития интеграции в сфере аграрного производства. Нами предложена кластерная модель развития агропромышленного комплекса (рисунок 3), принципы которой позволят усилить синергетический эффект от присутствия подобных предприятий не только тех, которые берут участие в основном технологической цепочке, а и тех, что обслуживают основные предприятия [6].

Выводы

Результаты первых лет функционирования кластерных образований в регионе свидетельствуют о значительном потенциале данного вида сотрудничества, однако, как показывает опыт, реализовывать имеющиеся возможности очень сложно, поскольку развития кластерных объединений мешает ряд объективных системных сдерживающих факторов. Именно объединение предприятий и организаций в кластерные системы наилучшим образом способствует росту деловой активности предпринимательских структур и преодолению вышеназванных негативных факторов, тормозящих развитие российской экономики. Координация действий и объединение усилий государственных органов, образовательных и научных организаций, малого, среднего и крупного бизнеса является залогом успеха, усиления конкурентоспособности хозяйства, повышение жизненного уровня населения РФ в условиях жесткой конкуренции в международном разделении труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обзор рынка сельского хозяйства // Исследовательский центр «Делойт» в СНГ. — Москва, 2018. — URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/obzor-rynka-selskogo-hozyajstva.pdf>.
2. Huber F. "Do clusters really matter for innovation practices in Information Technology? Questioning the significance of technological knowledge spillovers", *Journal of Economic Geography*, doi:10.1093/jeg/lbq058.
3. Kowalski A. M. The Role of Innovative Clusters in the Process of Internationalization of Firms *Journal of Economics, Business and Management*, Vol. 2, No. 3, August 2014. DOI: [dx.doi.org/10.7763/JOEBM.2014.V2.121](https://doi.org/10.7763/JOEBM.2014.V2.121).
4. Ter Wal, Anne L.J. "Co-evolution of Firms, Industries and Networks in Space", *Regional Studies*. Jul2011, Vol. 45 Issue 7, p919–933. DOI: [dx.doi.org/10.1080/00343400802662658](https://doi.org/10.1080/00343400802662658).
5. Портер Майкл Э. Конкуренция / Э. Майкл Портер; [пер. с англ.]. — М.: Издательский центр «Вильямс», 2005. — 608 с.
6. Войнаренко М. П. Кластеры в институциональной экономике / М. П. Войнаренко. — СПб.: АНО «ИПЭВ», 2013. — С. 154.
7. Lindqvist G. Organising clusters for innovation: lessons from city regions in Europe. Clusnet final report, 2011 // Lindqvist G., Sölvell Ö. [Electronic resource] / Procedure of access: http://www.clusnet.eu/fileadmin/user_upload/fichiers/documents/CLUSNET_Final_Report.PDF.

© Миндлин Юрий Борисович (mindliny@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени им. К.И. Скрябина

ЛЕСНОЙ СЕКТОР РОССИИ: ОТ «СТРАТЕГИИ-2020» К «СТРАТЕГИИ-2030»

FOREST SECTOR OF RUSSIA: FROM "STRATEGY-2020" TO "STRATEGY-2030"

N. Pryadilina

Summary. On September 14, 2018, the Government of the Russian Federation approved the "Strategy for the Development of the Forest Complex of the Russian Federation until 2030" (hereinafter "Strategy-2030") — the main planning document that should determine the vector of development of the Russian forest sector for many years to come. Until that moment, the Strategy for the Development of the Forest Complex of the Russian Federation for the Period up to 2020 (hereinafter referred to as the Strategy 2020) officially worked out on the eve of the financial crisis of 2008–2010, when high growth rates were inherent in all sectors of the economy, including the forest sector, and which were prolonged for the future without taking into account the uncertainties and risks that accompany economic development in the context of its globalization. Without approval of the "Strategy-2020" by the Government of the Russian Federation, it was not claimed as a strategic plan for the development of the forest sector. In this article, the author attempts to analyze whether the new strategy will become another plan on paper or it will be a really working long-term forest planning document.

Keywords: strategy, forestry sector, forestry, forest planning, demand, sectoral priorities, regional priorities.

Прядилина Наталья Константиновна

*К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Уральский государственный лесотехнический университет» (г. Екатеринбург)
Lotos_nk@inbox.ru*

Аннотация. 14 сентября 2018 года Правительством РФ утверждена «Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года» (далее «Стратегия-2030») — основной документ планирования, который должен на много лет вперед определять вектор развития российского лесного сектора. До этого момента официально действовала «Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации на период до 2020» (далее «Стратегия-2020»), разработанная в преддверии финансового кризиса 2008–2010 гг, когда всем отраслям экономики, включая лесной сектор, были присущи высокие темпы роста и которые были пролонгированы на будущее без учета тех неопределенностей и рисков, которые сопутствуют развитию экономики в условиях ее глобализации. Без утверждения «Стратегии-2020» Правительством Российской Федерации она осталась не востребована в качестве стратегического плана развития лесного сектора. В данной статье автором предпринята попытка проанализировать: станет ли новая стратегия очередным планом на «бумаге» или это будет действительно работающий документ долгосрочного лесного планирования. Ключевые слова: стратегия, лесной сектор, лесное хозяйство, лесное планирование, спрос, отраслевые приоритеты, региональные приоритеты.

Ключевые слова: стратегия, лесной сектор, лесное хозяйство, лесное планирование, спрос, отраслевые приоритеты, региональные приоритеты.

После развала СССР и вплоть до 1999 года российский лесной сектор находился в тяжелейшем структурном и финансовом кризисе, следствием которого стало падение объемов производства во всех отраслях. Возможности государства управлять лесным сектором, в том числе и через механизм планирования, сократились из-за проведенной приватизации предприятий лесной промышленности. В сфере государственного управления осталось только лесное хозяйство, материальную базу которого составляли земли лесного фонда, объявленные федеральной собственностью Лесным кодексом 1997 года [1], и лесхозы в статусе государственных учреждений.

Осуществленный в 1998 году дефолт национальной финансовой системы создал благоприятные условия для развития отраслей лесного сектора, имеющих экспортную ориентацию. С этого времени вплоть до финансового кризиса 2008–2010 гг. для всех отраслей лесного сектора были характерны высокие темпы роста объемов

производства, соразмерные с темпами роста валового внутреннего продукта [2].

Перед лесной промышленностью и лесным хозяйством открывались возможности для перевода их развития на прогнозируемую основу с определением целей, приоритетов и управленческих решений, превращающих отрасли лесной промышленности в высокодоходный сектор экономики. Именно эти обстоятельства инициировали процесс подготовки и утверждения документа стратегического планирования под названием «Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации на период до 2020» [3] («Стратегия-2020»).

Основные недостатки «Стратегии-2020»

«Стратегия-2020», утвержденная приказами двух Министерств: Министерства сельского хозяйства, в подчинении которого на тот момент времени находилось лесное

хозяйство, и Министерства промышленности и торговли, без утверждения Правительством Российской Федерации, перешла в разряд тех документов, требования, к исполнению которых носят рекомендательный, а не обязательный характер. Отсутствие утверждения документа на уровне Правительства РФ означало, в первую очередь, устранение государства от ответственности за финансовую поддержку прямого выделения финансовых средств или создания условий, стимулирующих спрос на лесопroduкцию на внутреннем рынке.

В «Стратегии-2020» без должного обоснования были пролоббированы приоритеты развития целлюлозно-бумажной промышленности без учета ее сырьевого обеспечения и конкурентоспособности продукции на внутреннем и экспортном рынках (тем не менее, за годы действия «Стратегии-2020» не было построено ни одного целлюлозно-бумажного завода) [4].

После структурного и финансового кризиса 2008–2010 гг «Стратегия –2020» потеряла свое главное назначение — создание ресурсообеспеченных ориентиров для инновационного развития отраслей лесного сектора. Объемные показатели развития лесного сектора, установленные без учета глобальных процессов в сфере производства и потребления лесопroduкции, не прошли проверку их достоверности и обоснованности финансовым кризисом и оказались по ряду позиций со значительными отклонениями от фактически достигнутых. Несмотря на это никаких изменений в содержание «Стратегии-2020» внесено не было, и она осталась планом «на бумаге», без каких-либо обязательств со стороны органов государственной власти и бизнеса его выполнять.

С 2013 года ее действие было практически прекращено введением в практику долгосрочного планирования двух документов, утвержденных Правительством РФ: Основ государственной политики в сфере использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов до 2030 года [5] и Государственной программы развития лесного хозяйства Российской Федерации на 2013–2020 гг [6].

«Стратегия-2020» не соответствовала целям и приоритетным задачам Основ, принятых после ее утверждения. А из всего перечня показателей, предусмотренных в «Стратегии-2020» и Государственной программы развития лесного хозяйства Российской Федерации на 2013–2020 гг., значения совпадали лишь по одному показателю — доле инновационных разработок в общем объеме финансирования лесных научных исследований. Еще менее тесная связь отмечена у «Стратегии-2020» с государственными программами смежных отраслей.

В условиях антироссийских санкций изменились рыночные условия, но «Стратегия-2020» не актуализирова-

лась в части вопросов, касающихся импортозамещения в лесном секторе. При этом очевидно, что непременно надо было внести поправки в прогнозы по объемам как экспорта, так и импорта лесной продукции.

Анализ реализации «Стратегии-2020» выявил необходимость мониторинга и профессионального анализа спроса на лесопroduкцию на внутреннем и внешнем рынках и принятие решений по оптимальному размещению вновь вводимых мощностей в лесном секторе; обязательность участия государства в инвестиционных программах с приоритетом развития социальной и транспортной инфраструктуры; необходимость установки экономических и финансовых мер поддержки развития отдельных отраслей лесного сектора; важность контроля за выполнением показателей развития лесного сектора, содержащихся в документах стратегического планирования на федеральном и региональном уровнях.

Анализ «Стратегии-2030»

Частично ошибки «Стратегии-2020» были учтены при подготовке нового стратегического документа «Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года» [7] (далее «Стратегия-2030»). При этом был сохранен принцип необходимости разработки единой стратегии, включающей лесное хозяйство и лесную промышленность.

В названии «Стратегии-2030» корректно было бы заменить название «лесной комплекс» на «лесной сектор». Название «лесной комплекс» применительно к совокупности отраслей лесной промышленности и лесного хозяйства дано Госпланом СССР в начале 60-х годов прошлого века. Данное название выдавало желаемое за действительное, так как никакой комплексности или сбалансированности в развитии отраслей достигнуто не было, как нет этой комплексности, к сожалению, и в настоящее время [4].

Цели «Стратегии-2030», в общем и целом, увязаны с целями Основ государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в РФ на период до 2030 года.

«Стратегия-2030» предусматривает три возможных сценария развития лесного сектора: «инерционный», «базовый» и «стратегический». Первый сценарий возможен только при сохранении тенденций роста, наблюдавшихся в последние годы в российской лесной промышленности, при этом два других сценария выглядят не вполне реалистичными.

Документ учитывает особенности развития лесного сектора в разных регионах страны, касающиеся ле-

соустройства, государственной инвентаризации лесов (ГИЛ), восстановления Авиалесохраны, реализации модели интенсификации лесопользования и воспроизводства лесов, совершенствования федерального лесного надзора. Предусматривает экономическую отдачу лесного хозяйства за счёт оптимального подхода к ценообразованию на ресурсы, стимулирования комплексного использования сырья, выпуска продукции с высокой добавленной стоимостью.

Следуя предлагаемым в «Стратегии-2030» мероприятиям, планируется к 2030 году увеличить вклад лесного сектора в экономику страны. Основные направления — развитие ориентированного на экспорт производства целлюлозы, рост выпуска тарного картона и санитарно-гигиенических изделий для внутреннего рынка, а также развитие ориентированного примерно в равной степени на внутренний рынок и на экспорт производства пиломатериалов, фанерно-плитных производств, мебели, деревянного домостроения.

В результате реализации «Стратегии-2030» к 2030 году ожидается, что прирост добавленной стоимости, создаваемой предприятиями сектора, составит 676 млрд. руб. в постоянных ценах, вклад лесного сектора в ВВП вырастет с 0,5% до 1,0%. Численность персонала, занятого в лесном секторе, вырастет с 500 до 820 тыс. чел. Налоговые поступления в бюджет вырастут с 91 до 189 млрд. руб (в постоянных ценах).

Для преодоления стоящих перед лесным сектором вызовов и достижения целевого состояния развития лесного сектора до 2030 года будут реализованы стратегические инициативы по следующим направлениям: поддержка проектов развития перерабатывающих производств; стимулирование спроса и развитие рынков сбыта; обеспечение доступности существующей сырьевой базы; развитие кадрового, технологического и научного потенциала.

Большой раздел «Стратегии-2030» посвящен лесному хозяйству, но в нем нет практически ничего важного и конкретного, может быть за исключением момента фиксирующего передачу полномочий по лесоустройству с регионального на федеральный уровень. Мнения специалистов, по поводу происходящих в организации лесоустройства перемен расходятся — одни считают, что перевод его на федеральные рельсы улучшит ситуацию в лесном секторе, другие, видят в изменениях новые удобные схемы для коррупции.

Дальнейшее развитие информатизации в лесном хозяйстве, согласно «Стратегии-2030» должно идти по созданию новых всеобъемлющих отраслевых информационных систем ориентированных в первую очередь

на поддержку и удовлетворение не хозяйственников и гражданского общества, а должностных лиц органов управления лесами [8].

Так, «основным направлением развития лесного хозяйства должно стать создание информационной системы как единой платформы для обеспечения информационно-аналитической поддержки деятельности должностных лиц в области лесных отношений» [7].

Ориентация на потребности рынков в будущем и анализ трендов — принципиальное отличие «Стратегии-2030» от «Стратегии-2020». Тем не менее, при разработке «Стратегии-2030», так же как и при подготовке «Стратегии-2020» не предшествовало выполнение научных работ, обеспечивающих получение достоверной информации по следующим направлениям:

- ◆ оценка спроса на все виды продукции на внутреннем и экспортном рынках с его моделированием в зависимости от комплекса экономических и социальных факторов;
- ◆ установление укрупненных нормативов инвестиционных ресурсов, материальных, энергетических и трудовых затрат в зависимости от различных факторов;
- ◆ проведение расчетов по оптимизации структур лесного сектора в разрезе регионов, которые должны предшествовать рекомендациям по размещению отраслей и производств.

В настоящее время в ведении министерств и ведомств, отвечающих за перспективное планирование в лесном секторе на федеральном и региональном уровнях, отсутствуют научные организации, располагающие достаточным научным потенциалом для проведения на постоянной основе крупномасштабных экономических исследований в области текущего и перспективного планирования. Вместо системной организации научно-исследовательской деятельности на данном направлении практикуется «авральная» работа наспех созданных групп специалистов, состоящих преимущественно из чиновников, обеспечивающая выполнение поручений вышестоящих органов в минимально возможные сроки.

Для создания методологии перспективного лесного планирования необходимо привлечение высококвалифицированных специалистов, располагающих знаниями в области лесной экономики и лесного менеджмента.

Для того чтобы мероприятия в документах стратегического планирования были выполнены с ожидаемой эффективностью, лесное законодательство должно поддерживать нормы, обеспечивающие достижение запланированных экономических результатов. Это означает,

что создание нового лесного законодательства должно было предшествовать разработке и утверждению документов стратегического планирования.

В «Стратегии-2030» достаточно подробно проанализированы проблемы лесного сектора, при этом, несмотря на признание ряда проблем, «Стратегия-2030» не предлагает конкретных и действенных решений этих проблем. При этом базовая отрасль лесной промышленности — лесозаготовительная — была включена только в последнюю редакцию «Стратегии-2030», а анализ проблем и предложения по их устранению в этой отрасли отсутствуют.

В «Стратегии-2030» отсутствуют предложения по восстановлению практически полностью разрушенной лесной науки, а также предложения по восстановлению отечественного лесного машиностроения.

У «Стратегии-2020» был весомый козырь в виде механизма приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов, которое Правительство России приняло в 2007 году [9]. В «Стратегии-2030», как один из механизмов предложен кластерный подход в лесном секторе. Предполагается, что кластеры первой очереди (до 2025 года) начнут формироваться в Красноярском крае, Вологодской области и Хабаровском крае. Во вторую (2025–2030 годы) войдут кластеры в Томской области, Свердловской области, Ханты-Мансийском автономном округе — Югре.

По мнению руководителя лесного отдела «Гринпис» А. Ярошенко: «Стратегия, как и многие такого рода документы в прошлом, предусматривает главным образом экстенсивное развитие лесного комплекса, связанное с освоением остатков диких лесов и накопленных в них запасов древесины. Это прямо следует из перечня регионов, которые авторы документа считают наиболее перспективными для развития так называемых лесопромышленных кластеров» [8].

«Стратегия-2030», также как и «Стратегия-2020» не имеет гарантированного обеспечения финансовыми средствами для ее реализации, большая часть средств заявлена без какой-либо договоренности с финансирующими организациями. В идеале объемы привлекаемых финансовых ресурсов должны были быть отражены в «Стратегии-2030» отдельно по бюджетным ассигнованиям и инвестициям частного бизнеса с распределением по годам.

В основу «Стратегии-2030», как и всех остальных существующих федеральных и региональных стратегий, планов и программ, заложен менеджмент, определяющий отношения государства в лице федеральных и реги-

ональных органов власти с частным бизнесом на основе монополии федеральной собственности на лесной фонд и государственно-частного партнерства через аренду лесных участков. Но, при стратегическом планировании нельзя ограничиваться одним вариантом при организации использования лесов, унифицируя отношения государства с частным бизнесом посредством типовых договоров аренды лесных участков. Для минимизации рисков и неопределенностей целесообразно формировать мероприятия на многовариантной основе, но при этом сценарии, должны различаться не только выходными (целевыми) показателями, но институциональной организацией лесного сектора (например, организация концессионного лесопользования).

В «Стратегии-2030» остались нерешенными вопросы, связанные с формированием условий для участия граждан в принятии решений в области лесных отношений, как это широко принято в успешных лесных странах, таких как Финляндия, Швеция, США и др. [10].

Положительным моментом «Стратегии-2030» является обозначение важности, в целях более точной оценки экономической эффективности использования лесов и создания механизмов экономического стимулирования лесопользования, подготовки и внедрения нового подхода к определению ставок платы, который бы отражал экономическую сущность рыночной цены лесных ресурсов, но опять же нет конкретных шагов в данном направлении.

Кроме того, по мнению автора, в документе должны были прозвучать и моменты о пересмотре существующей системы распределения лесного дохода между федеральным бюджетом и бюджетом субъектов Российской Федерации, которая в настоящее время не в полной мере стимулирует эффективное исполнение последними переданных полномочий по организации лесопользования.

Примечательно, что разработчики «Стратегии-2020» опирались на официальные данные Росстата, в то время как в «Стратегии-2030» приведены в основном независимые экспертные оценки. Это означает, что никому не известно истинное положение дел в секторе: каковы точное количество предприятий и работников лесного сектора, объем выпускаемой продукции, действительная доля лесного сектора в ВВП страны [11].

Фактически разработка «Стратегии-2030» основана на устаревшей информации о лесных ресурсах страны, то есть у нее отсутствует фундамент. Кроме того, средняя реальная давность лесоустройства по стране превышает 15–20 лет. То есть лесные планы субъектов, принятые в 2008 году сроком на десять лет, должны

были быть пересмотрены и скорректированы в конце 2018 года (по некоторым субъектам федерации это не сделано до сих пор). И здесь снова возникает расхождение: «Стратегия-2030» базируется на данных о лесных ресурсах из лесных планов субъектов РФ, принятых в 2008 году (в некоторых субъектах РФ позднее), а лесные планы должны были обновлены, в том числе в части актуализации информации о лесном фонде во второй половине 2018 года.

В «Стратегии — 2030» остались не установленными отраслевые (что делать?) и региональные (где делать?) приоритеты в развитии лесного сектора. Решение данных вопросов возможно только на федеральном уровне и не должно быть отнесено к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Разработка долгосрочной стратегии — неблагоприятное дело, сопровождающееся большим количеством рисков. Главные риски, которых, необходимо избежать со «Стратегией-2030» — это неувязка стратегии с принятием текущих решений и отсутствие ответственности за стратегию, как это получилось со «Стратегией-2020».

В случае со «Стратегией-2030» ответственность за подготовку в части лесопромышленного сектора взял на себя Минпромторг, а в части лесного хозяйства — Минприроды и экологии РФ в лице Рослесхоза. Мониторинг и контроль за ее реализацией будут вести оба ведомства, причем на основе данных Росстата. Минпромторг и Рослесхоз должны учитывать степень достижения запланированных результатов, сроки реализации, факторы, повлиявшие на ход реализации стратегии, оценивать целевое использование выделенных бюджетных средств, объемы привлеченного внебюджетного финансирования и вносить предложения о необходимости корректировки стратегии.

До первого июня каждого года Минпромторг и Рослесхоз должны будут готовить доклад о реализации «Стратегии-2030» и размещать его в интернете, а затем представлять в Министерство экономического развития РФ. И тут возникает два вопроса: хватит ли у ведомств ресурсов, чтобы вести эту работу, которая должна выполняться непрерывно, а не время от времени и не превратится ли это в формальную бюрократическую отчетность. «Стратегия-2030» в виде просто документа не решает ровным счетом ничего. Необходима постоянная законодотворческая работа над ней, периодическое переосмысление ее положений и корректировка. Учитывая все, что произошло с самими ведомствами за последние десять лет, может оказаться так, что мониторинг просто некому и незачем будет вести, как это случилось со «Стратегией-2020». Такие события, как и многое другое, предсказать невозможно. Но очевидно, что ни одна

стратегия не может быть реализована, если не будет лидера, персонально отвечающего за ее исполнение [11].

К сожалению, в «Стратегии-2030» не даются рекомендации по совершенствованию системы управления лесным сектором. Сегодня вопросы, связанные с лесным сектором, рассматриваются в нескольких ведомствах — ими занимаются и в Минприроды и экологии РФ (Рослесхоз), и в Минэкономразвития, и в Минпромторге — получается что «у семи нянек дитя без глазу». Целесообразным представляется объединение лесных функций и полномочий Рослесхоза, Минпромторга (Минэкономразвития) в отдельный полноценный орган исполнительной власти.

Целесообразно было бы также на базе сохранившихся научных учреждений, проектных организаций, организаций, выполняющих лесоучетные работы создать специальное подразделение, координирующее деятельность по разработке документов перспективного и стратегического планирования с получением на эти цели бюджетного финансирования под выполнение государственного заказа. Работа данного подразделения должна быть организована на постоянной основе.

Заключение

Итак, по мнению автора, «Стратегия-2030» является достаточно стандартным — не прорывным документом, касающимся будущего российского лесного сектора. Подобных документов в разных секторах российской экономики за последние годы было принято предостаточно.

Недостатков при разработке «Стратегии-2030» также выявлено немало и основные из них обозначены в данной публикации. Автор считает, что главными упущениями при разработке «Стратегии-2030» стали три момента — во-первых, принятию новой стратегии не предшествовала замена лесного законодательства, в том числе, его важнейшего документа — Лесного кодекса Российской Федерации 2006 года [12], во-вторых, новая стратегия основана на устаревшей недостоверной информации о лесных ресурсах страны, и, в-третьих, в стратегии оказались так и не установлены отраслевые и региональные приоритеты в развитии лесного сектора, базирующиеся на использовании экономических критериев, которые должны противостоять принятию других решений под лоббистским давлением отдельных групп, представляющих частный бизнес и органы государственной власти на федеральном и региональном уровнях.

Исходя из вышесказанного, вряд ли стоит надеяться на то, что «Стратегия-2030» станет по-настоящему рабочим документом долгосрочного лесного планирования и полноценной основой для разработки программ и планов развития лесного сектора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лесной кодекс Российской Федерации от 29.01.1997 № 22-ФЗ (ред. от 24.07.2007) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13183/
2. Петров, А. П. Экономические отношения в лесном хозяйстве: из прошлого в будущее [Текст] / А. П. Петров: цикл лекций. — г. Пушкино, Московская область, ФАУ ДПО ВИПКЛХ. — 2016—98 с.
3. Приказ Минпромторга РФ № 248, Минсельхоза РФ № 482 от 31.10.2008 Об утверждении стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99108/
4. Петров А.П., Прядилина Н.К Лесное планирование: уроки стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2020 года// Экономика и предпринимательство. 2018. № 3 (92). С. 163–168.
5. Распоряжение Правительства РФ от 26 сентября 2013 г. № 1724-р Об основах государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в РФ на период до 2030 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70361820/>
6. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. N318 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие лесного хозяйства» на 2013–2020 годы» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/70644228/>
7. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2018 N1989-р (ред. от 28.02.2019) Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_307428/
8. А. Ярошенко Правительство утвердило стратегию развития лесного комплекса до 2030 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.forestforum.ru/viewtopic.php?t=22751>
9. Постановление Правительства РФ от 30.06.2007 N419 (ред. от 09.06.2014) «О приоритетных инвестиционных проектах в области освоения лесов» (вместе с «Положением о подготовке и утверждении перечня приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов») [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54126/
10. Прядилина Н.К Стратегическое лесное планирование: опыт зарубежных стран// Инновации и инвестиции. 2018. № 2. С. 71–75.
11. И. Новоселов Кому бросает вызов «Стратегия развития лесного комплекса России до 2030 года»? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://lesprominform.ru/jarticles.html?id=4813>
12. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 N200-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/

© Прядилина Наталья Константиновна (Lotos_nk@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Екатеринбург

МЕТОДИКИ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЮДЖЕТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ

METHODS OF FINANCIAL SUPPORT OF THE RUSSIAN BUDGET ORGANIZATIONS ACTIVITIES

T. Danilova

Summary. This article examines the problems of efficient use of budgetary funds, which is of particular importance when state resources are limited, and therefore the improvement of financial support for budgetary institutions is relevant and requires detailed study. The article used data and materials of Russian budget organizations in the aspect of the main methods of their financing. As a research method used the generalization, systematization and analysis of scientific and literary data and information about the Russian budget organizations. As a result of the research of the article, it is shown that the main form of financial support of budgetary institutions is budget financing, which is the provision of funds from the state (local) budget for non-repayable expenses related to the implementation of government orders, state programs, and maintenance of state organizations. It is noted that in order to improve state financial control and increase its efficiency, first of all, it is necessary to improve the theoretical base, namely, to define the essence of the budget offense, their specific list and the measure of responsibility of each of them, which will make it impossible to evade the responsible persons from punishment.

Keywords: budget institutions, science, standard costs, financing.

Данилова Татьяна Александровна
Аспирант, Новосибирский государственный университет
Экономики и управления «НИИХ» (НГУЭУ)
tanja.0312@yandex.ru

Аннотация. В приведённой статье изучается проблематика эффективности использования бюджетных средств, которая приобретает особое значение при ограниченности государственных ресурсов, ввиду чего совершенствование финансового обеспечения бюджетных учреждений является актуальным и требует детального изучения. В статье использованы данные и материалы российских бюджетных организаций в аспекте основных методов их финансирования. В качестве методов исследования использовали обобщение, систематизацию и анализ научных и литературных данных и сведения про российские бюджетные организации. В результате исследований статьи показано, что основной формой финансового обеспечения бюджетных учреждений выступает бюджетное финансирование, которое представляет собой предоставление в безвозвратном порядке средств из государственного (местного) бюджета на расходы, связанные с выполнением государственных заказов, государственных программ, содержание государственных организаций. Отмечается, что для совершенствования государственного финансового контроля и повышения его эффективности, в первую очередь, необходимо улучшить теоретическую базу, а именно законодательно определить сущность бюджетного правонарушения, их конкретный перечень и меру ответственности каждого из них, что сделает невозможным уклонение ответственных лиц от наказаний.

Ключевые слова: бюджетные учреждения, наука, нормативные затраты, финансирование.

Введение

Бюджетные учреждения являются: 1) юридическими лицами, которые предоставляют нематериальные услуги для удовлетворения социальных, культурных и других потребностей общества; 2) материальной гарантией реализации важнейших конституционных прав граждан (на образование, медицинское обслуживание, социальное обеспечение и тому подобное); 3) некоммерческими, то есть основной целью их деятельности является предоставление услуг населению страны, а не получение прибыли.

Именно поэтому возникает объективная необходимость повышения эффективности использования финансовых ресурсов, находящихся в распоряжении бюджетных учреждений. Кроме того, эффективность использования бюджетных средств приобретает особое значение при ограниченности государственных ресурсов, поэтому совершенствование финансового обеспе-

чения бюджетных учреждений является актуальным и требует детального изучения.

Кроме того, эффективность использования бюджетных средств приобретает особое значение при ограниченности государственных ресурсов, поэтому совершенствование финансового обеспечения бюджетных учреждений является актуальным и требует детального изучения.

Цель исследования статьи заключается в исследовании теоретической сущности процессов финансирования бюджетных учреждений, определении и сравнении современных форм и методов такого финансирования, и обосновании путей его совершенствования.

Обзор литературы

Проблемы финансового обеспечения бюджетных учреждений занимают должное место в трудах таких отечественных ученых, как Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский,

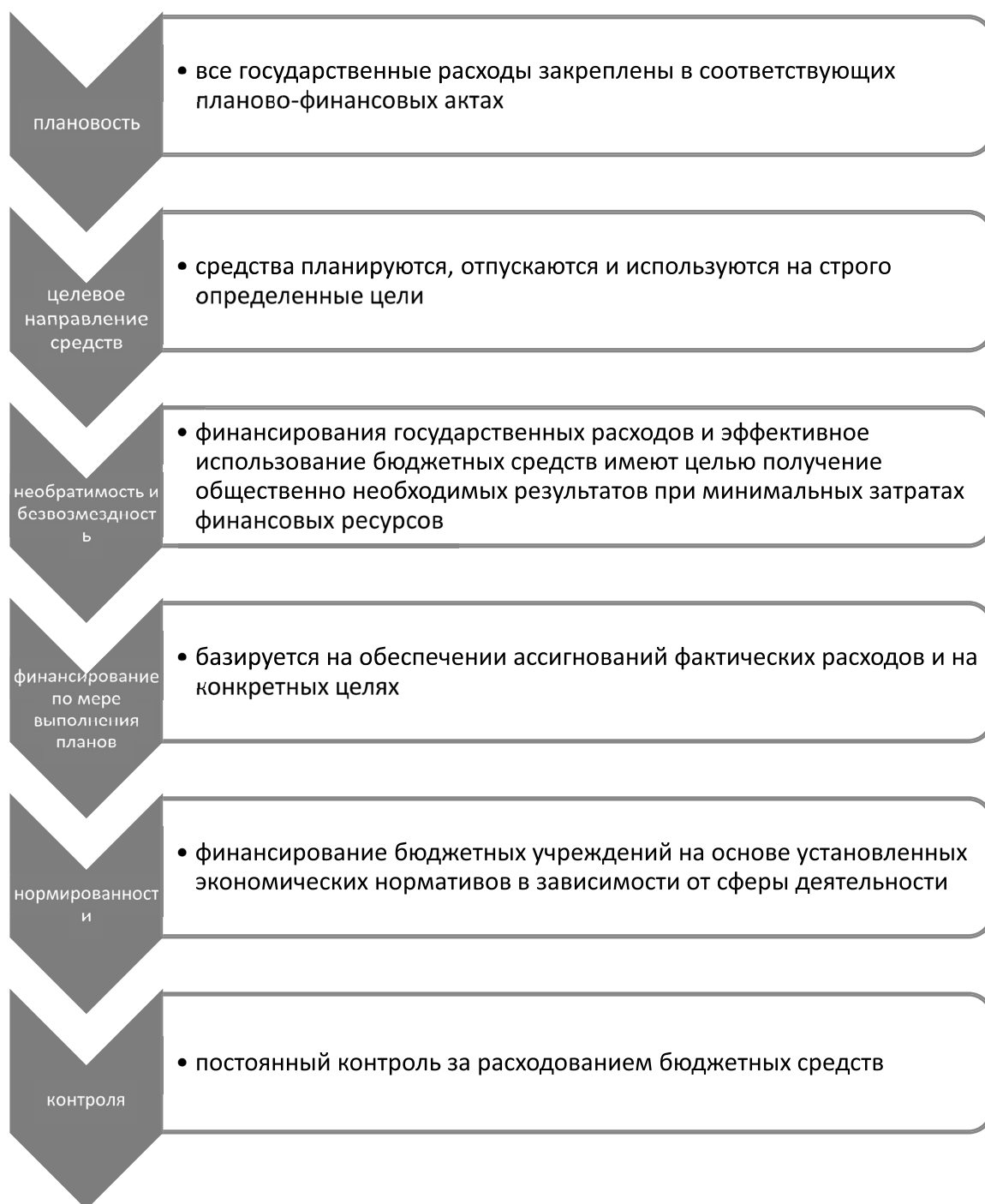

Рис. 1. Принципы бюджетного финансирования [8]

Е.Б. Стародубцева, А.А. Сарычева, Н.Ю. Титова, Т.А. Полещук, А.В. Тараскина, И.В. Чирикова и другие. Однако стоит заметить, что в современной финансовой литературе Российской Федерации вопросы финансирования бюджетных учреждений рассматривались учеными лишь по отдельным отраслям хозяйства с применением тех или иных форм и методов [9].

В целом, все еще недостаточно освещенными остаются вопросы реализации финансового механизма бюд-

жетных учреждений на современном этапе. Все вышеизложенное и обусловило выбор темы исследования, обозначило его цель и основные задачи.

Материалы и методы

В данном исследовании использованы данные и материалы российских бюджетных организаций в аспекте основных методов их финансирования. В качестве методов исследования использовали обобщение, систематизацию

Рис. 2. Формы бюджетного финансирования [8–11]

и анализ научных и литературных данных и сведения про российские бюджетные организации. В рамках исследования проблематики работы необходимо раскрыть теоретические аспекты бюджетного финансирования, рассмотреть особенности сметного финансирования и определить предложения по эффективному функционированию финансового механизма бюджетной сферы.

Результаты исследования

Согласно Бюджетному кодексу Российской Федерации бюджетные учреждения — это органы государственной власти, органы местного самоуправления, а также организации, созданные ими в установленном порядке, которые полностью содержатся за счет соответственно государственного бюджета или местного бюджета [1].

Е. Н. Ельцова отмечает, что финансирование бюджетных организаций осуществляется в трех формах:

- ◆ самофинансирование,
- ◆ кредитование,
- ◆ бюджетное финансирование [6].

В деятельности бюджетных учреждений чаще всего сочетаются такие формы финансового обеспечения [2–4]:

- ◆ бюджетное финансирование,
- ◆ самофинансирование,
- ◆ благотворительность и спонсорство.

Основной формой финансового обеспечения бюджетных учреждений в современной России выступает бюджетное финансирование [5–7].

Разделяя позицию ученых А.А. Сарычева, Н.Ю. Титова и Т.А. Полещук [12], можно сделать вывод, что бюджетное финансирование — это одна из форм финансового обеспечения, которая состоит в выделении средств на содержание учреждений, учреждений и организаций, выполнение определенных программ и реализацию определенных мероприятий из соответствующего бюджета.

Бюджетное финансирование как инструмент механизма исполнения бюджета, базируется на научных принципах, к которым относятся [12–13] — рис. 1:

Функционирование механизма бюджетного финансирования связано с использованием его различных форм и методов. В отечественной финансовой литературе выделяют такие формы бюджетного финансирования [14–15] — рис. 2.

Основной и самой распространённой формой бюджетного обеспечения является сметное финансирование, заключающееся в выделении бюджетных средств учреждениям социально-культурной сферы, обороны и управления в пределах их смет доходов и расходов. Процесс сметного финансирования осуществляется в результате объединения денежных средств, полученных из двух основных каналов. Первый — это денежные средства, полученные через механизм бюджетного финансирования, содержание которого заключается в одностороннем направлении бюджетных средств — от государства к субъектам хозяйствования. Объем этих средств отражается в общем фонде сметы бюджетного учреждения. Через второй канал поступают денежные средства, полученные в результате некоммерческой деятельности, осуществляемой бюджетным учреждением самостоятельно. В этом случае финансовые отношения возникают между бюджетным учреждением и хозяйствующими субъектами и физическими лицами, а полученные результаты отображаются в специальном фонде сметы.

Одним из дополнительных источников финансирования для бюджетных учреждений могут быть доходы от деятельности созданных на их базе специальных структурных подразделений, что предусмотрено Уставом. Примерами таких структур, например для учебных заведений, могут быть подсобные хозяйства (теплицы, в которых выращивается рассада овощей и цветов, зооуголок, где разводятся аквариумные рыбки) или учебно-производственные мастерские, в которых изготавливается мебель, инструменты, инвентарь, игрушки [5]. Однако, несмотря на то что бюджетным учреждениям предоставлено право самостоятельно привлекать денежные средства, финансовая автономия бюджетных учреждений является относи-

тельной. Таким образом, эффективное функционирование бюджетных учреждений возможно лишь при условии четко налаженного финансового механизма [7].

Обсуждение полученных результатов

Для совершенствования государственного финансового контроля и повышения его эффективности, в первую очередь, необходимо улучшить теоретическую базу, а именно законодательно определить сущность бюджетного правонарушения, их конкретный перечень и меру ответственности каждого из них, что сделает невозможным уклонение ответственных лиц от наказаний. Также во избежание дублирования функций органами государственного финансового контроля необходимо четко распределить их задачи и функции. С целью предупреждения нарушений в деятельности бюджетных учреждений необходимо больше уделить внимание предыдущему контролю. Кроме того, качественному контролю за формированием доходов и расходов бюджетных учреждений, обеспечению эффективности использования финансирования и экономии денежных и материальных ресурсов будет способствовать внедрение автоматизированной системы учета с использованием современных программных продуктов.

Выводы

- ♦ В современных реалиях денежные средства, необходимые для осуществления сметного финансирования, мобилизуются из многих источников финансирования и поступают через два основных механизма: бюджетное и внебюджетное финансирование, позже они объединяются и расходуются на общую цель — удовлетворение общественных потребностей.
- ♦ Отсутствует единая позиция относительно наиболее эффективных форм и методов финансирования бюджетных учреждений, недостаточно исследованными являются вопросы реформирования законодательного регулирования бюджетного финансирования в условиях рыночной экономики.
- ♦ Среди современных форм бюджетного финансирования наиболее распространенной является сметное финансирование, предусматривающее выделение бюджетных средств учреждениям в пределах их смет доходов и расходов. Составляющими сметы является общий и специальный фонд. В общем фонде отражаются ассигнования из бюджета, которых в основном хватает на текущие расходы.

Рекомендации

Необходимым направлением деятельности бюджетных учреждений должно стать привлечение собственных средств, то есть пополнение специального фонда. Источниками для этого могут быть доходы от деятельности созданных на их базе специальных структурных подразделений, ввод в эксплуатацию имеющихся помещений и привлечение спонсорской помощи. Кроме пополнения специального фонда финансовое обеспечение бюджетных учреждений можно улучшить путем предот-

ращения злоупотреблений с имеющимися финансовыми ресурсами, а для этого нуждается в совершенствовании контроль за их формированием и использованием.

Стоит дать возможность бюджетным учреждениям в отдельных сферах экономики не только самостоятельно привлекать дополнительные финансовые ресурсы, но и тратить их исходя из собственных потребностей, что может стать стимулом для их развития и даже возникновения конкуренции за право реализовывать собственные товары или услуги на рынке.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.11.2018).
2. Официальный сайт для размещения информации о государственных (муниципальных) учреждениях [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bus.gov.ru> (дата обращения: 13.12.2018).
3. Анализ хозяйственной деятельности бюджетных организаций: учеб. пособие / Д. А. Панков, Е. А. Головкова, Л. В. Пашковская и др. — М.: Новое знание, 2003. — 409 с.
4. Антипов А. Ю. Структура бюджета муниципального образования. — М.: Лаборатория книги, 2012. — 127 с.
5. Ежакова Е. Н., Илюшин В. Е. К вопросу о финансировании бюджетных учреждений // Ученые записки Тамбовского отделения РoСМУ. — 2015. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-finansirovanii-byudzhethnyh-uchrezhdeniy> (дата обращения: 13.12.2018).
6. Ельцова Е. Н. Финансовые проблемы государственных предприятий Российской Федерации в современных условиях // Экономика и современный менеджмент: теория и практика: сб. ст. по матер. XXXVI междунар. науч.-практ. конф. — № 4(36). Часть II. — Новосибирск: СибАК, 2014.
7. Калущая Н. А. Особенности финансирования бюджетных учреждений культуры // Молодой ученый. — 2013. — № 6. — С. 344–348. — URL <https://moluch.ru/archive/53/7101/> (дата обращения: 13.12.2018). — 2013. — № 6. — С. 344–348. — URL <https://moluch.ru/archive/53/7101/> (дата обращения: 13.12.2018).
8. Маркина Е. В. Развитие финансового механизма функционирования бюджетных учреждений // Финансы: Теория и Практика. — 2014. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-finansovogo-mehanizma-funktsionirovaniya-byudzhethnyh-uchrezhdeniy> (дата обращения: 13.12.2018).
9. Маслова Т. С. Теоретические аспекты организации и методики бухгалтерского учета в бюджетных учреждениях // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. — 2014. — № 6. — С. 25–26.
10. Муравьев Р. В. Методология финансового обеспечения деятельности федеральных государственных бюджетных учреждений // Вестник ГУУ. — 2017. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-finansovogo-obespecheniya-deyatelnosti-federalnyh-gosudarstvennyh-byudzhethnyh-uchrezhdeniy> (дата обращения: 13.12.2018).
11. Орлов С. Н., Смирных К. С. Технологические инновации в государственном секторе финансовой системы // Финансовая аналитика: проблемы и решения. — 2017. — № 10 (340). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologicheskie-innovatsii-v-gosudarstvennom-sektore-finansovoy-sistemy> (дата обращения: 16.12.2018).
12. Сарычева А. А., Титова Н. Ю., Полещук Т. А. Анализ финансирования деятельности бюджетных учреждений // АНИ: экономика и управление. — 2018. — № 2 (23). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-finansirovaniya-deyatelnosti-byudzhethnyh-uchrezhdeniy> (дата обращения: 13.12.2018).
13. Сергеева Ю. А. Организация бухгалтерского учета и анализ деятельности бюджетных учреждений // Современные научные исследования и инновации. — 2014. — № 11. — Ч. 2. [Электронный ресурс]. — URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/11/40860> (дата обращения: 25.12.2018).
14. Сергушина Е. С. Направления совершенствования бухгалтерской отчетности и анализа ее показателей / Е. С. Сергушина, А. А. Малыйкина // Новая наука: Стратегии и векторы развития. — 2016. — № 4. — С. 188–190.
15. Тараскина А. В., Чирикова И. В. Развитие методики анализа деятельности бюджетных учреждений как инструмент повышения эффективности управления государственными финансами // Экономический анализ: теория и практика. — 2010. — № 28. — С. 23–33.

© Данилова Татьяна Александровна (tanja.0312@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

БЮДЖЕТНЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ И ЕГО МЕСТО В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

FISCAL FEDERALISM AND ITS PLACE IN THE RUSSIAN ECONOMY

V. Koskova

Summary. The article discusses the theoretical views on federalism and gives the author's definition of this concept, the analysis of the main features of federalism allow us to conclude that it is embodied in a new form of "power federalism". The essence of fiscal federalism and the existing model of fiscal federalism inherent in our economy are revealed. The views of Russian economists on the development of the theory of fiscal federalism and its implementation are given.

Keywords: federalism, budget federalism, model of budget federalism.

Коскова Вероника Сергеевна

Аспирант, Уральский государственный экономический университет
koskova@66.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические взгляды на федерализм и дается авторское определение этого понятия, анализ проявления основных черт федерализма позволяют сделать вывод о том, что он воплотился в новой форме «властный федерализм». Раскрывается сущность бюджетного федерализма и существующая модель бюджетного федерализма присущая нашей экономике. Даются взгляды российских экономистов на развитие теории бюджетного федерализма и воплощении ее в жизнь.

Ключевые слова: федерализм, бюджетный федерализм, модель бюджетного федерализма.

Бюджетный федерализм положенный в основу развития нашей экономики обусловлен наличием ряда проблем: неравномерностью развития регионов, огромной территорией, многонациональностью и многоконфессиональностью проживающих на территории народов, различием уровней доходов и социальных благ предоставляемых государством и международными: применении санкционной политики в отношении к нашей стране, введении ограничений в получении кредитов и приобретении передовых технологий ставит в невыгодное положение экономику нашего государства в экономическом соревновании с ведущими экономиками мира.

Целью статьи является обоснование концептуальных основ бюджетного федерализма для осуществления эффективного управления экономикой страны, формировании жизнеспособной, реально действующей в экономике модели федерализма наполненной новым содержанием.

Эволюционное воплощение экономических реформ в современной России, направленных на самостоятельность региональных и местных бюджетов, поднимают проблемы взаимосвязи уровней власти и управления, обусловленные возрастанием роли краеугольной основы нашего государства — федерализма.

Федерализм — как особая форма государственного устройства в виде «федеративного государства» сложилась в конце 18 века. Большинство государств сформировались как союзы, вместе с тем, каждое государство имело свое кардинальное различие в территориаль-

ном, экономическом и этническом отношениях. Реальная потребность теоретического осмысления проблем федерализма возникла при образовании США. Предложенная американскими учеными Д. Джейм А. Гамильтоном Д. Мэдисоном идея федерализма, представленная серией статей в ряде газет, легла в основу знаменитого «Федералист», идеи которого законодательно закреплены в Конституции США. Они рассматривали федеративное государство, как сложное государственное образование в основе которого заложена двухуровневая структура и обоюдное невмешательство в сферы полномочий как федерального центра, так и субъекта федерации [1]. Концепция федерализма стала основополагающей для глубокого изучения ее сущности, принципов и понятия.

В месте с тем, емкого понятия «федерализм» нет ни в российской, ни в западной экономической науке. Критерии характеризующие понятие «федерализм»: конституционно-правовое закрепление государственного устройства и субъектного состава федерации; разграничение компетенции и полномочий различных уровней публичной власти; порядок формирования верхней палаты парламента и ее реальное влияние на законодательный процесс; участие субъектов федерации в законодательных реформах и т.д. в самом широком смысле представляющую его как идеологию подлинно самоуправляющегося общества, альтернативой к любой централизованной власти.

По нашему мнению, выделение основных критериев, характеризующих «федерализм», позволяет сформулировать основное понятие. Федерализм — это особая

двухуровневая система государственной власти, при которой несколькими государственными или территориальными образованиями создается государство, участники которого, обладают определенной политической самостоятельностью в разграничении предметов ведения и полномочий между различными уровнями власти в федеративном государстве. Предложенное нами определение наиболее емко отражает саму сущность федерализма.

Принцип федерализма находит свое законодательное закрепление в Конституции Российской Федерации. На основании Главы 1 ст. 1 «Российская Федерация есть демократическое федеративное правовое государство» [2].

Особенностью Российской Федерации является разделение власти по «вертикали» и «горизонтали».

Публичная власть по «вертикали» делится на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Соответственно и по «горизонтали» — на три уровня: федеральный уровень власти с федеральными органами государственной власти; региональный уровень власти с органами государственной власти субъектов Российской Федерации; местный уровень власти с органами местного самоуправления.

Федеральный и региональный уровни власти относятся к государственной власти. Местный уровень власти не входит в государственную власть.

Исходя из этого, важнейшим отличительным признаком современного российского федерализма является система государственной власти двух уровней — власть федерации и власть субъекта федерации.

В соответствии с частью 2 статьи 77 Конституция Российской Федерации [2] федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти в Российской Федерации в пределах ведения Российской Федерации исполнительной власти субъектов Российской Федерации образуют единую систему исполнения полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Глубокий анализ сущности федерализма позволил Радионовой В. М. Аветисяну И. А. рассматривать федерализм как «... органическое сочетание экономических финансовых и других интересов всего государства с интересами отдельных его частей, обеспечения единства и целостности страны при соблюдении самостоятельности территорий в решении вопросов включенных в их компетенцию» [3;4].

Вместе с тем, федерализм в Российской Федерации приобрел особую форму связанную с усилением роли государственного управления во всех звеньях: федерации, субъектах федерации, муниципальных образованиях. Создание институтов федеральных округов, введение Полномочных представителей Президента России в семи округах, утверждение глав субъектов федерации региональными органами власти, а затем и выборность их, возможность досрочного освобождения от должности глав субъектов федерации, усиление роли региональных парламентов, реформа местного самоуправления выводят российскую модель федерализма на новый уровень. Современные тенденции развивающиеся в бюджетной системе, налоговой политике, отношении к собственности и финансовым ресурсам не могут отменить того, что экономические и социальные процессы связанные с рыночным развитием и санкционной политикой ряда государств требуют усиления централизации единству многих функций государства. Вместе с тем, федерализм не должен противоречить законодательной и исполнительной власти в Российской Федерации, а должен основываться на этом единстве, на жесткой «вертикали» исполнительной власти, деятельности судебных и правоохранительных органов. Построение четкой вертикали власти в определенной степени ограничивают федерализм, который на современном этапе развития нашего государства проявляется в новом понятии как «властный федерализм».

Таким образом, государственное устройство основанное на проверенных временем принципах федерализма представляет собой базис для формирования бюджетного федерализма в экономике, который создает принципиально новую систему бюджетного устройства федеративного государства.

Бюджетный кодекс Российской Федерации определяет «бюджетный федерализм» как «отношения возникающие между субъектами бюджетных правоотношений в процессе формирования доходов и осуществлении расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, осуществления государственного и муниципального заимствования, регулирования государственного и муниципального долга, ...в процессе составления и рассмотрения проектов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, утверждения и исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, контроля за их исполнением, осуществление бюджетного учета, составление, рассмотрение и утверждение бюджетной отчетности» [5].

Американские экономисты впервые сформулировав фискальный федерализм как понятие подразумевали под ним автономность функционирования бюджетов отдельных уровней власти, в последующем современные

ученые видели бюджетный федерализм в федеративном устройстве государства, а экономические причины усматривали в необходимости обеспечения производства общественных благ или же потребностями обеспечения властей разного уровня необходимыми финансовыми ресурсами для выполнения ими их функций на должном уровне.

Определяющим элементом в понятии «бюджетный федерализм» выступает единство интересов и достаточный уровень самостоятельности территориальных бюджетов. Это обусловлено рядом причин: во-первых, единством целей и интересов различных уровней власти, во-вторых, глубочайшей ответственностью региональных и местных органов власти за сбалансированность бюджетов и бюджетную обеспеченность, в-третьих, созданием федеральными органами власти необходимых предпосылок для формирования условий в реализации принципов бюджетного федерализма и организации межбюджетных отношений.

Анализ сущности бюджетного федерализма позволил А. Лаврову выделить ряд принципов присущих ему:

- ◆ независимость и самостоятельность бюджетов разных уровней;
- ◆ законодательное разграничение бюджетной ответственности и расходных полномочий между федеральными региональными и местными органами власти и управления;
- ◆ соответствие финансовых ресурсов органов власти и управления выполняемым ими функциям (обеспечение вертикального и горизонтального выравнивания доходов нижестоящих бюджетов);
- ◆ применение научных методов регулирования межбюджетных отношений и предоставление финансовой помощи;
- ◆ наличие специальных средств предотвращения и разрешения разногласий между различными уровнями власти и управления [6].

На основании этого основными экономическими инструментами бюджетного федерализма выступают: — закрепление налоговых и других источников формирования бюджетов за властями различного уровня;

- ◆ разграничение расходных полномочий; — формирование и управление межбюджетными потоками.

Анализируя феномен бюджетного федерализма ученые — экономисты И. Аветисян, А. Игудин, А. Лавров, И. Подпорина, В. Птицын, М. Печенская и др. формулируют определение «бюджетному федерализму» как «... особой форме бюджетного устройства в федеративном государстве предполагающая участие всех звеньев бюджетной системы в равной степени в едином бюджетном

процессе, ориентированном и на учете общегосударственных интересов и на реализацию интересов субъектов федерации и муниципальных образований» [4; 7; 8; 9; 10; 11].

Опыт развития цивилизованных стран выделяет несколько моделей бюджетного федерализма, при этом идеальной модели так и не найдено, что связано со спецификой той или иной особенностью развития ряда стран. Авторы, рассматривая те или иные грани бюджетного процесса основываясь на межбюджетных отношениях, выделяют такие понятия как «конкурентный федерализм», «фискальный федерализм», «экономический федерализм», «налогово-бюджетный федерализм». По нашему мнению, дискуссию по используемым понятиям подвели Э. Пешина и А. Стрекалова которые глубоко проанализировав понятие «фискальный федерализм» и «бюджетный федерализм» выявили ряд закономерностей, которые могут свидетельствовать о синонимии данных понятий [12].

Кооперативная модель присущая российскому бюджетному федерализму характеризуется единством интересов федерального центра и регионов, но в отличие от централизованной модели предоставляет регионам значительно больше свобод в формировании и исполнении бюджетов нижестоящего уровня власти. Кроме того, кооперативная модель отличается усилением контроля центрального правительства за бюджетной деятельностью регионов, их долговой политикой, а так же уровнем социально-экономического развития территорий. Стройная система вертикального и горизонтального выравнивания бюджетов, присущая этому методу, способствует оптимизации распределения бюджетных полномочий между различными уровнями власти и уровня потребления государственных услуг по регионам страны.

Бюджетный федерализм в России, в какой то степени, в своем развитии пытается соответствовать мировой практике, что находит свое выражение: — в непосредственном участии всех уровней власти в формировании и утверждении бюджетов всех уровней; — законодательным закреплением налогов за каждым уровнем власти; — передачей полномочий на более низкий уровень бюджетов; — дополнением местных ставок к федеральным и территориальным налогам; — возрастанием ответственности центра за состоянием региональных финансов; — наличием ограничений самостоятельности региональных властей в вопросах внешних заимствований; — присутствием развитого механизма перераспределения денежных средств между уровнями бюджетной системы через систему трансфертов.

Емкую характеристику бюджетного федерализма в Российской Федерации дает Швецов Ю. Г. в ряде своих

статей [13;14;15]. Подводя итог преобразований за последние 20 лет он отмечает, что они не могли привезти к позитивному результату, поскольку были направлены не на создание совершенно новой для страны модели бюджетного федерализма, а на реанимирование элементов советской системы управления экономикой применение, отбрасывает нас назад в экономическом развитии. Основным средством выхода из тупика он видит в разумной децентрализации бюджетной системы, которая значительно более эффективна и обладает немаловажным преимуществом. Он указывает на ряд ошибок допущенных в бюджетной сфере: чрезмерно большая сфера бюджетного регулирования, практика многоканального финансирования одних и тех же потребностей субъектов РФ, ограниченность сферы формализованного распределения различных форм финансовой помощи регионам, недостаток прозрачности методики расчета трансфертов, текущий характер бюджетного выравнивания.

По нашему мнению, Швецов Ю.Г. не видит перспектив бюджетного федерализма потому, что хочет сразу же получить результат, но это невозможно. Существующая

модель бюджетного федерализма подвергается осмыслению и критике большинством российских и зарубежных ученых-экономистов, но эта модель выстрадана временем и теми условиями в которых развивалась российская экономика. В настоящее время судьба бюджетного федерализма в России зависит не столько от той или иной модели, а сколько от того, чтобы оптимальная модель федерализма была гибкой, то есть вовремя становилась то более централизованной, то более децентрализованной. Опыт ведущих экономик заставляет нас интенсивно формировать налогооблагаемую базу: вкладывать средства в человека, развивать малый и средний бизнес, внедрять в производство новые технологии, финансово поддерживать индивидуальное жилищное и ипотечное строительство, расширять оборот земель, формировать щадящую кредитную политику.

Таким образом, дальнейшее изучение теории федерализма, его применения на практике в различных странах, попытки внедрения этого опыта в российскую действительность, позволят экономической науке научно обосновать необходимость изменения сущности бюджетного федерализма в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федералист. Политическое эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея. М.: Издательство Прогресс, 1993. 591 с.
2. Конституция Российской Федерации (принятая всенародным голосованием 12.12.1993) с учетом поправок внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 7 — ФКЗ от 05.02.2014 № 2—ФКЗ от 21.07.2014 № 11 — ФКЗ). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 19.01.2019).
3. Родионова В. М. Бюджетная реформа: содержание и проблемы // Финансы. 1994. № 8. С. 3.
4. Аветисян И. А. Бюджетный федерализм и межбюджетные отношения в Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 1(13). С. 115—131.
5. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 27.12.2018). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 19.01.2019).
6. Лавров А. Бюджетный федерализм и финансовая стабилизация // Вопросы экономики. 1995. № 6. С. 21—22.
7. Игудин А. Г. К межбюджетным отношениям в субъектах Федерации // Финансы. 1999. № 10. С. 17—20.
8. Лавров А. М. Проблемы и перспективы развития межбюджетных отношений в России // Общество и экономика. 1995. № 3. С. 3—23.
9. Подпорина И. В. Межбюджетные отношения и бюджетное регулирование // Финансы. 1999. № 7. С. 17—20.
10. Птицын В. И. Бюджетный федерализм и совершенствование межбюджетных отношений // Финансы. 1996. № 9. С. 7—11.
11. Печенская М. А., Ускова Т. В. Актуальные вопросы совершенствования межбюджетных отношений в системе местного самоуправления // Экономические и социальные перемены: факты тенденции прогноз. 2012. № 1(19). С. 136—146.
12. Пешина Э. В. Стрекалова А. А. Фискальный и бюджетный федерализм: две системы управления публичными финансами // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 11. С. 34—52.
13. Швецов Ю. Г. Тупик российского бюджетного федерализма // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2017. № 12. С. 39—48.
14. Швецов Ю. Г. О состоянии российского бюджетного федерализма // Налоги и финансы. 2017. С. 14—22.
15. Швецов Ю. Г. Бюджетный федерализм: состояние кризиса // Проблемы учета и финансов. 2016. № 4(24). С. 3—9.

© Коскова Вероника Сергеевна (koskova@66.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОПТИМИЗАЦИЯ АМОРТИЗАЦИОННЫХ ОТЧИСЛЕНИЙ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ОАО «РЖД» (ТРАНСПОРТНОГО ПРОИЗВОДСТВА)

**OPTIMIZATION OF DEPRECIATION
AS A FACTOR OF INCREASING
THE EFFICIENCY OF JSC "RUSSIAN
RAILWAYS" (TRANSPORTATION
AND PRODUCTION)**

**O. Lazareva
L. Mikheeva**

Summary. this article discusses some aspects of the optimization of depreciation in relation to rail transport. The focus is on objective factors that distort the reflection of the efficiency of fixed assets in the costs of the enterprise. The article considers the option of aligning the interests of the industry and the requirements of technological progress.

Keywords: optimization, cost elements, sources of financing, cost, structural characteristics, qualitative indicators of locomotive use, effective locomotive power, intensity of use.

Лазарева Ольга Борисовна

*К.э.н., доцент, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск
milyuda@ro.ru*

Михеева Людмила Анатольевна

*К.э.н., доцент, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск
oblomus@inbox.ru*

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются отдельные аспекты оптимизации амортизационных отчислений применительно к железнодорожному транспорту. Основное внимание уделяется объективным факторам, искажающим отражение эффективности использования основных фондов в затратах предприятия. Рассмотрен вариант приведения в соответствие интересов отрасли и требований технического прогресса.

Ключевые слова: оптимизация, элементы затрат, источники финансирования, себестоимость, конструкционные характеристики, качественные показатели использования локомотива, эффективная мощность локомотива, интенсивность использования.

Повышение эффективности транспортного производства — важнейшая задача любого производственного предприятия. На величину эффективности производства оказывает влияние большое количество как внутренних, так и внешних факторов, в той или иной мере влияющих на себестоимость перевозок в зависимости от структуры затрат по экономическим элементам. В целом по ОАО «РЖД» в структуре операционных расходов на долю заработной платы, включая отчисления на социальные нужды, приходится около 40%, материальные затраты в структуре расходов составляют около 30%, из них примерно 15% составляют затраты топливно-энергетических ресурсов на тягу поездов. Значительный удельный вес в структуре расходов на железнодорожном транспорте приходится на амортизационные отчисления.

В повышении эффективности транспортного производства большая роль отводится мероприятиям организационно-технического характера, направленным на снижение себестоимости перевозок в результате оптимизации расходов.

Проблема оптимизации амортизационных отчислений рассматривается исследователями довольно часто, но основной упор делается на выборе методов начисле-

ния амортизации, что значительно сужает и проблему, и выбор инструментов оптимизации.

Амортизационные отчисления как элемент себестоимости продукции железнодорожного транспорта можно проиллюстрировать следующими данными (таблица 1).

В динамике за 7 лет удельный вес амортизационных отчислений в общей сумме операционных затрат колеблется в интервале от 15% до 15,9%. Темп роста удельного веса амортизационных отчислений характеризуется разнонаправленной динамикой, к уровню 2016 г. рост показателя составил 8,5%

По абсолютной величине темпы роста амортизационных отчислений с учетом приведения к выбранному периоду изменяются от 0,3% (2006/2005 г) до 15,7% (2017/2016 г.), что значительно опережает рост общей суммы операционных расходов (6,6% к 2016 г.).

Рост амортизационных отчислений в структуре расходов обусловлен изменением стоимости основных средств, в результате увеличения цены, переоценки и обновления. На величину амортизационных отчислений оказывает также влияние изменение структуры по группам основных фондов, учитывающей сроки

Таблица 1. Динамика амортизационных отчислений

Показатели	Годы						
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Удельный вес амортизации в структуре операционных расходов,%	15,0	14,9	15,5	15,9	15,0	14,7	15,9
Темп роста удельного веса амортизации в структуре операционных расходов		0,992	1,043	1,024	0,944	0,979	1,085

Составлено авторами по данным годовых отчетов ОАО «РЖД»

Таблица 2. Структура основных фондов

Показатели	Годы						
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Здания, машины, оборудование, транспортные средства	30,27	30,66	31,13	31,56	32,21	31,48	32,76
Сооружения и передаточные устройства	69,44	69,05	68,61	68,18	67,55	68,31	66,99
Прочие	0,29	0,29	0,26	0,26	0,25	0,21	0,25

Составлено авторами по данным финансовой отчетности ОАО «РЖД»

службы объектов основных средств. Структура основных фондов по группам основных средств приведена в таблице 2.

За анализируемый период наблюдается увеличение доли машин, оборудования и транспортных средств в стоимости имущества ОАО «РЖД». В 2016–2017 гг. доля транспортных средств увеличилась с 21,78% до 23,29% (на 1,51%) при росте объединенной группы основных средств (здания, машины, оборудование и транспортные средства) с 31,48% до 32,76% (на 1,28%).

Для анализа и оценки сопоставимости темпов роста амортизационных отчислений и темпов роста продукции транспорта была изучена динамика работы ОАО РЖД в аналогичном периоде.

При росте объема перевозок в анализируемом периоде (с 2011 по 2018 г.) на 10,8%, амортизационные отчисления в стоимостном выражении выросли на 39,7%. Стоимость основных средств с учетом переоценки за этот же период увеличилась на 50,8%, рост стоимости машин, оборудования и транспортных средств составил 63,2% (в данной группе основных средств доля транспорта составила в 2016 г 69,2%, в 2017 г — 71,1%).

К уровню 2016 г. рост амортизационных отчислений по объекту «транспортные средства» (13,4%) опережает рост стоимости транспортных средств (11,2%) при снижении объема перевозок на 5,6%.

Величина амортизации на единицу перевозок (амортизационная нагрузка) за исследуемый период увеличилась

с 5,66 до 7,35 коп/1000 ткм, на 29,69%. Для сравнения, при росте амортизационной нагрузки по всем объектам основных средств в 2017 г. к уровню 2016 г. на 22,62%, рост данного показателя по локомотивному парку составил 20,1%.

Приведенные данные свидетельствуют об увеличении амортизационной нагрузки транспортной продукции в области грузовых перевозок, что в конечном итоге приводит к увеличению расходов и себестоимости перевозок. Кроме того, амортизация относится к так называемым условно-постоянным расходам, увеличение которых приводит к снижению безубыточного объема продаж и, как следствие, к сокращению прибыли от перевозок в условиях зависимости объема перевозок от экономической ситуации в стране и объема производства в отраслях экономики.

Выполненный анализ подтверждает необходимость серьезного исследования связи обновления ОАО РЖД основными средствами с полной использованием их конструктивных возможностей, а также влияния данного обстоятельства на динамику амортизационных отчислений, операционных расходов и себестоимости продукции транспорта.

В элементе амортизационных отчислений невозможно найти резервы их снижения, так как данный элемент денежных затрат является лишь способом восстановления основных средств, а их размер зависит от первоначальной стоимости основных средств. Размер амортизационных отчислений зависит непосредственно от стоимости каждого отдельного объекта

Таблица 3. Динамика темпов роста мощности и качественных показателей использования локомотива

Темпы роста,%	Годы			
	2014	2015	2016	2017
Мощность локомотивного парка, млн. квт	99,83	101,31	100,88	101,01
Производительность локомотива тыс. ткм брутто, рассчитанная через				
среднесуточный пробег	102,33	102,94	108,29	94,26
техническую скорость	100,46	100,50	103,90	101,52

Примечание: Производительность посчитана для инвентарного парка локомотивов находящегося на сети дорог, работающих в грузовом движении.

основных средств, приобретаемого и эксплуатируемого ОАО РЖД.

Из этого следует, что резервы снижения амортизационных отчислений заключаются не в самой величине амортизационных отчислений, а в объекте, на который начисляется амортизация. Для оптимизации амортизационных отчислений необходимо искать технико-экономические резервы, связанные с обоснованием приобретения объектов основных средств, и их использованием в транспортном производстве. Иными словами, необходимы тщательные технико-экономические исследования для предотвращения появления «условных излишков» основных фондов» и экономически обоснованных операционных затрат.

С этим обстоятельством связаны и другие проблемы: неделимость основных фондов и особенности технологических процессов ОАО РЖД. Эти факторы во многом определяют наличие «холостых» затрат, значительный вес которых ложится на амортизационные отчисления.

Неделимость основных фондов является объективной данностью железнодорожного транспорта. Она проявляется в приобретении, например, локомотивов с конструктивными техническими характеристиками, которые не будут востребованы в обозримой перспективе. Данная проблема вытекает из неоднородности технического развития элементов конвейерного производства, каким и является процесс осуществления железнодорожных перевозок. Рассматриваемое обстоятельство является весьма сложным по своим причинно-следственным связям, так как связано с организационными, социальными, технологическими, финансовыми задачами и возможностями их осуществления по отдельным хозяйствам железнодорожного транспорта и в целом с требованиями научно-технического прогресса развития отрасли.

В структуре основных фондов ОАО РЖД, а, следовательно, и в структуре амортизационных отчислений наибольший удельный вес приходится на путевое хо-

зяйство, на втором месте находится локомотивное хозяйство.

В структуре основных фондов локомотивного хозяйства значительный удельный вес занимает локомотивный парк. Локомотивный парк характеризуется объектами, обладающими различными конструктивными характеристиками, непосредственно связанными с ценой локомотива и эффективностью использования локомотивного парка (коэффициентом использования мощности тяговых средств).

Эффективность использования локомотивного парка зависит от степени использования мощности локомотива и экономичности режима вождения поездов при заданных эксплуатационных условиях. Использование мощности локомотива по величине производительности оценивается при среднем значении веса поезда и скорости движения. Помимо мощности, влияющей на вес и скорость движения, на величину производительности оказывает влияние время нахождения локомотива на станциях и в депо, а также объективные характеристики конкретного полигона работы локомотива.

Различия в величине производительности локомотива, рассчитанной по величине веса и технической скорости, характеризующей время нахождения локомотива в движении, и по величине среднесуточного пробега при средних значениях данных показателей характеризуют влияние на производительность времени простоя локомотива. Соотношения в темпах роста мощности локомотивного парка и производительности локомотива представлены в таблице 3.

Анализ динамики суммарной мощности локомотивов [3] и производительности локомотивов свидетельствует о наличии тесной связи между исследуемыми показателями, так коэффициент корреляции между мощностью и производительностью локомотивов, рассчитанной традиционным способом (по величине веса поезда и среднесуточному пробегу локомотивов) составил 0,737, при расчете производительности локомоти-

ва по весу поезда и технической скорости коэффициент корреляции равен 0,954.

Современные условия работы железнодорожного транспорта характеризуются использованием локомотивов большой единичной мощности, а нормы массы поездов определяются не только конструктивными особенностями локомотива, но и техническими параметрами инфраструктуры и способов организации перевозок.

Эксплуатационные показатели использования локомотивов существенно отличаются не только от конструктивных характеристик локомотива, но и так называемых технических (весовых) норм поездов, устанавливаемых в графике движения поездов и, зависящих от силы тяги локомотив, профиля пути и других технических и эксплуатационных факторов.

Разрыв между потенциальными возможностями использования локомотивного парка и реальными показателями в эксплуатации в условиях действующей статистической отчетности на железнодорожном транспорте можно определить по отдельным сериям локомотивов на конкретных участках сети дорог. Так, например электровоз переменного тока «Ермак» мощностью от 3060 до 9180 кВт, рассчитан на провоз грузовых поездов массой 6000–10000 тонн со скоростью 90–120 км/час, фактически локомотив эксплуатируется при средней массе поезда около 4000 тонн и средней технической скорости 47 км/час.

Приведенные данные свидетельствуют о наличии определенных противоречий между экономической целесообразностью приобретения мощных и дорогих локомотивов и задачей современного развития железнодорожного транспорта, что и вызывает возникновение «холостых» затрат, которые включаются в себестоимость продукции и перекладываются на плечи потребителя.

Недоиспользование мощности основных средств (локомотивов) снижает технико-экономические показатели работы депо, участка, дороги и сети в целом и приводит к дополнительным затратам на организацию перевозок.

Для оценки потерь в результате недоиспользования мощности локомотивов в настоящее время отсутствуют объективные (статистические) и научно-обоснованные критерии (показатели), характеризующие использование тяговых характеристик локомотива, что затрудняет объективную оценку степени использования мощности локомотива не только в средних условиях работы сети дорог, но и в разных условиях эксплуатации локомотивов на отдельных полигонах.

Оценка эффективности использования локомотивов только на основе эксплуатационных показателей грузооборота брутто и среднесуточного пробега недостаточна для экономической оценки эффективности их использования.

Включение в состав показателей работы локомотивов стоимостных показателей (доходов и расходов в части локомотивной составляющей) в результате внедрения лицевого счета локомотива по каждой номерной модели в автоматизированной системе учета [12] позволит не только учитывать использование мощности локомотива, и определять расходы на содержание локомотива по всем экономическим элементам, включая амортизацию, но и рассчитывать потери в результате недоиспользования мощности локомотива. По мнению Шакировой, Г.Х. [12] данные автоматизированной системы учета могут быть использованы для прогнозирования инвестиций в локомотивный парк в разрезе типа и серий локомотивов.

С целью оптимизации амортизационных отчислений, по нашему мнению, необходимо амортизационные отчисления рассчитывать, исходя из амортизируемой стоимости локомотивов и отношения натуральных показателей объема продукции к максимально возможному ресурсу объекта (в данном случае мощности локомотива), т.е. списание стоимости пропорционально объему продукции. Применение такого способа в наибольшей степени учитывает интенсивность использования объектов [4].

При обосновании предложения по использованию производительного способа расчета амортизационных отчислений следует рассматривать два аспекта, непосредственно связанных с величиной амортизационных отчислений, исходя из их функциональной природы. Амортизационные отчисления, учитываемые в составе затрат, также выполняют роль собственного источника финансирования, занимая место одного из элементов высвобожденного капитала. Норма амортизационных отчислений при рассматриваемом способе будет заметно ниже, чем при линейном способе, используемом на практике. В то же время, данное обстоятельство скажется на снижении себестоимости и при сохраняющихся тарифах на перевозку приведет к росту прибыли, как основного источника обновления основных фондов. Показателем возможного эффекта от изменения способа начисления амортизации может служить дисконтированный результат, учитывающий традиционный и предлагаемый производительный метод расчета амортизационных отчислений [1]. В предлагаемом варианте это будет потеря дисконтированного амортизационного потока, которая сложится из потерь от применения способа списания стоимости пропорционально объему

продукции, откорректированная на возможный дисконтированный рост прибыли. Сопоставление достигнутого роста прибыли и сокращения амортизационного потока позволит сделать вывод, а также даст основание для поиска внешнего источника финансирования пополнения и замены устаревшего локомотивного парка. Новый парк представлен только современными локомотивами, конструкционные возможности которых по объективным причинам не могут быть реализованы и влекут

за собой затраты, не сопровождающиеся выпуском продукции.

Таким образом, оптимизацию амортизационных отчислений можно рассматривать как важную часть бизнеса, вид финансово-управленческой деятельности, опирающейся не только на использование существующих законов и нормативных документов, но и на предварительные многовариантные расчеты и обоснования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилова Н.Н., Зданович М. Ю., Васильева Н. О. Оптимизация амортизационной политики предприятия // *Фундаментальные исследования*. — 2014. — № 9–7. — С. 1568–1574;
2. Гарифуллина А. А. Различные подходы к определению понятий «основные средства», их «оценка» и «амортизация» // *Молодой ученый*. — 2014. — № 7. — С. 324–327.
3. Краткий анализ локомотивного парка РЖД — nkps — LiveJournal <https://nkps.livejournal.com/2476.html> (дата обращения: 20.03.2019).
4. Лукошкин С. В. Оптимизация амортизационных отчислений основных средств организации в ходе аудита [Текст] // *Проблемы и перспективы экономики и управления: материалы III Междунар. науч. конф.* (г. Санкт-Петербург, декабрь 2014 г.). — СПб.: Заневская площадь, 2014. — С. 160–162.
5. Конышев А. В. Амортизация и её роль в инвестиционном процессе автореферат диссертации. Самара, 2000 // *Экономическая библиотека*. URL: [http://economy-lib.com/amortizatsiya-i-eyo-rol-v-investitsionnom-protsesse#ixzz5ir6fAWYI](http://economy-lib.com/amortizatsiya-i-eyo-rol-v-investitsionnom-protsesse) (дата обращения: 10.02.2019).
6. Малов В. А., Горовых Л. В. Методология определения стоимости жизненного цикла новых локомотивов для ОАО «РЖД» // *Бюллетень ОУСОАО «РЖД»*. 2016 — № 6 — С. 10–13.
7. Показатели использования локомотивов. Термины и определения. //ГОСТ Р 56046–2014. — Введ. 2014–09–01. — М.: Изд-во стандартов, 2015. — 24 с.
8. Гарифуллина А. А. Различные подходы к определению понятий «основные средства», их «оценка» и «амортизация» // *Молодой ученый*. — 2014. — № 7. — С. 324–327.
9. Гарифуллина А. А. Различные подходы к определению понятий «основные средства», их «оценка» и «амортизация» // *Молодой ученый*. — 2014. — № 7. — С. 324–327.
10. Харламов А. А. Анализ эффективности использования основных производственных фондов // *Журнал Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление* 2014 — с. 31–38.
11. Статистика транспорта — f_husainov — LiveJournal
12. <https://f-husainov.livejournal.com/tag/Статистика%20транспорта> (дата обращения: 23.01.2019). некорректная ссылка
13. Шакирова Г. Х. Экономическая оценка эффективности использования локомотивов транспортных компаний, автореферат, М: РГОТУПС, 2008–24 С.

© Лазарева Ольга Борисовна (milyuda@ro.ru), Михеева Людмила Анатольевна (oblomus@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дальневосточный государственный университет путей сообщения

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ НА МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ С УЧЕТОМ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ

INSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF FINANCIAL REPORTING IN SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES WITH INTERNATIONAL STANDARDS

V. Bratsev
A. Canibek

Summary. The relevance of the article is due to the fact that the transition of Russia to international financial reporting standards (IFRS) is a requirement of time, the formation of a market economic system and is due to the desire of the state to enter the global economic space, and one of the key areas of this process is the introduction of these standards into the accounting system of small and medium-sized enterprises, which are the largest group of business entities in the national economy. The article conducted a study of the preparation of financial statements by domestic small and medium enterprises. The necessity and prerequisites for bringing the national accounting and reporting system in line with international standards have been determined. The problems and prospects of application of IFRS by Russian enterprises are considered. The proposed model of the formation of favorable conditions for the transition and active use of IFRS based on an institutional basis

Keywords: international standards, accounting system, national legislation, institutional framework.

Братцев Валерий Иванович

Д.э.н., профессор, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Джаныбек Ахмет

Аспирант, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
jambech@gmail.com

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена тем, что переход России на международные стандарты финансовой отчетности (МСФО) является требованием времени, формирования рыночной системы хозяйствования и обусловлен стремлением государства войти в мировое экономическое пространство, причем одним из ключевых направлений данного процесса представляется внедрение данных стандартов в систему учетной деятельности малых и средних предприятий, которые выступают самой многочисленной группой субъектов хозяйствования в национальной экономике. В статье проведено исследование порядка составления финансовой отчетности отечественными малыми и средними предприятиями. Определена необходимость и предпосылки приведения национальной системы учета и отчетности в соответствие с международными стандартами. Рассмотрены проблемы и перспективы применения МСФО российскими предприятиями. Предложена модель формирования благоприятных условий для перехода и активного использования МСФО, основанных на институциональной основе.

Ключевые слова: международные стандарты, система бухгалтерского учета, национальное законодательство, институциональная основа.

Введение

В современных условиях малые и средние предприятия (далее — МСП) играют важную роль в формировании благоприятного социально-экономического климата государства, создавая дополнительные рабочие места, формируя средний класс, уменьшая негативное проявление кризисных процессов на экономику и, в конечном итоге, нивелируя разрушительные последствия кризиса прошлых лет [5]. МСП в значительной степени втянуты в процесс интеграции России в мировое экономическое пространство, что требует от государства активных действий, в отношении:

- ◆ унификации законодательства и нормативно-правового регулирования;
- ◆ совершенствования национальной системы бухгалтерского учета и финансовой отчетности в соответствии с общепризнанными мировыми стандартами.

Финансовая отчетность является основным источником информации о хозяйственной деятельности и финансовом состоянии предприятия, дает реальную возможность осуществить правильную и достоверную оценку его стоимости. От эффективности системы бухгалтерского учета и составления финансовой отчетности в значительной степени зависит возможность выхода отечественных МСП на международные рынки, налаживание партнерских связей с иностранными субъектами хозяйствования, привлечение иностранных инвестиций, получение внешних кредитов и пр. Именно поэтому вопрос гармонизации и стандартизации финансовой отчетности МСП, как залога прозрачности их учета и отчетности, в контексте трансформации национальной системы бухгалтерского учета в соответствии с международными стандартами актуальны и требуют детального изучения. В связи с чем целью исследования является определение современного состояния процесса формирования финансовой отчетности на малых и средних

предприятиях с учетом международных стандартов, выявление проблем и перспектив составления финансовой отчетности МСП согласно требованиям МСФО для МСП.

Основная часть

Большой вклад в исследование вопросов развития национальной системы бухгалтерского учета в соответствии с международными стандартами и требованиями, совершенствование организации, порядка и методики составления финансовой отчетности МСП по МСФО внесли отечественные и зарубежные ученые. В контексте раскрытия цели настоящей статьи особый интерес представляют научные труды таких ученых, как С. В. Козменкова, Е. С. Крупинова [3], посвященные изучению опыта стран, которые перешли на Международные стандарты; Л. Ф. Алексеева, В. Д. Голубев [1], М. В. Кравченко, А. Ф. Мялкина [4], Л. С. Медведева, Ю. В. Мостовая [6], в которых проводится исследование значения МСФО и обоснование необходимости их внедрения в России.

Вопросам внедрения и применения международных стандартов учета и отчетности для отечественных предприятий, в том числе малых и средних, значительное внимание посвятили также такие ученые, как В. Г. Михайловская [7], А. А. Щёлокова [8]. Определению и обоснованию необходимости трансформации финансовой отчетности малых и средних предприятий России в соответствии с МСФО исследовали такие ученые, как Э. С. Эмирова, Н. Б. Демироглу [9] и другие. Некоторые из российских экономистов считают применение МСФО нецелесообразным из-за возникновения путаницы в учете имущества и финансовых результатов, другие осуждают односторонний подход к использованию МСФО в отечественной практике ведения учета и составления финансовой отчетности и настаивают на сохранении национальных интересов.

Полагаем, что такие взгляды свидетельствуют об отсутствии единого мнения и в научных кругах, и на уровне государства на необходимость и целесообразность внедрения международных стандартов учета и отчетности в практику отечественных МСП, а также по процедурным вопросам адаптации национальных учетных процедур к требованиям МСФО. Кроме того, несмотря на значительный интерес ученых к решению проблемы внедрения МСФО для отечественных предприятий, единого подхода к направлениям и методам их внедрения малыми и средними предприятиями сегодня не существует.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что в условиях дальнейшего реформирования бухгалтерского учета и финансовой отчетности, принятия новых законодательных и нормативно-правовых актов, регу-

лирующих и регламентирующих данную сферу хозяйственных отношений в России, а также необходимости адаптации бухгалтерских служб МСП к использованию современных международных учетных требований, важно дальнейшее изучение и определение возможности составления этими предприятиями финансовой отчетности как по национальным стандартам, так и с учетом требований МСФО.

В России существует определенный удачный опыт использования международных стандартов при составлении финансовой отчетности крупными предприятиями и компаниями, которые работают с иностранными инвесторами, выходят на международные рынки и ценят свою деловую репутацию. Это, в частности, объясняется и тем, что Министерство финансов Российской Федерации постоянно совершенствуется и вносит изменения в национальные положения по бухгалтерскому учету, приближая их к международным стандартам с целью сокращения разрыва между отечественной системой учета и общепринятой мировой практикой. Таким образом, внедрение МСФО в деятельность МСП представляется необходимым процессом.

Можно согласиться с И. М. Дмитриевой, что существующие в России нормативно-правовые акты являются основой приведения национальной системы бухгалтерского учета и отчетности в соответствие с международными стандартами, а в разрезе МСП еще и предпосылкой совершенствования методики бухгалтерского учета и составления финансовой отчетности. Все это можно провести при помощи:

максимального упрощения порядка ведения бухгалтерского учета и форм финансовой отчетности (без дополнительного привлечения высококвалифицированных учетных кадров и дополнительных финансовых затрат);

- ♦ предоставление права использовать такую форму учета, которая не предусматривает применения двойной записи;
- ♦ адаптации к международным стандартам национальной нормативно-правовой базы по вопросам бухгалтерского учета для МСП через утверждение соответствующих национальных положений по бухгалтерскому учету с упрощенным порядком учета активов, собственного капитала, обязательств и расчетом финансовых результатов.

На сегодня в России применяются как МСФО, так и национальные стандарты бухгалтерского учета. МСП должны самостоятельно определять целесообразность использования МСФО для подготовки финансовой отчетности. МСФО для МСП предусматривает упрощение

процедур ведения учета и составления финансовой отчетности, а также обеспечивает удовлетворение потребностей внешних пользователей в качественной и объемной информации на международном уровне, что особенно важно в условиях интеграции отечественных МСП в мировое экономическое сообщество.

Изучение трудов отечественных исследователей, а также анализ опыта отдельных предприятий, перешедших на использование МСФО, позволили нам определить основные преимущества внедрения МСФО для МСП:

1) финансово-кредитные учреждения в процессе принятия решений о предоставлении кредита, определения условий и процентных ставок, осуществления мониторинга предоставленных кредитов, прежде всего, отдают предпочтение тем предприятиям, финансовая отчетность которых составлена в соответствии с требованиями МСФО, которые обеспечивают ее надежность, прозрачность и сопоставимость;

2) повышение надежности выводов, которые построены на основе отчетности, составленной в соответствии с требованиями МСФО, что обеспечивает прозрачную и четкую работу с поставщиками и покупателями, которые хотят оценить финансовое состояние предприятия и перспективы деловых отношений;

3) получение собственниками и инвесторами, которые не участвуют в постоянном управлении и контроле предприятием, необходимой информации для возможности сравнивать показатели, представленные в отчетности различных субъектов хозяйствования в разных странах на сопоставимой основе.

В России право на применение МСФО имеют разные по размеру предприятия, критерии признания которых представлены в Постановлениях Правительства России. МСФО для МСП в России имеют право применять только средние, малые и микропредприятия. Однако в МСФО для МСП не представлены количественные критерии отнесения предприятий к малым и средним, что усложняет процесс унификации, ведь в разных странах такие критерии значительно отличаются.

Согласно п. 12 МСФО для МСП малыми и средними предприятиями являются субъекты хозяйствования, которые:

1. Не подотчетны общественности. По п. 1.3. МСФО для МСП, предприятие является подотчетным, если:

1.1. его долговые обязательства или долевые инструменты обращаются на публичном рынке или оно находится в процессе выпуска таких инструментов для обращения на публичном рынке;

1.2. на ответственном хранении у него находятся активы большой группы сторонних лиц, и такое хранение является одним из основных видов его деятельности.

2. Не публикует финансовые отчеты общего назначения для внешних пользователей.

Таким образом, большинство предприятий, согласно отечественному законодательству могут применять МСФО. На сегодня в России, к сожалению, отсутствуют единые адаптированные формы финансовой отчетности для МСП, соответствующие всем необходимым требованиям, что приводит к острой необходимости внесения изменений в национальные стандарты БУ для адаптации финансовой отчетности для отечественных малых и средних к требованиям МСФО для таких предприятий. Несмотря на ряд преимуществ и учитывая все несоответствия национальных и международных стандартов, в России в настоящее время отсутствуют возможности для стремительного распространения применения МСФО для МСП, хотя на российском рынке и действует большое количество дочерних компаний с иностранными инвестициями и существует вероятность привлечения иностранных инвесторов.

Значительная часть представителей сектора МСП сегодня стратегически не готова к внедрению МСФО для МСП в результате:

- ◆ отсутствия у большинства из них понимания важности этого шага;
- ◆ нежелания осуществлять дополнительные затраты на привлечение и подготовку квалифицированных бухгалтеров, которые обладают знаниями и навыками ведения учета и составления финансовой отчетности по международным стандартам, на приобретение необходимого программного обеспечения и пр.;
- ◆ низкого качества учетной информации;
- ◆ необходимости совершенствования нормативно-правовой базы по вопросам учета для малого бизнеса;
- ◆ плохого управления финансами.

Несмотря на вышеизложенные проблемы, следует отметить, что внедрение в практику ведения учета и составления финансовой отчетности по МСФО является очень актуальным для отечественных МСП. Для успешного выполнения данного процесса мы разработали модель формирования благоприятных условий для перехода и активного использования МСФО, основанных на институциональной основе (рис. 1).

В рамках данной модели происходит взаимодействие трех групп национальных (либо наднациональных

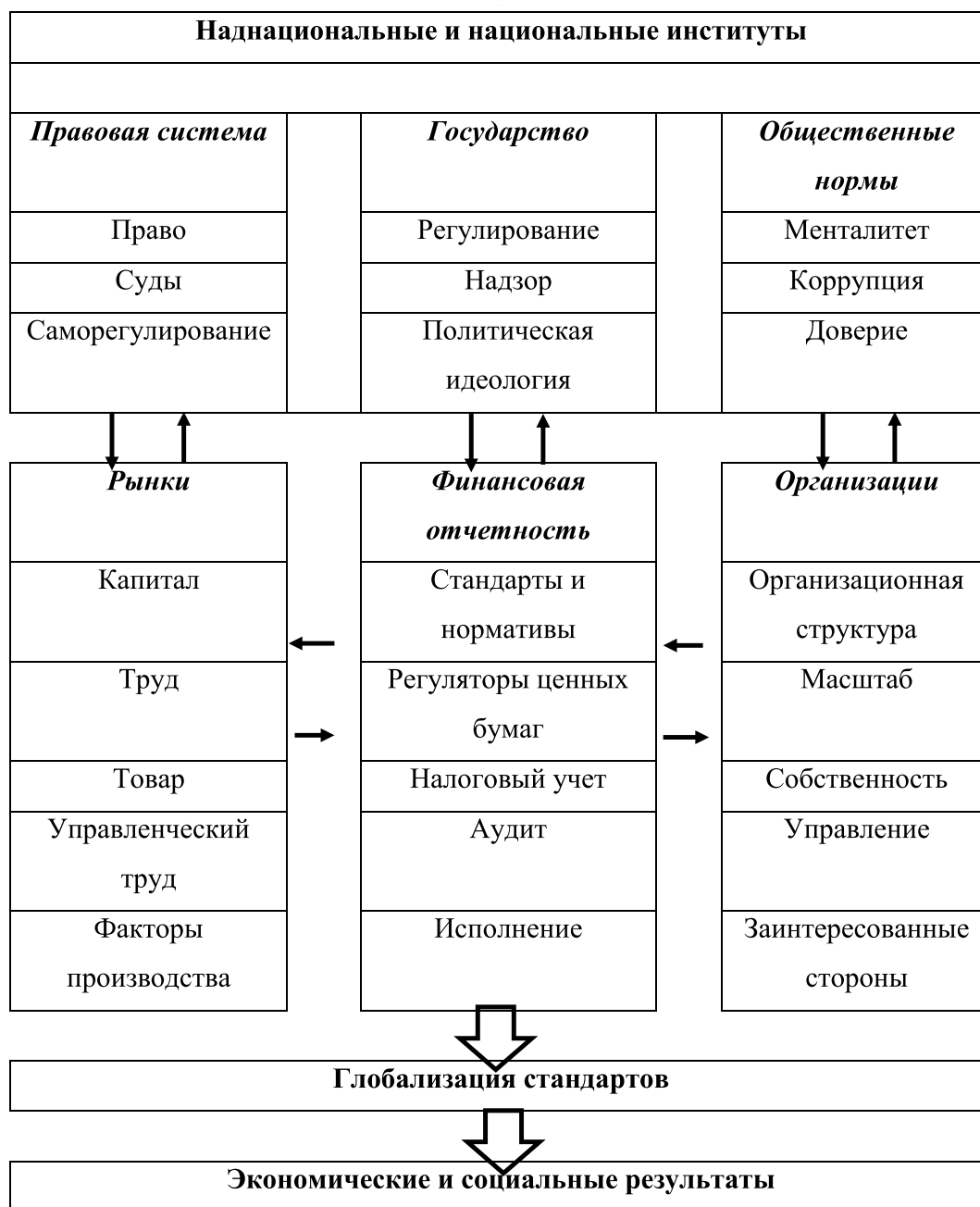

Рис. 1. Модель формирования благоприятных условий для перехода и активного использования МСФО, основанных на институциональной основе

институтов): правовой системы, государства и общественных норм поведения, которые оказывают влияние на процесс составления финансовой отчетности МСП по международным стандартам. Использование предлагаемой модели в процессе позволит обеспечить глобализацию стандартов учета, усилить влияние изменения режима бухгалтерского учета на качество финансовой отчетности и результаты деятельности и, в конечном итоге, получить высокие экономические и социальные результаты.

Заключение

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что формирование благоприятных условий для перехода и активного использования МСФО представляется весьма важным для каждого государства, что обусловлено интернационализацией мировой экономики и глобализацией бизнеса. Вместе с этим такие условия должны обеспечиваться созданием качественной институциональной основы, адекватной уровню экономиче-

ского развития в стране. В процессе реализации данных процессов необходимо учитывать правовую систему, государственное макрорегулирование, общественные нормы, общие усилия которых будут способствовать глобализации стандартов бухгалтерского учета и полу-

чению высоких экономических и социальных результатов. При этом процесс становления и развития в каждой стране принципов МСФО связан с влиянием различных факторов: институциональных, правовых, политических и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л.Ф., Голубев В. Д. Практические аспекты использования международных стандартов финансовой отчетности российскими организациями // АНИ: экономика и управление. 2017. № 1 (18). С. 62–64.
2. Дмитриева И. М. Перспективы внедрения международных стандартов финансовой отчетности в национальные учетные системы // Мир новой экономики. 2016. № 3. С. 62–65.
3. Козменкова С.В., Крупинова Е. С. Принципы бухгалтерского учета микропредприятий: состав и содержание // Международный бухгалтерский учет. 2017. № 8 (422). С. 460–476.
4. Козменкова С.В., Крупинова Е. С. Упрощенные правила бухгалтерского учета и отчетности для малых и средних предприятий в зарубежной практике // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 40 (382). С. 34–52.
5. Кравченко М.В., Мялкина А. Ф. Проблемы методического и нормативно-правового регулирования бухгалтерского учета на малых предприятиях в Российской Федерации // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 4. С. 48–54.
6. Куприянова Л. М. Функции финансовой отчетности и их роль в развитии бизнеса // Общество: политика, экономика, право. 2015. № 3. С. 19–25.
7. Медведева Л.С., Мостовая Ю. В. Оценка перспектив внедрения международных стандартов учёта и финансовой отчётности в деятельность предприятий малого бизнеса // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 4 (22). С. 200–206.
8. Михайловская В. Г. Необходимость международной стандартизации финансовой отчетности малых и средних предприятий и проблемы, возникающие в связи с этим процессом // Все для бухгалтера. 2015. № 3 (283). С. 2–7.
9. Щёлокова А. А. Решение проблем МСБ с помощью трансформации отчетности в соответствии с МСФО // Социально-экономические явления и процессы. 2016. № 7. С. 69–77.
10. Эмирова Э.С., Демироглу Н. Б. Проблемы и пути совершенствования методического обеспечения бухгалтерского учета на предприятиях малого бизнеса // Таврический научный обозреватель. 2015. № 3–1. С. 14–17.

© Братцев Валерий Иванович, Джаныбек Ахмет (jambech@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова

НЕДОСТАТКИ РОССИЙСКОГО ИНСТИТУТА СУБСИДАРИНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Галустян Алексей Арсенович

Аспирант, Российский Университет Дружбы Народов
galustyan_alexey@mail.ru

DRAWBACKS OF RUSSIAN LEGAL DOCTRINE OF SECONDARY LIABILITY

A. Galustyan

Summary. The article briefly deals with main problems of Russian legal doctrine of secondary liability, as well as in article was drawn a conclusion, that Russian legal doctrine of secondary liability has a number of shortcomings in comparison with tortious liability. Therefore, it is proposed to refuse of legal doctrine of secondary liability in favor of tortious liability.

Keywords: the debtor's controlling person, secondary liability, the assumption of bringing the debtor to bankruptcy, damages, tortious liability.

Аннотация. В статье кратко рассмотрены основные проблемы российского института субсидиарной ответственности, а также сделан вывод о том, что российская модель субсидиарной ответственности имеет ряд недостатков по сравнению с моделью деликтной ответственности. В связи с указанным приводится предложение о необходимости отказа от модели субсидиарной ответственности в пользу модели деликтной ответственности контролирующих лиц.

Ключевые слова: контролирующее должника лицо, субсидиарная ответственность, презумпция доведения должника до банкротства, убытки, деликтная ответственность.

Привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц предусмотрено новой главой III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — «Закон о банкротстве»).

Последние изменения, внесенные в Закон о банкротстве и касающиеся привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, очевидно, направлены на «ужесточение» условий ведения бизнеса и на расширение оснований для привлечения контролирующих лиц к ответственности.

Егоров А. В., Усачева К. А. в своей работе, посвященной проблемам субсидиарной ответственности, отмечают, что особенности гражданско-правовой ответственности хорошо разработаны, ее структура довольно понятна и включает в себя: вред (неблагоприятные имущественные последствия для юридического лица); противоправное виновное поведение (недобросовестное или неразумное поведение директора или иного субъекта, нарушающее его обязанности перед юридическим лицом) либо бездействие (незаявление о пропуске исковой давности по требованию, предъявленному к юридическому лицу, неоспаривание невыгодной оспоримой сделки, непредъявление требования к должнику юридического лица и т.п.); причинно-следственная связь между деянием и вредом [2, с. 31].

При этом исследователи отмечают, что российская модель субсидиарной ответственности имеет мало общего с классической моделью субсидиарной ответственности, когда у кредитора наряду с основным должником появляется еще один должник, отвечающий дополнительно [2, с. 40].

Согласно положениям Закона о банкротстве в случае привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности взыскание с контролирующего лица, по общему правилу, происходит в пользу конкурсной массы должника, т.е. обязанность и ответственность контролирующего лица встроены в правоотношение «должник — контролирующее лицо», а не «кредитор должника — контролирующее лицо». Очевидно удвоение терминов, которое ни к чему хорошему, как правило, не приводит [2, с. 41].

Основной, на наш (и не только), проблемой субсидиарной ответственности, как уже неоднократно упоминалось ранее, является то, что субсидиарная ответственность является исключением из принципа ограниченной ответственности юридического лица. Подобная проблема также возникает, например, в США при применении доктрины прокалывания корпоративной вуали.

В литературе это иногда объясняется через действие принципа, согласно которому субъект, принудивший

другое лицо к принятию решения, также должен нести риск возможных негативных последствий [3].

В то же время отмечается, что если исходить из целей, для которых был предназначен рассматриваемый институт (наказать тех, чье виновное поведение привело к банкротству должника [4, с. 200], непосредственно за доведение до банкротства либо за усугубление имущественного состояния должника, приведшее к банкротству), то это ответственность скорее деликтная, из самостоятельного основания, а не возникшая из того же основания, что и ответственность основного должника с возможностью предъявления в субсидиарном порядке требования к контролирующему лицу. Контролирующее лицо здесь отвечает именно в силу того, что в результате его поведения (совершенного им деликта) должник стал неплатежеспособным и не может удовлетворить требования кредиторов.

В этом и заключается основание его ответственности, а не в том, что основное (договорное) обязательство не исполнено либо основной должник совершил деликт и он как второй должник, привлекаемый в субсидиарном порядке, несет ответственность из соответствующего договора, заключенного основным должником, или совершенного им деликта [2, с. 42].

Таким образом, представляется обоснованным вывод, что контролирующее должника лицо должно нести ответственность непосредственно за свои действия, а не за действия должника, что соответствует, скорее, модели деликтной ответственности, а не субсидиарной.

Егоров А. В., Усачева К. А. также отмечают, что субсидиарная ответственность была задумана ее идеологами в качестве дублера деликтной ответственности, но при этом в отличие от последней не имеет наработанных научных и практических критериев применения, из-за чего возможны многочисленные перекосы на практике, поскольку она не имеет возможности опереться на какие-либо исследования и предшествующий опыт. Наука и практика должны быть направлены на то, чтобы минимизировать неблагоприятные последствия такого дублирования, показать участникам оборота, что деликтная ответственность гораздо более выгодна для них со всех точек зрения [2, с. 42].

Также отмечается, что широкое применение субсидиарной ответственности (что очевидно на фоне роста количества подаваемых и удовлетворяемых заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности, расширения презумпций доведения должника до банкротства, использования нестандартных способов доказывания контроля и т.д.) может привести к полному нивелирова-

нию принципа ограниченной ответственности по долгам юридического лица.

Это, в свою очередь, будет означать гибель института юридического лица, о чем уже говорят ученые и судьи высшего уровня¹.

Следующий недостаток российской модели субсидиарной ответственности видится в механизме определения объема ответственности.

В пункте 11 статьи 61.11 Закона о банкротстве закреплено, что размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица равен совокупному размеру требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, а также заявленных после закрытия реестра требований кредиторов и требований кредиторов по текущим платежам, оставшихся не погашенными по причине недостаточности имущества должника.

Анализ указанного положения об определении размера субсидиарной ответственности контролирующего лица позволяет прийти к выводу, что размер ответственности фактически не зависит от вреда и его размера, который причинило должнику контролирующее лицо.

Субсидиарная ответственность фактически сводится к математическому подсчету разницы между активами и пассивами; причем эта разница совершенно необязательно будет равна размеру причиненного конкурсной массе вреда и отклонения возможны в обе стороны [1, с. 12].

В литературе отмечается, что подобный подход к определению размера ответственности может быть более простым, чем при определении размера деликтной ответственности, однако его применение может приводить к несправедливым и необоснованным результатам.

Для иллюстрации данного тезиса Егоров А. В., Усачева К. А. приводят следующий пример [2, с. 43–44].

Допустим, должника размер пассивов, превышающий размер активов, равен 100, но он, пользуясь тем, что кредиторам неизвестна его фактическая неплатежеспособность, и получая новые и новые кредиты, еще как-то функционирует. В этих обстоятельствах контролирующее лицо

¹ См.: выступление С. В. Сарбаша на Диалоге судей высших судов России и Германии 31.05.2012. URL: <http://www.arbitr.ru/press-centr/smi/53589.html>. Об этом выступлении см. также: Плешанова О. Псевдопрецеденты, мнимые добросовестные приобретатели и гибель юридического лица. Российские судьи назвали угрозы праву собственности. URL: http://zakon.ru/Discussions/psevdoprecedenty_mnimye_dobrosove_stnye_priobretateli_i_gibel_yuridicheskogo_lica_rossijskie_sudi_na/3168.

причиняет должнику убытки (выводит активы любым из известных способов) на 30; размер пассивов теперь составляет 130 и вследствие этого должник банкротится. Получается, что на самом деле контролирующее лицо причинило вред на 30 (под вредом понимается, по сути, доведение до банкротства), а к ответственности его привлекают на 130, если подходить к этому вопросу сугубо формально и считать, что размер субсидиарной ответственности контролирующего лица равен разнице между суммой непогашенных требований и суммой, вырученной от реализации имущества должника. Справедливо ли, чтобы в данном случае деликтная ответственность присуждала виновное лицо к уплате 30, а субсидиарная налагала на него выплату 130? Очевидно, что нет.

Для недопущения подобной несправедливости в абзаце 2 пункта 11 статьи 61.11 Закона о банкротстве закреплено, что размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица равен совокупному размеру требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, а также заявленных после закрытия реестра требований кредиторов и требований кредиторов по текущим платежам, оставшихся не погашенными по причине недостаточности имущества должника.

Однако в данном случае очевидно, что, с одной стороны, в Законе о банкротстве имеется отличная от деликтной ответственности модель субсидиарной ответственности, а с другой стороны, применяется та же логика, что и при деликтной ответственности — суду необходимо определить размер вреда, причиненного контролирующим должника лицом.

При этом отмечается, что в таком случае законодатель, не желая далеко уходить от справедливости, задал судам фактически двойную работу, поскольку сначала надо будет определить размер субсидиарной ответственности, затем посчитать размер деликтной ответственности, сравнить их между собой и вывести справедливую цифру [2, с. 44].

Для иллюстрации противоположного подхода, также приводящего к несправедливому результату, исследователи приводят следующий пример.

Допустим, у должника есть активы на 100 и пассивы на 30. Контролирующее лицо выводит все эти активы. В результате применения правил о субсидиарной ответственности мы должны привлечь контролирующее лицо к ответственности в размере 30.

Однако подобный подход также несправедлив, поскольку учитывает интересы только кредиторов должника, но при этом игнорирует интересы, например, иных участников/акционеров должника.

При этом применение субсидиарной ответственности по определению не может учитывать интересы указанных лиц.

С одной стороны, интересы указанных лиц могут быть защищены путем подачи заявления о привлечении виновных лиц к ответственности в виде возмещения убытков.

Однако, с другой стороны, рассмотрение и заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, и заявления о взыскании убытков приведет к фактически «двойной» работе со стороны суда, поскольку цель рассмотрения обоих заявлений будет заключаться в итоговом определении размера вреда, причиненного контролирующим лицом.

Егоров А. В., Усачева К. А. также отмечают, что субсидиарная ответственность при банкротстве не демонстрирует никаких отличий от деликтной ответственности и в том случае, когда в конкурсную массу возвращается какое-либо имущество в результате оспаривания подозрительных сделок, совершенных контролирующим лицом или с его одобрения [2, с. 49].

При деликтной ответственности возвращенные в массу средства уменьшают размер причиненного вреда. При субсидиарной ответственности, будучи активами, они участвуют в подсчете разницы между пассивами и активами. Результат одинаков. Таким образом, нельзя говорить о каком-либо преимуществе субсидиарной ответственности перед деликтной.

В качестве примера можно привести ситуацию, когда, например, после реализации активов должника на сумму 100 и определения размера требований кредиторов на сумму 400 суд удовлетворяет заявление о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности на сумму 300. Однако впоследствии требование одного из кредиторов исключается из реестра (например, в связи с последующим оспариванием сделки). В таком случае возникает необходимость пересмотра судебного акта по требованию о привлечении к субсидиарной ответственности.

По нашему мнению, все вышеуказанные проблемы вызваны тем, что субсидиарная ответственность предполагает, как верно подметили Егоров А. В., Усачева К. А., математический расчет разницы между активами и пассивами должника.

В то же время при определении размера деликтной ответственности какого-либо ограничителя размера ответственности (в отличие от субсидиарной ответственности) не предусмотрено. Наоборот, установление

ограничителя (в виде суммы требований кредиторов) представляется неоправданным и сугубо формальным подходом, не учитывающим, по общему правилу, размер причиненного контролирующим лицом вреда.

При этом необходимо отметить, что зачастую размер вреда, причиненного контролирующим лицом (в том числе из-за действий или бездействия которого должник стал несостоятельным), не соответствует разнице между неудовлетворенными требованиями должника и денежными средствами, полученными в ходе реализации конкурсной массы.

Что касается причинно-следственной связи, то, представляется, что существенные отличия данного элемента в деликтной ответственности и в субсидиарной ответственности отсутствуют.

Главное отличие заключается в том, что при установлении причинно-следственной связи при привлечении лица к деликтной ответственности необходимо доказать связь между противоправным действием или бездействием и негативными имущественными последствиями, вредом.

В случае же с субсидиарной ответственностью причинно-следственная связь устанавливается между действием/бездействием и несостоятельностью должника.

Как было указано ранее, причинно-следственная связь доказывается путем использования закрепленных в Законе о банкротстве презумпций.

При этом мотивы включения в Закон о банкротстве некоторых презумпций являются неочевидными, поскольку некоторые из обстоятельств, закрепленных в презумпциях, с большим трудом могут служить причиной банкротства должника.

Как уже также было отмечено ранее, субсидиарная ответственность должна применяться в исключительных случаях и при доказанности всех элементов.

Однако указанные элементы совпадают с элементами деликтной ответственности, что вновь ставит вопрос об оправданности использования двух фактически дублирующих друг друга правовых институтов.

Необходимо отметить, что причинная связь имеет значение не только в вопросах выяснения оснований субсидиарной ответственности контролирующих лиц, но и в расчете размера субсидиарной ответственности [2, с. 55].

Например, при привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности в связи с доказанно-

стью доведения должника банкротства действиями контролирующего лица может возникнуть вопрос о размере ответственности, связанный с тем, например, что конкурсный управляющий реализовал имущество должника по заниженной цене.

Очевидно, что подобные вопросы и проблемы отсутствуют при привлечении лиц к деликтной ответственности.

Что касается элемента вины, то необходимо отметить, что в соответствии со статьей 61.11 Закона о банкротстве контролирующее лицо подлежит привлечению к субсидиарной ответственности, если должник признан банкротом по вине контролирующего лица.

Это правило может быть объяснено тем, что вина для частноправовых отраслей права определяется не через психическое отношение лица к содеянному, как в публичном праве, а через сравнение поведения причинителя с поведением нормального, обычного добросовестного и разумного субъекта оборота, и по общему правилу такое нормальное поведение предполагается (статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации) [2, с. 55].

В пункте 10 статьи 61.11 Закона о банкротстве закреплено, что контролирующее должника лицо, вследствие действий и (или) бездействия которого невозможно полностью погасить требования кредиторов, не несет субсидиарной ответственности, если докажет, что его вина в невозможности полного погашения требований кредиторов отсутствует.

Такое лицо не подлежит привлечению к субсидиарной ответственности, если оно действовало согласно обычным условиям гражданского оборота, добросовестно и разумно в интересах должника, его учредителей (участников), не нарушая при этом имущественные права кредиторов, и если докажет, что его действия совершены для предотвращения еще большего ущерба интересам кредиторов.

Очевидно, что и данный элемент субсидиарной ответственности фактически не отличается от элемента вины, используемого в деликтной ответственности.

Таким образом, действующая модель субсидиарной ответственности в Российской Федерации, по меткому выражению Егорова А. В., Усачевой К. А., является дублем деликтной ответственности [2, с. 47].

Фактически деликтная ответственность и субсидиарная ответственность предусматривают наличие одних и тех же элементов, преследуют одни и те же (или схожие) цели.

В то же время деликтная ответственность лишена рассмотренных недостатков субсидиарной ответственности, в связи с чем представляется обоснованным отказ от мо-

дели субсидиарной ответственности в пользу деликтной ответственности с наделением кредиторов права требования взыскания убытков с контролирующих должника лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егоров А. В. Арбитражная практика не смогла разрешить все проблемы действовавшего законодательства о банкротстве // Корпоративный юрист. 2009. № 4.
2. Егоров А. В., Усачева К. А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства — неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова / А. В. Егоров, К. А. Усачева // Вестник ВАС РФ. — 2013. — № 12.
3. Козлова Н. В. Сущность юридического лица и современный правопорядок // Проблемы развития частного права: Сб. ст. к юбилею В. С. Ема / Отв. ред. Е. А. Суханов, Н. В. Козлова. М., 2011 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Кулагин М. И. Избранные труды по акционерному и торговому праву / М. И. Кулагин. — 2-е изд., испр. — М.: Статут, 2004.

© Галустян Алексей Арсенович (galustyan_alexey@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский Университет Дружбы Народов

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ: СЛОЖНОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОСТАВА

MUNICIPALITIES: THE DIFFICULTIES OF CLASSIFICATION AND DETERMINATION OF CONSISTENCY

**F. Daova
I. Nakhushева
T. Tsoloev**

Summary. The article is devoted to the problem of classification and determination of territory of municipalities in accordance with the Federal Law «On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation» of October 6, 2003 № 131. Each type of municipality is viewed and analyzed by consistency. The current two-level system of territorial organization of local self-government is also analyzed. The article explains and clarifies the distribution of the types of municipalities at the appropriate levels. The latest novelties of legislation in this area are highlighted.

Keywords: local self-government, municipality, rural settlement, urban settlement, municipal district, urban district, urban district with intracity division, intracity district, intracity territory of a city of federal significance.

Даова Фатима Хазреталиевна

Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х. М. Бербекова (г. Нальчик)

Нахушева Инара Руслановна

Старший преподаватель, Кабардино-Балкарский
государственный университет им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

inara.nakhush@bk.ru

Цолоев Тамерлан Султанович

Д.и.н., профессор, Кабардино-Балкарский
государственный университет им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

Аннотация. Статья посвящена проблеме классификации и определения состава муниципальных образований согласно Федеральному Закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 6 ноября 2003 года № 131-ФЗ. Рассматривается и разбирается по составу каждый вид муниципального образования. Анализируется ныне существующая двухуровневая система территориальной организации местного самоуправления. Объясняется и уточняется распределение видов муниципальных образований по соответствующим уровням. Освещаются последние новеллы законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальное образование, сельское поселение, городское поселение, муниципальный район, городской округ, городской округ с внутригородским делением, внутригородской район, внутригородская территория города федерального значения.

Любая форма публичной власти, государственной или муниципальной, привязана к определенной территории с установленными границами и обозначенным делением. Невозможно вести разговор о местном самоуправлении в отрыве от той местности, в пределах которой оно осуществляется. В зависимости от вида этой территории и плотности населения определяется статус муниципального образования. Способ территориальной организации местного самоуправления напрямую влияет на определение вопросов местного значения, объем и характер полномочий органов местного самоуправления, экономическую основу и даже на формы осуществления народовластия на локальном уровне. Поэтому закрепление четкого территориального состава, его ключевых критериев и юридического статуса территории местного самоуправления — первоочередная задача для муниципального права.

В целях обеспечения самостоятельности и повышения эффективности местного самоуправления Конституция РФ и федеральное законодательство определяют территориальные основы его организации и деятель-

ности в соответствии с принципом территориального верховенства, действующим в пределах границ муниципальных образований [1, с. 111].

Конституция Российской Федерации не содержит определения муниципального образования, а лишь указывает на то, что местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций [2]. Она, в отличие от Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 N131-ФЗ (Далее — Федеральный закон № 131), не содержит и исчерпывающего перечня видов муниципальных образований.

Федеральный закон № 131 расширяет и уточняет положения Конституции. Он раскрывает понятие муниципального образования и определяет территориальный состав каждого из его видов. Согласно этому закону, муниципальное образование — городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ, го-

родской округ с внутригородским делением, внутригородской район либо внутригородская территория города федерального значения [3].

Приведенное определение сводится к перечислению семи видов муниципальных образований. Из него можно заключить, что любая иная территория, не приведенная в этом перечне, не является муниципальным образованием и не обладает его статусом. Очевидный плюс такого подхода заключается в том, что с его помощью можно четко разграничить муниципально-территориальное устройство и административно-территориальное деление, что, в свою очередь, помогает избежать серьезной путаницы.

Таким образом, Федеральный закон № 131 выработал очень простой принцип определения статуса территории. Существует четкий перечень. То, что не относится к нему, является не муниципальным образованием, а административно-территориальной единицей. Даже если территория муниципального образования и административно-территориальной единицы совпадают, как правило, одно от другого можно отличить по названию. Например, «городской округ Прохладный» (в Кабардино-Балкарской Республике) — это муниципальное образование с соответствующим статусом (т.к. такой вид муниципального образования предусмотрен Федеральным законом № 131). Эта же территория может быть представлена как административно-территориальная единица, но в таком случае будет обозначена как «город (республиканского значения) Прохладный».

Для сравнения будет уместно вспомнить другое определение муниципального образования — из утратившего силу Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28.08.1995 № 154-ФЗ. По нему, муниципальное образование — городское, сельское поселение, несколько поселений, объединенных общей территорией, часть поселения, иная населенная территория, предусмотренная настоящим Федеральным законом, в пределах которых осуществляется местное самоуправление, имеются муниципальная собственность, местный бюджет и выборные органы местного самоуправления [4]. Нетрудно заметить, что подобный подход не дает того понятного разграничения, которое появилось в последующем в Федеральном законе № 131.

Утративший силу закон практически дублировал положение Конституции, указывая на то, что местное самоуправление осуществляется на всей территории Российской Федерации в городских, сельских поселениях и на иных территориях. Территории муниципальных образований — городов, поселков, станиц, районов (уез-

дов), сельских округов (волостей, сельсоветов) и других муниципальных образований — устанавливались в соответствии с федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации с учетом исторических и иных местных традиций [Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28.08.1995 N154-ФЗ].

У каждого из двух приведенных подходов есть свои достоинства и недостатки. Как говорилось выше, Федеральный закон № 131 при определении муниципального образования ограничивается перечислением конкретных видов муниципальных образований. И, несмотря на то, что такой подход обоснован размытостью предыдущего определения, многие ученые-юристы сходятся на том, что его главный минус как раз в излишней конкретизации и сужении самостоятельности субъектов при определении территориальной организации местного самоуправления.

Если мы возьмемся оценивать, какой из этих подходов лучше — нынешний конкретизированный или предыдущий, ориентированный на большую автономию субъектов — важно будет отметить, что нельзя оценивать нормы законодательства в отрыве от самих условий осуществления местного самоуправления. Другими словами, мы не можем рассматривать эту проблему исключительно с точки зрения теории права. С развитием самого института территориальных основ местного самоуправления, вероятно, можно будет говорить о каком-то комбинированном подходе, не исключающем ни автономии воли субъектов, ни необходимой конкретики.

Рассмотрим сами виды муниципальных образований, взяв за основу ныне действующий Федеральный закон № 131. Помимо того, что этот закон дает строгий перечень муниципальных образований, он еще раскрывает их территориальный состав.

Итак, в соответствии со ст. 2 Федерального закона № 131 в Российской Федерации на сегодняшний день существуют 7 видов муниципальных образований:

1. Сельское поселение;
2. Городское поселение;
3. Муниципальный район;
4. Городской округ;
5. Городской округ с внутригородским делением;
6. Внутригородской район;
7. Внутригородская территория города федерального значения.

По сути, то определение, которое дается каждому из видов муниципальных образований Федеральным законом № 131 отражает его территориальный состав (см. Таблицу 1 — [ФЗ «Об общих принципах организации

Таблица 1. Виды муниципальных образований и их состав

№	Название (вид) муниципального образования		Территориальный состав муниципального образования
	Первый уровень		
1	Сельское поселение		один или несколько объединенных общей территорией сельских населенных пунктов (поселков, сел, станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов и других сельских населенных пунктов)
2	Городское поселение		город или поселок
3	Внутригородской район		внутригородское муниципальное образование на части территории городского округа с внутригородским делением
Одноуровневые муниципальные образования			
4	Городской округ		один или несколько объединенных общей территорией населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями
5	Внутригородская территория (внутригородское муниципальное образование) города федерального значения		часть территории города федерального значения
Второй уровень			
6	Муниципальный район		несколько поселений или поселений и межселенных территорий, объединенных общей территорией
7	Городской округ с внутригородским делением		городской округ, в котором в соответствии с законом субъекта Российской Федерации образованы внутригородские районы как внутригородские муниципальные образования

местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 N131-ФЗ)].

Приведенная таблица требует пояснений. Помимо прочего, в ней отражены два уровня организации местного самоуправления. Собственно, эта двухуровневая модель является ключевой новеллой Федерального закона № 131. Причем, в самом законе нет непосредственного и дословного указания на то, что в Российской Федерации местное самоуправление территориально осуществляется на двух уровнях. Раз нет подобного указания, нет и четкого распределения видов муниципальных образований по каждому из уровней — это уже задача науки и теории муниципального права.

В таком случае, откуда был сделан вывод о двухуровневой модели территориальной организации? И зачем ее выделяют? Ответ прост. Во-первых, хотя сам Федеральный закон № 131 и не выделяет первый и второй уровни, он закрепляет состав каждого вида муниципального образования. Разбирая эти составы, мы наблюдаем, что есть муниципальные образования, включающие в себя другие, и есть муниципальные образования, входящие в состав других. Вывод о существовании двухуровневой модели напрашивается сам собой. Другими словами, закон напрямую не закрепляет и не раскрывает два конкретных уровня территориальной организации местного самоуправления, но предполагает их. Во-вторых, выделение этих уровней необходимо для понимания природы территориальной организации местного самоуправления и ее корректной правовой регламентации.

Так, первый уровень территориальной организации местного самоуправления представлен сельскими поселениями, городскими поселениями и внутригородскими районами городского округа с внутригородским делением. Муниципальные образования первого уровня могут далее не делиться на другие территории или делиться на административно-территориальные единицы (т.е. включать в себя населенные пункты, не обладающие статусом муниципального образования).

Ко второму уровню относятся такие муниципальные образования, как муниципальный район и городской округ с внутригородским делением. Эти муниципальные образования включают в себя другие. Но не с целью подчинения, а с целью решения межмуниципальных вопросов и координирования деятельности в интересах входящих в состав муниципальных образований. Ни одно муниципальное образование не может подчинять другое, каждое из них абсолютно самостоятельно в решении собственных вопросов.

Под **сельским поселением** Федеральный закон № 131 подразумевает одно или несколько объединенных общей территорией сельских населенных пунктов (поселков, сел, станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов и других сельских населенных пунктов), в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления [ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 N131-ФЗ]. Таким образом,

формально-юридическими признаками сельского поселения являются: многообразие видов сельских населенных пунктов и наличие у них общей территории; поселенческий признак; наличие форм прямой и представительной демократии.

Городское поселение определяется как город или поселок, в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления [ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 N131-ФЗ]. Принципиальным же различием в статусе городских и сельских поселений является существенное сокращение количества вопросов местного значения для сельских поселений (практически в три раза).

Муниципальный район — несколько поселений или поселений и межселенных территорий¹, объединенных общей территорией, в границах которой местное самоуправление осуществляется в целях решения вопросов местного значения межпоселенческого характера населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления, которые могут осуществлять отдельные государственные полномочия, передаваемые органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации [ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 N131-ФЗ]. Следовательно, **муниципальный район** является муниципальным образованием второго уровня (состоит из городских и сельских поселений) и формируется с целью решения межпоселенческих вопросов и осуществления отдельных государственных полномочий. Так же, как и в предыдущих случаях, местное самоуправление в муниципальном районе осуществляется населением непосредственно или через соответствующие органы.

Существенные изменения были внесены в закон относительно такого вида муниципального образования как городской округ. В 2014 году были введены два новых вида муниципальных образований: городской округ с внутригородским делением и внутригородской район. И к существовавшим ранее пяти видам присоединились еще два. Таким образом, с учетом нововведений, сегодня в Российской Федерации существует ровно семь видов муниципальных образований.

¹ Межселенная территория — территория, находящаяся вне границ поселений [ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 N131-ФЗ]. Не является муниципальным образованием, находится между поселениями и вместе с ними образует общую территорию муниципального образования.

Городской округ с внутригородским делением определяется как городской округ, в котором в соответствии с законом субъекта Российской Федерации образованы внутригородские районы как внутригородские муниципальные образования. Соответственно, **внутригородской район** — внутригородское муниципальное образование на части территории городского округа с внутригородским делением, в границах которой местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления. Критерии для деления городских округов с внутригородским делением на внутригородские районы устанавливаются законами субъекта Российской Федерации и уставом городского округа с внутригородским делением [ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 N131-ФЗ]. Следовательно, городской округ с внутригородским делением является двухуровневым муниципальным образованием, образуемым по аналогии с муниципальным районом, только вместо городских и сельских поселений включает в себя внутригородские районы.

Что касается городского округа и внутригородской территории города федерального значения, то здесь существует некий диссонанс, поскольку они по различному набору признаков приравниваются как к первому, так и ко второму уровню. Отнесение этих муниципальных образований к какому либо из уровней возможно только с некоторыми оговорками. Можно сказать, что они находятся между первым и вторым уровнями. Но целесообразнее, на наш взгляд, выделить их как особую категорию муниципальных образований в силу своей специфики.

Рассмотрим эту проблему подробнее.

С учетом изменений, внесенных в закон в 2017 году, **городской округ** определяется как один или несколько объединенных общей территорией населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями, в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления, которые могут осуществлять отдельные государственные полномочия, передаваемые органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации [ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 N131-ФЗ]. С одной стороны, городской округ не включает в себя территорий, наделенных статусом муниципального образования, и по этому критерию приближен к первому уровню. Но, с другой стороны, в отличие от поселений и внутригородских районов, городские округа не входят в состав муниципальных

образований второго уровня, а вместе с ними делят территорию субъекта страны. С этой позиции городские округа ближе ко второму уровню. Некоторые правоведы, объясняя природу городских округов, утверждают, что их можно представить как переходное звено между городским поселением и муниципальным районом.

Из перечисленного выше следует вывод: городской округ — это одноуровневое городское поселение, которое не входит в состав муниципального района и не содержит на своей территории иных муниципальных образований.

Под **внутригородской территорией (внутригородским муниципальным образованием) города федерального значения** Федеральный закон № 131 понимает часть территории города федерального значения, в границах которой местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления. Исходя из этой формулировки, можно предположить, что по статусу внутригородская территория города федерального значения приближена к поселенческому (первому) уровню. Уточнения относительно состава этих муниципальных образований в приведенном определении не содержится.

На города федерального значения не распространяется общая классификация муниципальных образований: любое муниципальное образование, расположенное на территории Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя является внутригородской территорией, а не поселением или муниципальным районом. Специфика организации местного самоуправления в городах федерального значения заключается также в том, что перечень вопросов местного значения, источники доходов местных бюджетов внутригородских муниципальных образований определяются законами субъектов Российской Федерации (а не Федеральным законом № 131) — городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя исходя из необходимости сохранения единства городского хозяйства, что не свойственно остальным муниципальным образованиям.

Можно привести классификацию С.Е. Чаннова в качестве относительно оптимальной и исключающей некоторые противоречия. Помимо муниципальных образований первого и второго уровней, он выделяет и так называемые одноуровневые муниципальные образования. К муниципальным образованиям первого уровня по этой логике относятся сельские и городские поселения, а также внутригородские районы. Муниципальные районы и городские округа с внутригородским делением представляют второй уровень, т.к. состоят

из элементов первого уровня. Из этой системы выведены одноуровневые муниципальные образования. К ним относятся городские округа и внутригородская территория городов федерального значения. Эти территории не делятся на муниципальные образования и не входят в состав более крупных муниципальных образований, они существуют обособленно [5, с. 76].

Приведенная классификация, тем не менее, не является неоспоримой. Например, может возникнуть вопрос: а разве поселения и внутригородские районы не являются по своим признакам такими же одноуровневыми муниципальными образованиями? Не будет ли более целесообразным делить муниципальные образования на одноуровневые и двухуровневые? Ведь на основе действующего законодательства довольно сложно взять семь видов муниципальных образований и распределить их по двум уровням. Может, вместо того, чтобы вписывать виды в столь сложную модель, достаточно будет охарактеризовать то или иное муниципальное образование по сложности состава — одноуровневое или двухуровневое?

Проблема классификации муниципальных образований и определения их территориального состава, безусловно, сложный вопрос. Этот институт муниципального права очень гибок и динамичен в своем развитии. Но определенный прогресс наблюдаются — по крайней мере, в сфере конкретизации положений закона.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что муниципальные образования — это территориальные формирования, в пределах которых осуществляется местное самоуправление. Это административно-территориальные единицы наделенные статусом муниципального образования. Им присущ ряд принципиально важных отличительных признаков: наличие муниципальных органов публичной власти, муниципальной собственности и местного бюджета, системы нормативных актов, социально-технической инфраструктуры. Перечень видов муниципальных образований и их состав закреплены в Федеральном законе № 131. В научной литературе общепризнанным подходом является классификация муниципальных образований по этим видам. Но, помимо вышеперечисленных, некоторые ученые относят к муниципальным образованиям закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО), наукограды, инновационный центр «Сколково» и другие территории. Обосновывается такая позиция тем, что Федеральный закон № 131 определяет ЗАТО и наукограды как городские округа. С другой стороны, ни ЗАТО, ни наукограды, ни другие территориальные формирования (помимо вышеперечисленных семи видов) не приведены в законодательном определении. На наш взгляд, в данном случае следовало бы говорить не о специальном виде

муниципального образования, а об особенностях организации местного самоуправления на этих территориях.

Разнообразие муниципальных образований тесно сопряжено с различием природных, исторических, социально-демографических и других факторов, обуславливающих обособленность и структуру этих территорий. Так, одна часть муниципальных образований, несмотря на тенденцию к размыванию границ между смежными территориями, стремится сохранить свои границы с целью недопущения утраты социокультурной и исторической самобытности. Другая часть муниципальных образований обособлена по национальному принципу, способствуя объединению на данной территории представителей определенной национальности или куль-

туры. Такое обособление позволяет жителям не только сохранять традиции и культуру, но и эффективнее защищать свои экономические и социальные интересы.

Релевантность рассматриваемого вопроса диктуется тем, что муниципальные образования являются ключевым элементом системы общества, поскольку они решают политические, экономические, социальные и иные вопросы местного значения. И, соответственно, для того, чтобы муниципалитеты не стали еще одной «бюрократической корпорацией», а существовали как рабочая форма местного самоуправления, необходимо минимизировать существующие пробелы и коллизии и встать на путь эффективного совершенствования действующей законодательной базы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Овчинников, И. И. Муниципальное право: учебник и практикум для академического бакалавриата / И. И. Овчинников, А. Н. Писарев. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 361 с.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=2875&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.8720615884145637#006571694152046748> (дата обращения: 03.01.2019)
3. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 N131-ФЗ (ред. от 27.12.2018) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=315076&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.03342530781229458#023019495551870817> (дата обращения: 03.01.2019)
4. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28.08.1995 N154-ФЗ (ред. от 21.07.2005) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=54553&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.3989798140216001#017389886716297442> (дата обращения: 17.11.2018).
5. Чаннов, С. Е. Муниципальное право: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / С. Е. Чаннов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 302 с.

© Даова Фатима Хазреталиевна, Нахушева Инара Руслановна, Цолоев Тамерлан Султанович (inara.nakhush@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова

ГУМАНИЗАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ИНОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Жарков Олег Вадимович

Адъюнкт, Нижегородская академия МВД России
ozarkov78@mail.ru

HUMANIZATION OF THE DOMESTIC CRIMINAL AND CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION IN THE FIELD OF ECONOMIC AND OTHER BUSINESS ACTIVITIES

O. Zharkov

Summary. In this article discusses the possibility of stopping criminal prosecution and exemption from criminal liability, as a criminal procedural defense mechanism for doing business, as well as the entrepreneurs in modern Russia. The author draws attention to main changes in the criminal procedural legislation aimed at protecting entrepreneurs from unreasonable and illegal criminal prosecution.

Keywords: criminal prosecution, unjustified criminal prosecution, termination of criminal prosecution, reducing the risks of doing business in the field of entrepreneurship, Criminal Code, Code of Criminal Procedure, economic crimes....

Аннотация. В данной статье рассматривается возможность прекращения уголовного преследования и освобождение от уголовной ответственности, как уголовно-процессуальный механизм обеспечения защиты ведения экономической деятельности, а также и самих субъектов предпринимательства в современной России. Автор обращает внимание на основные изменения в уголовно-процессуальном законодательстве, направленные на защиту предпринимателей от необоснованного, незаконного уголовного преследования.

Ключевые слова: привлечение к уголовной ответственности, необоснованное уголовное преследование, прекращение уголовного преследования, сокращение рисков ведения деятельности в сфере предпринимательства, декриминализация, уголовный кодекс, уголовно-процессуальный кодекс, преступления в сфере экономики....

Современная государственная политика, проводимая в Российской Федерации, направлена на декриминализацию (гуманизацию) Уголовного законодательства в сфере экономической и иной предпринимательской деятельности [1], в том числе на защиту от необоснованного уголовного преследования предпринимателей, в связи с осуществлением ими экономической, предпринимательской деятельности.

Уже вступил в действие Федеральный закон от 27 декабря 2018 года № 533-ФЗ «О внесении изменений в ст. 76.1 и ст. 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [2]. Инициатива изменений исходила от Президента Российской Федерации В.В. Путина, направлена на дальнейшее формирование благоприятного делового климата, сокращение рисков ведения деятельности в сфере предпринимательства, на создание дополнительных гарантий защиты как непосредственно лиц, занимающихся предпринимательством, так и на за-

щиту бизнеса в целом. Данная инициатива президента нашла активную поддержку у законодателя. Так, по мнению председателя Государственной Думы Российской Федерации В.В. Володина: «...закон направлен на создание дополнительных гарантий защиты бизнеса...» [3].

В соответствии с данным законом, уголовные дела, в случае возмещения причиненного преступлением гражданину, организации либо государству ущерба будут прекращаться. Это касается мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности; преступлений небольшой тяжести, связанных с мошенничеством в сферах кредитования, страхования, компьютерной информации, с использованием электронных средств платежа, при получении выплат; преступлений небольшой тяжести, сопряженных с нарушением авторства и плагиатом, с нарушением изобретательских и патентных прав; преступлений небольшой тяжести, связанных с причинением имущественного

ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, связанных с присвоением или растратой; преступлений, связанных с невыплатой зарплаты, пенсий, стипендий, пособий или иных выплат. Если лицо, впервые совершившее такое преступление возместило причиненный ущерб полностью (погасило образовавшуюся просроченную задолженность по зарплате, пенсии, стипендии, пособий или иных выплат), выплатило соответствующую компенсацию, то оно освобождается от уголовной ответственности. В свою очередь, были внесены поправки в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, расширяющие перечень уголовных дел частного-публичного обвинения (когда уголовное дело возбуждается исключительно по заявлению потерпевшего и не подлежит прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым). Включены в этот перечень уголовные дела о преступлениях, затрагивающих интересы только потерпевших, без причинения ущерба интересам третьих лиц или государственным интересам (незаконное получение кредитов, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, злостное уклонение от раскрытия, предоставления информации о ценных бумагах, незаконное использование средств индивидуализации товаров, услуг, работ, злоупотребление полномочиями, необоснованный отказ в приеме на работу, преступления связанные с необоснованным увольнением лиц предпенсионного возраста.

Данным правовым актом внесены изменения в уголовное законодательство, позволяющие избежать уголовной ответственности лицам, впервые совершившим преступление, предусмотренное частями первой и второй статьи 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, в случае погашения в течение двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела, в полном объеме задолженности по выплате заработной платы, пенсии, стипендии, пособия и иной установленной законом выплате, а также уплате процентов (денежной компенсации), в порядке определяемом законодательством Российской Федерации, в случае если в его действиях не содержится иного состава преступления. Также внесены изменения в части возбуждения уголовных дел частного-публичного обвинения, которые возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя, но прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым, не подлежат. К такого рода делам относятся преступления в сфере экономики, предусмотренные статьями: 159 частями первой-четвертой, 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165, 176 частью первой, 177, 180, 185.1, 201 частью первой Уголовного кодекса Российской Федерации, в случае если они совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением, принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предприни-

мательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией, либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности. К уголовным делам частного-публичного обвинения не могут быть отнесены уголовные дела о преступлениях в сфере экономики, предусмотренных статьями 159–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165, 176 частью первой, 177, 180, 185.1, 201 частью первой Уголовного кодекса Российской Федерации. В случаях если преступлением причинен вред интересам государственного или муниципального унитарного предприятия, государственной корпорации, государственной компании, коммерческой организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования, либо если предметом преступления явилось государственное или муниципальное имущество. Не может быть применена в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159 частями первой-четвертой, 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 и 201 Уголовного кодекса Российской Федерации, мера пресечения — заключение под стражу, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также и статьями 159 частями пятой-седьмой, 171, 171.1, 171.3–172.2, 173.1–174.1, 176–178, 180, 181, 183, 185–185.4, 190–199.4 Уголовного кодекса Российской Федерации. Настоящий закон позволяет не допускать необоснованного применения уголовно-процессуальных мер, которые могут привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, в том числе не допускается необоснованное изъятие электронных носителей информации, кроме случаев вынесения постановления о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации, либо изъятие электронных носителей информации производимое на основании судебного решения, либо в случае, если на носителе содержится информация полномочиями на хранение, использование которой владеющий электронным носителем информации не обладает, либо, в равной степени, информация может быть использована для совершения новых преступлений, также и копирование которой может повлечь за собой ее утрату или изменение.

Таким образом, предполагается направить острие уголовной репрессии против наиболее опасных преступников, совершивших преступления с отягчающими обстоятельствами. При этом, в отношении лиц совершивших преступления небольшой и средней тяжести, правоприменительные органы должны проявлять гибкость в выборе уголовно-процессуальных мер правового реагирования, в том числе решать основной

вопрос уголовного дела, в направлении возмещения вреда, реализации концепции отказа от лишения свободы за преступления в сфере экономической и иной предпринимательской деятельности. Преступления небольшой тяжести, в сфере экономической деятельности, фактически признаны уголовным проступком. Для лиц, совершивших его впервые, расширен перечень оснований для освобождения от уголовного наказания, при возмещении потерпевшей стороне ущерба, заглаживании причиненного вреда, выплате штрафа, а само освобождение от уголовного наказания, не составляет дискрецию правоприменителя, являясь обязательным, оставляя возможность ведения законной предпринимательской деятельности.

Такая модернизация механизма применения уголовно-процессуальных норм,

направлена не только на восстановление социальной справедливости, но и на предотвращение совершения новых преступлений, что, безусловно является целью уголовного закона. Активные шаги, направленные на эффективное решение задач государственной экономической политики, предпринимаются законодателем, на протяжении последних нескольких лет. Так 20 декабря 2016 года вступил в силу Федеральный закон от 19.12.2016 № 436-ФЗ «О внесении изменений в статью 299 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [4], ужесточающий наказание за возбуждение уголовного дела в отношении заведомо невиновного, если целью было помешать бизнесу или он в итоге прекратил работу. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» [5], четко обозначена позиция Верховного Суда Российской Федерации в решении возникающих вопросов у судов при применении законодательства регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, утверждена единая цель обеспечения единства судебной практики, для исключения возможности использования уголовного преследования в качестве средств давления на предпринимательские структуры и решения споров хозяйствующих субъектов, ограждения их от необоснованного привлечения к уголовной ответственности предпринимателей за неисполнение ими договорных обязательств в тех случаях, когда оно обусловлено обычными предпринимательскими рисками. Обращается особое внимание на неукоснительное соблюдение норм, предусмотренных статьями 159–159.3, 159.5,

159.6, 160, 165 Уголовного кодекса Российской Федерации (если преступление совершено в сфере предпринимательской деятельности), статьями 170.2, 171–174, 174.1, 176–178, 180–183, 185–185.4, частью первой статьи 185.6, статьями 190–199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, на соблюдение особенностей уголовного судопроизводства, касающегося, в частности, порядка рассмотрения сообщения о преступлении (части 7–9 статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), возбуждения уголовного дела (часть 3 статьи 20, часть 1.2 статьи 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), признания предметов и документов вещественными доказательствами (статья 81.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), применения меры пресечения в виде заключения под стражу (часть 1.1 статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), особенности освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования (статья 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, статья 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), как при осуществлении судом полномочий в досудебном производстве по уголовным делам, так и на всех стадиях рассмотрения дел судами первой и вышестоящих инстанций.

Вводимые изменения в законодательство, безусловно призваны минимизировать необоснованное преследование бизнеса от лица государства со стороны уполномоченных лиц по «предпринимательским статьям», а также обусловлены необходимостью пресечь стремление сотрудников силовых структур к «хорошим» статистическим показателям. 20 февраля 2019 года, в своем послании к Федеральному собранию Российской Федерации, В.В. Путин особо сосредоточил внимание на значимости, для дальнейшего развития нашей страны, пересмотра критериев уголовного преследования бизнеса: «...нам нужно избавиться от всего, что ограничивает свободу и инициативу предпринимательства. Добросовестный бизнес не должен постоянно ходить под статьей, постоянно чувствовать риск уголовного или даже административного наказания.», «...при расследовании так называемых экономических уголовных дел нужно жёстко ограничивать поводы раз за разом продлевать сроки содержания под стражей.» [6].

В настоящее время, не смотря на уже проведенные изменения, как в Уголовном кодексе Российской Федерации, так и в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, все еще сохраняется осязаемый научный и практический интерес к вопросам совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации в сфере экономики, а также правоприменения, в сторону обеспечения защиты предпринимательства от незаконного уголовного преследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власова С. В. Уголовно-процессуальный механизм применения уголовного закона // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы шестнадцатой международной научно-практической конференции / под ред. Ю. В. Анохина. — Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. — Ч. 1. — 314 с. — С. 115–116.
2. <https://rg.ru>>2018/12/29>>fz-533-dok>
3. <https://duma.gov.ru/news/28967>
4. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LOW_209011
5. <https://rg.ru>>2016/11/24>>postanovlenie-vs-dok.html>
6. <https://kremlin.ru/events/president/news/59863>

© Жарков Олег Вадимович (ozarkov78@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОДВИЖЕНИЯ В ТУРИЗМЕ¹

SOME ASPECTS OF THE TOURISM PROMOTION SYSTEM LEGAL REGULATION

V. Zolotovskiy

Summary. The paper reveals the problems of tourism promotion system legal regulation, and the main legal methods and means of regulation and their legal nature, specific characteristics of the tourism activity, which form the corresponding legal policy. Identified the prospective forms of offline and online tourism promotion, disclosed the specifics of the object and subject, and the priority directions of the tourism promotion legal regulation. In view the complex nature of the tourist product in terms of regulation of promotion, the author disclosed issues of regulation of means of individualization and security of the service, determined the specifics of the law regulation of promotion depending on the channel, form, means and potential audience of impact. The author have founded that the regulation of tourism promotion relations are conditioned by specific consumer characteristics of a tourist product (both a commercial and as a product of tourism destination), and has a complex and unorganized character.

Keywords: legal regulation, social and cultural services (service), tourism promotion, communication, advertising, PR, personal sales, sale promotion, scientific analysis.

Золотовский Владимир Алексеевич
ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный
университет»
zolotovskiy.azi@volsu.ru

Аннотация. В рамках раскрытия специфики правового регулирования продвижения в туризме определены основные правовые способы и средства регулирования, и их правовая природа, выявлены специфические характеристики деятельности в сфере туризма, формирующие соответствующую правовую политику. Определены перспективные формы offline и online продвижения в туризме, раскрыта специфика объекта и предмета, приоритетные направления правового регулирования продвижения в туризме. Учитывая сложный комплексный характер туристского продукта в аспекте регулирования продвижения, автором раскрыты вопросы регулирования средств индивидуализации и безопасности услуги, определена специфика нормативного регулирования продвижения в зависимости от канала, формы, средства и потенциальной аудитории воздействия. Было установлено, регулирование отношений по вопросам продвижения в туризме, в силу специфических потребительских признаков туристского продукта (как коммерческого, так и продукта территории), имеет сложный и неорганизованный характер.

Ключевые слова: правовое регулирование в туризме, маркетинговые технологии, продвижение в туризме, цифровые технологии в туризме.

Современная туристская индустрия является одной из самых высокодоходных отраслей в мировой экономике. Показатели динамики роста доходности туризма опережают показатели динамики роста дохода в других отраслях. Глобальный характер туризма подчеркивается вовлечением в него ежегодно одного млн. человек и возрастающей в этой удельной доли туризма в мировой экономике, вызывают повышенное внимание бизнеса, международных туристских организаций и национальных туристских администраций. По прогнозам ЮНВТО, обозначенным на 19 сессии Генеральной Ассамблеи в 2011 г., к 2030 ежегодное туристское прибытие в рамках международного туризма составит порядка 1,8 млрд. человек [71, р. 5].

Такие прогнозы усиливают важное стратегическое значение туризма в мировой и российской экономике (данные по валовому доходу от туризма). Глобальное значение туризма для экономики подчеркивается тем, что, учитывая вспомогательный счет туризма, экономика туризма составляет порядка 10% глобального ВВП, формируя 8,7% полной занятости населения [48].

В борьбе за первенство на туристском рынке особую актуальность приобретает проблема продвижения туристского продукта. Для привлечения внимания потенциального потребителя к туристским услугам в современных цифровых условиях роста глобального туристского рынка требуется системная совокупность средств и методов

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 18-413-342003

продвижения, создаваемая и координируемая не только коммерческими участниками туристских отношений (или их объединениями), но и государственными и местными туристскими администрациями как институциональными структурами, действующими на постоянной основе, обладающими властными компетенциями, прогнозируемым и планируемым бюджетом. Учитывая материальные, финансовые и людские ресурсы необходимые для систематической работы по продвижению туристского продукта государство выступает в роли одного из ключевых участников отношений, усиливая деятельность по популяризации туристских ресурсов как в международном информационном пространстве, так и внутри страны.

Вместе с тем, под влиянием коммерциализации сферы туризма, государство выступает лишь одним из регуляторов. Коммерческие субъекты посредством профессиональных объединений / ассоциаций в туризме также участвуют в определении требований и правил к производству и оказанию услуг.

Расширение объема информационной среды, а также как следствие увеличение потребительской аудитории, первичного и вторичного рода, включая детско-юношескую группу, актуализирует вопрос правового регулирования форм продвижения в приоритетной сфере.

Обращаясь к изученности вопроса правового регулирования продвижения, следует отметить эпизодичность внимания научного сообщества к теме, в контексте изысканий по общим вопросам правового регулирования в туризме.

Попытки рассмотреть правовое регулирование продвижения в туризме в самостоятельном и специальном ракурсе крайне эпизодичны и носят первичный характер. Например, Д.А. Асташенко, заостряет внимание исключительно на правовом регулировании рекламы турпродукта в сети Интернет [2]. Автор расставляет акценты на общих вопросах имиджевой рекламы сайта туристской фирмы и рекламы туристской услуги. Особое значение исследователь придает потребительским отношениям, формируемым и реализуемым в электронной среде Интернет-страниц туристского предприятия. Полагаем, что такой подход базируется на уже ставшем традиционным в науке взгляде, согласно которому туризм, как на отрасль потребления, не имеет оснований для развития специальной системы регулирования.

Именно в этой связи, в большинстве случаев, исследовательские замечания и комментарии в учебных изданиях сводятся к общим, касательным формулировкам, подчеркивающим отсутствие специфики регулирования продвижения в туризме как отрасли предоставления услуг [9; 26, с. 170–174; 47, с. 177–194].

Безусловно, данный методологический ориентир явно ограничивает исследовательский потенциал, игнорируя мультиотраслевой и комплексный характер туристских отношений, включающих сферу частных и публичных интересов. Однако, вполне очевидно, что такое состояние изученности темы объясняется тем, что само понятие социально-культурных услуг, равно как и их самостоятельная природа с точки зрения системы правового регулирования, в современной науке представляются неопределенными и крайне дискуссионными. (20, с. 64–65)

Устоявшийся в науке подход, позволяет авторам апеллировать к общим нормам рекламного права и законодательства в сфере защиты прав потребителей. Учитывая общие тенденции развития маркетинговых технологий, наиболее дискуссионным остается вопрос механизма регулирования электронной (цифровой) и традиционной рекламы [52; 25; 27; 21; 28].

Прежде чем перейти к рассмотрению темы необходимо конкретизировать предмет исследования. Согласно ст. 1 ФЗ № 132 «Об основах туристской деятельности» (далее — ФЗ «Об основах») [58] «продвижение туристского продукта — комплекс мер, направленных на реализацию туристского продукта (реклама, участие в специализированных выставках, ярмарках, организация туристских информационных центров, издание каталогов, буклетов и другое)».

В экономической литературе продвижение рассматривается в качестве необходимой части информационной кампании предприятия, представленной совокупностью различных маркетинговых мер, реализуемых в реальном и цифровом пространстве, направленных на формирование представления аудитории о самом продукте / услуге, создание к нему интереса, также системное использование различных маркетинговых средств и форм целях стимулирования и повышения спроса, увеличения сбыта, расширения рыночного пространства для реализации продукции и т.д. [29, С. 50; 50, С. 63–64; 24, С. 81.; 15, С. 66–67; 47, С. 177–178; 65].

Безусловно, специфика форм продвижения турпродукта в его исключительно коммерческом значении, а также турпродукта территории — туристский продукт-место (совокупности услуг, товаров и объектов в сфере туризма конкретной дестинации) [14, С. 57], связана с задачей популяризации культурно-исторических, спортивных, рекреационных, экологических и иных ресурсов, определяется характером туристского продукта.

Несмотря на отличительные особенности туристского продукта и отдельных туристских услуг [49, С. 91–92], методы и средства продвижения по своей природе,

в большинстве случаев, можно классифицировать как универсальные средства маркетинговых технологий, направленные на повышение конкурентоспособности продукции [8; 69; 6, С. 21–22].

Исходя из этого, средства продвижения можно разделить на две традиционные группы: «above the line» и «below the line» [15, С. 66–67]. К первой группе относятся классические виды прямой рекламы на телевидении, радио, территориальные печатные средства массовой информации, внутренняя и наружная реклама. Вторая группа характеризуется более глубоким и часто индивидуальным воздействием на потребителя (7, С. 7–8; 72, р. 241–257; 68, р. 295; 67, р. 208–217; Promote tourism products and services, 99–100). Поскольку характеристика каждого их средств продвижения не входит в поле нашего исследования, считаем целесообразным лишь отметить наиболее перспективные из них.

В частности, в контексте развития и массового внедрения цифровых технологий в различные сферы общественных отношений, позволяющих создать условия для практически безграничного привлечения потенциальных туристов, актуальное значение в комплексе средств продвижения приобретают методы и формы PR, связанные с продвижением туристского продукта территорий: взаимодействие бренда / туристской территории с прессой в Интернете (прежде всего, с тревелл-сми [23], взаимодействие бренда / туристской территории с представителями туристической индустрии (автоматизированная система АИС «Туризм» [1], унифицированный туристский паспорт (<http://utp.nbcrs.org/>) [56], Систему обмена туристской информацией (<http://nbcrs.org/>) [51], взаимодействие бренда / туристской территории с обществом / неограниченным кругом потребителей (подсистема АИС «Туризм» «Национальный туристический портал «RussiaTravel.ru»» [30], туристские паспорта регионов [64], электронные формы печатных путеводителей, специализированные федеральные, региональные и муниципальные туристские порталы и реестры [13; 54; 10; 16; 42; 40; 41], официальные сайты административных образований [66, р. 170], содержащие туристскую информацию и проч. Возможность практически глобального охвата аудитории цифровыми средствами продвижения предопределили популяризацию регионального туристского продукта в рамках практики создания многоязычных рекламно-информационных материалов [53].

Представляя характеристику специфики регулирования форм продвижения в туризме необходимо учитывать их неопределенность и особенности содержания. При этом формы продвижения в туризме необходимо рассматривать в наиболее широком смысле, рассматривая в качестве таковых средства и методы, направленные

на продвижение комплекса туристских услуг по размещению и перевозке, реализуемого за общую цену, а также на популяризацию регионального туристского продукта в целом. Необходимо подчеркнуть, что рассматривая турпродукт в таком широком спектре, предмет регулирования являются отношения, возникающие в процессе информирования с целью привлечения внимания к туристски привлекательным объектам. Объектом выступает информация и деятельность по информированию о туристской услуге, продукте и туристских ресурсах.

Определение специфики правового регулирования продвижения в этом методологическом поле, позволяет раскрыть эвристический потенциал форм, средств и методов продвижения в туризме, в том числе для просветительской и образовательной целей, а также решает проблему популяризации территории и туристского продукта.

Фундаментальным актом общего регулирования деятельности по продвижению, в том числе отдельных туристских услуг, а также турпродукта (включая турпродукт территории) Федеральный закон от 18.07.95 г. № 108-ФЗ «О рекламе» [57]. В ФЗ «О рекламе» содержится нормативная основа регулирования отношений, возникающих при создании, размещении и распространении рекламы.

Согласно ст. 3 ФЗ «О рекламе», рекламой является распространяемая на неопределенный круг лиц, любым способом, в любой форме и с помощью любых средств информация, основное назначение которой заключается в формировании и поддержании интереса к рекламируемому объекту. Сфера применения норм ФЗ «О рекламе» и характеристика основных институтов рекламной деятельности (субъекты, объекты, виды деятельности, контролирующие органы и проч.) даны во 2–3 ст. закона.

Определяя базовые требования к качеству рекламной информации, законодатель устанавливает императив о добросовестной и достоверной рекламе, а также дает характеристику недобросовестной и недостоверной рекламе (ст. 5). Безусловно, именно эти нормы формируют основы правового механизма защиты интересов потребителей. Кроме того, усиливая факторы защиты потребителя, законодатель не допускает рекламу «в которой отсутствует часть существенной информации о рекламируемом товаре, об условиях его приобретения или использования» (абз. 7 ст. 5); «использование в радио-, теле-, видео-, аудио- и кинопродукции или в другой продукции и распространение скрытой рекламы» (абз. 9 ст. 5); рекламу, «в которой используются бранные слова, непристойные и оскорбительные образы, сравнения и выражения, в том числе в отношении» определенного

рода объектов (абз. 6 ст. 5); не допускает «размещение рекламы в учебниках, учебных пособиях, другой учебной литературе, предназначенных для обучения детей по основным образовательным программам общего, основного общего, среднего общего образования» (абз. 10 ст. 5).

Федеральный закон «О рекламе» определяет специфику рекламной деятельности в зависимости от канала и формы рекламы: реклама в телепрограммах и телепередачах (ст. 14), реклама в радиопрограммах и радиопередачах (ст. 15); реклама в периодических печатных изданиях (ст. 16); реклама, распространяемая при кино- и видеообслуживании (ст. 17); реклама, распространяемая по сетям электросвязи (ст. 18); наружная реклама и установка рекламных конструкций (ст. 19); реклама на транспортных средствах и с их использованием (ст. 20). В связи с деятельностью по распространению наружной рекламы на объектах, в том числе на транспорте, в системе продвижения туристского продукта необходимо учитывать некоторые аспекты. Прежде всего, режим размещения наружной рекламы на какой-либо территории и любом объекте основывается на правомерных и законных договорных отношениях с собственником или лицом, обладающим правами на объект размещения наружной рекламы.

Учитывая статус большей части интересных для размещения рекламы зданий, территорий, движимых объектов, а также полномочия в сфере градостроительства и формирования городского облика, распространение наружной рекламы и определение допустимых форм ее конструкций осуществляется при согласовании соответствующего органа местного самоуправления. В частности, в городском округе город-герой Волгоград распространение наружной рекламы регламентируется: Правилами благоустройства территории городского округа Волгоград [43]; Концепцией развития наружной рекламы на территории городского округа город-герой Волгоград на 2016–2026 годы [44]; схемой размещения рекламных конструкций на территории городского округа город-герой Волгоград [31]. Последний документ определяет схему размещения рекламных конструкций на территории городского округа город-герой Волгоград, а также режим зонирования территории городского округа город-герой Волгоград по типу размещения и объему площадей рекламных конструкций.

Согласно общим нормам ФЗ «О рекламе», а также ст. 35.1, 47.6, 60 федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [59], предусмотрен особый порядок предусмотрен для размещения наружной рекламы на объектах и территориях объектов культурного наследия (памятниках истории и культуры) наро-

дов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Вопросы размещения рекламы на транспорте также регулируются специальными нормами соответствующих актов муниципалитетов. В частности, решением Волгоградской городской думы от 27 ноября 2015 года №36/1129 определяются: «компетенция Волгоградской городской Думы в сфере наружной рекламы и размещения рекламы на муниципальном транспорте, на станциях скоростного трамвая», «схема размещения рекламных конструкций на территории Волгограда, порядок размещения рекламных конструкций; порядок проведения аукционов на право заключения договора на установку и эксплуатацию рекламной конструкции, договора на размещение рекламы на муниципальном транспорте, договора на размещение рекламы на станциях скоростного трамвая; демонтаж рекламных конструкций; порядок хранения демонтированных рекламных конструкций»; «порядок уничтожения рекламных конструкций» [45].

Среди общих норм, регулирующих деятельность по продвижению, следует также отметить нормы Закона РФ «О средствах массовой информации» (ст. 36) [19], Закона РФ «О защите прав потребителей» (18), главы 76 «Права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий» Гражданского кодекса РФ [12], Кодекса об административных правонарушениях РФ [22], Уголовного кодекса РФ [55].

Ряд из перечисленных законов содержат крайне лаконичные нормы общего характера. Так, в статье 36 Закон РФ от 27.12.1991 № 2124–1 «О средствах массовой информации», указано, что распространение рекламы в средствах массовой информации осуществляется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о рекламе. В отношении рекламной деятельности нормы ст. 242–242.1 Уголовного кодекса РФ сосредоточены исключено на одном предмете: они определяют уголовную ответственность за «незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов», а также «изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних». Нормами главы 76 ГК РФ «Права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий», регулируются отношения, возникающие в связи с созданием, экспертизой, регистрацией, режимами правовой охраной и использованием фирменного наименования, товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара и коммерческого обозначения.

Наиболее приоритетные аспекты продвижения в форме рекламы, как деятельности связанной с изготовлением и распространением информации, регулируются Законом РФ от 07.02.1992 № 2300–1. Закон «О защите прав потребителей» определяет требования к изготовителю / продавцу / исполнителю о предоставлении информации потребителям, а также устанавливает общие нормы к ответственности за нарушение права потребителей на информацию (ст. 8–10, 12). Согласно нормам указанных статей турист / заказчик как потребитель турпродукта имеет право получить полную необходимую и достоверную информацию (включая данные в сети «Интернет») об основном исполнителе по договору о реализации туристского продукта (туроператоре), турагентах, действующих по поручению туроператора и иных третьих лицах, оказывающих основные и дополнительные услуги заключенному по договору, полную необходимую и достоверную информацию о самом комплексе услуг и каждой услуге, вошедшей в программу обслуживания. Отметим, что эти базовые нормы Закона «О защите прав потребителей» легли в основу специального правового регулирования предоставления услуг в туризме.

Кодексом об административных правонарушениях РФ предусмотрены нормы, определяющие административную ответственность за следующие нарушения законодательства о рекламе: нарушения в вопросах времени, даты, продолжительности и обстоятельствах рекламы, конкретных предметов и услуг рекламирования, нарушение в порядке изготовления и размещения рекламы (пп. 2–6 ст. 14.3, ст. 14.3.1, 14.37, 14.38, 19.31).

Данная нами характеристика форм продвижения в туризме, позволяет выделить особое специальное регулятивное значение норм ФЗ «Об основах». Определяя деятельность по продвижению в сфере туризма как приоритетный фактор его развития (ст. 4), законодатель не только выделяет в ФЗ «Об основах» специальные инструменты продвижения в форме рекламы (ст. 1), туристско-информационных стендов (ст. 1), специальных знаков товарного обслуживания по итогам классификации (ст. 5), но и вводит функции по продвижению в перечень основных компетенций органов управления в туризме на федеральном, субъектном (региональном) и муниципальном уровнях (ст. 3.1–3.3).

Безусловно, определяя отраслевую специфику регулирования средств продвижения в туризме, необходимо учитывать особенности актов, направленных на регулирование туристских отношений. Отметим, что основным объектом здесь, как и общих нормативных актов по регулированию деятельности по продвижению, является информация и деятельность по информированию. Так, фактор удаленности оказания туристских услуг от места

преимущественного проживания туриста / заказчика, чаще всего совпадающего с местом заключения договора о реализации туристского продукта, объективно расширяет практику продвижения турпродукта, включая весь процесс информирования от первичного знакомства с рекламной информацией до информирования о конкретных поставщиках услуг и деталях программы туристского обслуживания.

В этой связи в регулировании продвижения в туризме важное значение приобретают нормы ФЗ «Об основах» определяющие право туриста на получение необходимой и достоверной «информации о правилах въезда в страну (место) временного пребывания и пребывания там, об обычаях местного населения, о религиозных обрядах, святынях, памятниках природы, истории, культуры и других объектах туристского показа, находящихся под особой охраной, состоянии окружающей среды» (ст. 6, ст. 14). Это право на необходимую и достоверную информацию о потребительских свойствах туристского продукта и туристских услугах относится к специальным условиям осуществления туроператорской деятельности (ст. 4.1, 4.2, 5, 9 ФЗ «Об основах»), условиям договора о реализации турпродукта, отраженным в ФЗ «Об основах» (ст. 10), в Типовой форме договор о реализации туристского продукта (Приложение № 1 п. 3.6 и «Приложение к Заявке на бронирование»; Приложение № 2 п. 3.6 и «Приложение к Заявке на бронирование») [35], в Правилах оказания услуг по реализации туристского продукта (ст. 7, ст. 9–10) [34]. Аналогичным образом право туриста / заказчика на необходимую и достоверную информацию отражается в сфере гостеприимства, в нормах ст. 9–13 Правил предоставления гостиничных услуг в РФ [32].

Учитывая высокую роль профессиональных негосударственных ассоциаций в туризме, необходимо подчеркнуть особое значение стандартизации, которая в силу действия принципа добровольности (ст. 4 ФЗ «О стандартизации» [60] по сути призвана выступать в качестве локального механизма регулирования продвижения в туристской отрасли. В этой связи к специальным актам, посвященным регулированию продвижения в туризме следует отнести нормы специальных ГОСТов. ГОСТ 32612–2014 «Туристские услуги. Информация для потребителей. Общие требования» [11], содержит наиболее полный перечень базовых понятий и инструментов в сфере продвижения туристского продукта. На ряду с разъяснением таких категорий как информация в туристской отрасли, средства массовой информации (СМИ) в туристской отрасли, необходимая информация в туристской отрасли, справочная информация в туристской отрасли, потребитель информации, стандарт обращается к частным вопросам рекламной деятельности. В частности, стандартом предлагается определение понятий реклама в туристской отрасли,

ненадлежащая реклама, рекламодатель в туристической индустрии.

В рамках нашего исследования наибольшее значение имеют нормы посвященные пониманию рекламы в туризме, определению ее форм и предъявляемые к рекламе требования. Согласно п. 4.1 объектом рекламирования в туристической индустрии является туристский продукт или отдельная туристская услуга, предназначенная для реализации туристам, а также организации туристской индустрии. Авторы стандарта определяют следующие формы распространения рекламы: «издание каталогов, в том числе в электронном виде, буклетов, листовок, проведение PR-акций, Web-страницы туроператоров/ турагентов и объектов туристической индустрии в информационно-коммуникационной сети Интернет, размещение информации в СМИ, наружная реклама (растяжки, рекламные щиты и др.), рассылка электронных сообщений с целью продвижения и реализации туристского продукта, проведение туристских выставок, ярмарок, праздников, вечеров и других мероприятий». Отметим, что приведенная в стандарте классификация форм информирования потребителя полностью совпадает с актуальной классификацией перспективных форм продвижения: текстовая (печатная), словесная, графическая, звуковая и видеoinформация, видеофильмы, интервью, записи на видео-аудио носителях с информацией о местах пребывания туристов, исторических и культурных достопримечательностях, исторических фактах и т.п.; электронная комплексная информация (п. 4.6).

Предложенная авторами стандарта требования к информации, предоставляемой туристам до заключения договора о реализации туристского продукта, полностью соответствуют общим нормам закона о рекламе (п. 5.6.1): должна быть полной, добросовестной, точной, актуальной и соответствовать требованиям законодательства РФ; не допускается предоставление недобросовестной и недостоверной рекламы независимо от места, времени и формы ее предоставления. Требования к содержанию рекламы туристского продукта / услуги, размещенной в сети Интернет, соотносятся с соответствующими нормами, ФЗ «О защите прав потребителя», ФЗ «Об основах» и «Правил оказания услуг по реализации туристского продукта» [34]. Аналогичным образом, а также на основе нормы ст. 9 ФЗ «О рекламе», представлено регулирование проведения стимулирующих по покупательский интерес методами продвижения (специальных предложений, проведенных лотерей, конкурсов, игр или иных подобных мероприятий). Учитывая нормы ст. 15 Правил оказания услуг по реализации туристского продукта, характеризующих предложение туристского продукта — публичную оферту, стандарт обязывает сообщать в такой форме продвижения: организатора мероприятия; сроки проведения такого мероприятия; правила проведения ме-

роприятия, количество призов или выигрышей, сроки, место и порядок их получения.

Помимо коммерческого назначения отдельные формы продвижения туристского продукта представляют особый интерес в решении широкого спектра социальных задач [46, С. 60–61]. В частности, очевидна востребованность в педагогической и преподавательской практике таких **электронных / цифровых** форм продвижения государственного и регионального туристского продукта как официальные туристские порталы администраций, цифровые ресурсы отдельных объектов индустрии туризма, имеющих важное культурно-историческое значение, туристские паспорта, реестры, путеводители [4; 5]. Специальный интерес в средней и высшей школе вызывают информационные базы с описанием объектов культурно-исторического наследия регионов (на русском и иностранных языках), позволяющие использовать их в качестве стандартного дидактического материала и являющиеся необходимым основой для использования в образовательном процессе интерактивных форм [17; 3]

Таким образом несомненна актуальность правового регулирования электронных форм продвижения государственного и регионального туристского продукта в форме туристских паспортов, реестров, путеводителей в контексте развития цифровой образовательной среды. В этой связи, прежде всего необходимо отметить, что учитывая ограничение предмета регулирования рекламной деятельности (п. 3 абз. 2 ст. 2 ФЗ «О рекламе»), а также характеристику объекта и товара рекламирования (абз. 2,3 ст. 3 ФЗ «О рекламе»), действие нормы абз. 10 ст. 5 ФЗ «О рекламе» о недопущении размещения «рекламы в учебниках, учебных пособиях, другой учебной литературе, предназначенных для обучения детей по основным образовательным программам...», распространяется исключительно на коммерческий туристский продукт (комплекс услуг), или коммерческое туристское событие (мероприятие). Все остальные формы продвижения туристского продукта в самом широком смысле могут быть использованы в образовательной деятельности и цифровой образовательной среде.

Безусловно, определяя специфику регулирования использования форм продвижения в цифровой образовательной среде следует обратиться к нормативным актам, регулирующим образовательную деятельность в части развития цифровой образовательной среды (ЦОС). Согласно паспорту приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» [37], формируемая с 2016 г. ЦОС направлена на расширение возможностей непрерывного образования граждан посредством развития образовательных технологий — онлайн-курсов и внедрения

в систему образования онлайн-ресурсов, необходимых для обеспечения успешного освоения программ среднего и высшего образования, а также для освоения общеобразовательных предметов. Согласно прогнозируемому значению, посредством создания механизма реализации концепции индивидуальной траектории обучения, основным достижением программы должно быть увеличение числа освоивших онлайн-курсы до одиннадцати млн. человек к концу 2025 года.

Указные в проекте ЦОС задачи и формы развития цифровой образовательной среды полностью соответствуют нормам Федерального закон от 29.12.2012 N273-ФЗ [62]. ФЗ «Об образовании» закрепляет понятия электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, а также базовые принципы и требования к их использованию в рамках реализации образовательных программ. Отдельные аспекты использования в образовательной деятельности электронного образования и дистанционных образовательных технологий раскрыты в специальном Приказе Минобрнауки России от 23.08.2017 N816 [36]. В связи с возможностями развития электронного образования применительно к отрасли темы нашего исследования следует отметить, что согласно ст. 2 ФЗ «Об образовании» использование в образовательной деятельности электронных (а также аналогичных печатных) форм продвижения регионального туристского продукта как информационных ресурсов, позволяет их отнести к категории средств обучения и воспитания. В этом случае они могут войти в фонды библиотек, формируемых образовательными организациями в целях обеспечения реализации образовательных программ (ст. 18 ФЗ «Об образовании»).

Безусловно, создаваемая ЦОС является приоритетным проектом, связанным с комплексным преобразованием экономики. Прежде всего, следует отметить, что образовательные цели в цифровизации определены государственной программой Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 ГОДЫ)» [33]. Так, подпрограмма 2 «Информационная среда» в качестве целевых индикаторов определяет — увеличение «доли поддержанных социально значимых проектов в области электронных средств массовой информации, в том числе сайтов, имеющих социальное или образовательное значение, в общем количестве социально значимых проектов в области электронных средств массовой информации, в том числе сайтов, имеющих социальное или образовательное значение». Более масштабные показатели определены подпрограммой 4 «Информационное государство» — «обеспечение применения электронных сервисов на основе информационных технологий, в том числе в сферах здравоохранения, культуры, образования и науки». Особое значение цифровизации образования подчеркнуто ключевыми положениями програм-

мы «Цифровая экономика Российской Федерации» [39]. В частности, в формировании иерархии базовых направлений развития цифровой экономики Программы после нормативного регулирования, определены кадры и образование. При этом к ключевым показателям задач программы к 2024 году отнесены: 800 тыс. человек в год выпускников высшего и среднего профессионального образования, обладающих компетенциями в области информационных технологий на среднемировом уровне; 40 процентов населения, обладающего цифровыми навыками.

Отметим, что популярность использования указанных выше форм продвижения туризма в образовательной практике имеет и обратный эффект — стимулирует интерес актора (ее создателя) к продолжению маркетинговой деятельности в этом направлении. Знакомство детско-юношеской аудитории с историко-культурным наследием собственной родины (большой и малой) является с одной стороны прямым фактором формирования настоящего покупательского спроса родителей и покупательского спроса этой аудитории в будущем. Кроме того, публичные участники маркетинга туристской территории посредством цифровых форм продвижения в обычной и интерактивной формах, могут оптимизировать работу и усилить эффект деятельности в просветительской, воспитательной и патриотической сфере [38].

Вместе с тем, учитывая возрастную группу потенциальной аудитории, знакомящейся с такими ресурсами в рамках освоения образовательных программ, субъектам создания и распространения форм продвижения необходимо учитывать специальные нормы. В частности такие ресурсы как туристские паспорта, реестры туристских ресурсов и путеводители нередко представляющие объемную познавательную информацию, должны распространяться и использоваться в публичной сфере в том числе с учетом федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [61], регулирующего отношения, связанные с защитой детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, в том числе от такой информации, содержащейся в информационной продукции (статья 1). Статья 5 «Виды информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей» федерального закона «О защите детей от информации» содержит подробную классификацию информации по следующим видам: причиняющая вред здоровью и (или) развитию детей; запрещенная для распространения среди детей; распространение которой среди детей определенных возрастных категорий ограничено

Подводя итоги исследования, следует отметить, что регулирование отношений по вопросам продвижения в ту-

ризме, в силу специфических потребительских признаков туристского продукта (как коммерческого, так и продукта территории), имеет сложный и неорганизованный характер. Такая характеристика обусловлена мультиотраслевым содержанием туризма, множественностью форм продвижения, имеющих различную природу, каналы и задачи продвижения, а также неоднородную и неопределенную аудиторию воздействия. Особая природа отношений

в продвижении туризма обуславливает их регулирование публично и частноправового регулирования.

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 18-413-342003.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автоматизированная система АИС «Туризм». URL: <http://maps.russia.travel> (дата обращения: 14.01.2019).
2. Асташенко Д. А. Правовое регулирование рекламы турпродуктов в сети Интернет // VI Международная студенческая научная конференция. М., 2014. URL: <https://scienceforum.ru/2014/article/2014006789> (дата обращения: 14.01.2019).
3. Афанасьева А. В., Дручевская Л. Е. Интеграция дистанционных курсов обучения как механизм решения задачи повышения качества образования в системе подготовки специалистов в области туризма // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2014. Том 8. № 4. С. 68–75.
4. Бай Т. В. Педагогическая концепция информатизации туристского образования // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2015. № 3(36). С. 17–28.
5. Бай Т. В., Котлярова О. В. Технологии дистанционного образования в подготовке специалистов туристской индустрии // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2017. № 3 (23). С. 84–88.
6. Баранова Н. А. Особенности рекламной деятельности туристских предприятий Нижегородской области // Сервис Plus. 2015. Том 9. № 3. С. 21–26.
7. Богданова Л. П., Пигарева Е. Ю., Тихонова М. А. Интернет-технологии как инструмент продвижения туристских продуктов (на примере Республики Карелия) // Сервис в России и за рубежом. 2017. Т. 11. Вып. 7. С. 6–16.
8. Васильева М. В. Формирование потребностей туристов с использованием концепции «уникальное торговое предложение» // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2012. 3 (13). С. 195–200.
9. Вольвач Я. В. Туристские услуги как объект гражданских правоотношений: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 128 с.
10. ГАУ ВО «Агентство развития туризма». URL: <http://www.turizm-volgograd.ru/> (дата обращения: 14.01.2019).
11. ГОСТ 32612–2014 «Туристские услуги. Информация для потребителей. Общие требования». М.: Стандартинформ, 2014. 8 с.
12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N230-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // Парламентская газета. 21.12.2006. N214–215; Российская газета. 22.12.2006. N289; Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. N52 (1 ч.). ст. 5496.
13. Гуркина Е. Н., Жулина М. А. Туристско-информационный портал как инструмент продвижения туризма в регионе // ОГАРЁВ-ONLINE. 2016. 1 (66). 10 стр.
14. Дунец А. Н. Проектирование и продвижение регионального туристского продукта. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2014. 163 с.
15. Дырхеев К. П., Захаров Б. С. Разработка стратегии продвижения на рынке внутреннего и въездного туризма на примере гостевого дома «Тэнгэри» // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2016. № 2. С. 66–82.
16. Единый федеральный реестр туроператоров. URL: <https://www.russiatourism.ru/operators/> (дата обращения: 14.01.2019).
17. Жегульская Ю. В. Опыт использования электронной образовательной среды в практике обучения студентов направления подготовки «Туризм» // Вестник КемГУКИ. 2015. Вып.33. С. 205–211.
18. Закон РФ от 07.02.1992 N2300–1 (ред. от 29.07.2018) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 15.01.1996. N3.ст. 140; Российская газета. 16.01.1996. N8; Ведомости СНД и ВС РФ. 09.04.1992. N15. ст. 766.
19. Закон РФ от 27.12.1991 N2124–1 «О средствах массовой информации» (ред. от 18.04.2018, с изм. от 17.01.2019) // Российская газета. 08.02.1992. N32; Ведомости СНД и ВС РФ. 13.02.1992. N7. ст. 300.
20. Ивлев С. В. Социально-культурные услуги как объект правового регулирования // Сервис в России и за рубежом. 2017. Т. 11. Вып. 4 (74). С. 64–75.
21. Ионова Т. А. Проблемы правового регулирования размещения рекламы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. С. 63–68.
22. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N195-ФЗ (ред. от 06.02.2019) // Российская газета. 31.12.2001. N256; Парламентская газета. 05.01.2002. N2–5; Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. N1 (ч. 1).ст. 1.
23. Кривцов Н. В. Трэвел-журналистика: специфика направления и его проблемы // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 3. С. 347–365.
24. Лебедева Т. Е., Шукунова А. А., Слаутина М. С. Продвижение на рынке туризма: новое решение // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 5 (31). С. 81–85.
25. Мальцев Г. С. Некоторые аспекты правового регулирования интернет-рекламы в Российской Федерации // Молодой ученый. 2018. № 24. С. 224–225.
26. Маркетинг туризма / И. В. Гончарова, Т. П. Розанова, М. А. Морозов, Н. С. Морозова. М.: Федеральное агентство по туризму, 2014. 224 с.
27. Михайлов С. В., Лепетикова И. Ю. О некоторых аспектах развития законодательного регулирования интернет-рекламы // Юрист-Правовед. 2016. № 1 (74). С. 81–85.
28. Никитина Т. Е. Проблемы правового регулирования отношений, связанных с рекламой в сети интернет // Вестник университета им. О. Е. Кутафина. Вектор юридической науки. 2017. Вып. 9. С. 81–92.

29. Перова Т. В., Закирова О. В. Кросс-маркетинг в продвижении туристских услуг // «Вестник Мининского университета». 2015 № 3. URL: http://vestnik.mininiver.ru/upload/iblock/e00/t.v.-perova1_-o.v.-zakirova2.pdf (дата обращения: 14.01.2019).
30. Подсистема АИС «Туризм» «Национальный туристический портал Russia.travel». URL: RussiaTravel.ru (дата обращения: 14.01.2019).
31. Постановление администрации Волгограда от 22.06.2015 N867 (ред. от 23.08.2017) «Об утверждении схемы размещения рекламных конструкций на территории городского округа город-герой Волгоград» // Городские вести. Царицын — Сталинград — Волгоград. 27.06.2015. N63.
32. Постановление Правительства РФ от 09.10.2015 N1085 «Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации» (ред. от 30.11.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 13.10.2015; Собрание законодательства РФ. 19.10.2015. N42. ст. 5796.
33. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)»» (ред. от 02.02.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 24.04.2014; Собрание законодательства РФ. 05.05.2014. N18 (часть II). ст. 2159.
34. Постановление Правительства РФ от 18.07.2007 N452 «Об утверждении Правил оказания услуг по реализации туристского продукта» (ред. от 30.11.2018) // Собрание законодательства РФ. 23.07.2007. N30. ст. 3942; Российская газета. 25.07.2007. N159.
35. Приказ Минкультуры России от 31.10.2016 N2386 «Об утверждении типовых форм договора о реализации туристского продукта, заключаемого между туроператором и туристом и (или) иным заказчиком, и договора о реализации туристского продукта, заключаемого между турагентом и туристом и (или) иным заказчиком» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 13.04.2017.
36. Приказ Минобрнауки России от 23.08.2017 N816 «Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ». URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 20.09.2017.
37. Протокол от 25 октября 2016 г. № 9 об утверждении президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам «Паспорта приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации»» // СПС «Консультант-Плюс».
38. Путрик Ю. С. Туризм как фактор сохранения наследия: исторический опыт и традиции // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 95–101.
39. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. N32. ст. 5138; Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 3.8.2017 (№ 0001201708030016).
40. Реестр турагентств — Турпомощь. URL: <https://reestr.tourpom.ru/search.php> (дата обращения: 14.01.2019).
41. Реестр Туристско-Информационных Центров Российской Федерации. URL: <http://www.nbcrs.org/tic/list.cshtml> (дата обращения: 14.01.2019).
42. Реестр туроператоров в сфере выездного туризма — Турпомощь. URL: <https://www.tourpom.ru/touroperators> (дата обращения: 14.01.2019).
43. Решение Волгоградской городской Думы от 21.10.2015 N34/1091 «Об утверждении Правил благоустройства территории городского округа Волгоград» // Городские вести. Царицын — Сталинград — Волгоград. 29.10.2015. N116.
44. Решение Волгоградской городской думы от 23 сентября 2015 года N33/1043 «Об утверждении Концепции развития наружной рекламы на территории городского округа город-герой Волгоград на 2016–2026 годы» (с изменениями на 11 октября 2018 года) // СПС «Электронный фонд правовой нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/446506251> (дата обращения: 14.01.2019).
45. Решение Волгоградской городской думы от 27 ноября 2015 года N36/1129 «Об утверждении Правил распространения наружной рекламы и рекламы на муниципальном транспорте, на станциях скоростного трамвая на территории городского округа город-герой Волгоград (с изменениями на 5 декабря 2018 года)» // Городские вести. Царицын-Сталинград-Волгоград. 01.07.2017. № 71.
46. Самостроенко Г. М., Чимитдоржиева О. Г. Направления развития неформальных систем продвижения территорий // Региональная экономика: теория и практика. 2011. Вып. 11 (194). С. 60–64.
47. Сахарчук Е. С. Возможности использования международного опыта электронных продаж в туризме в контексте развития региональных программ продвижения и реализации турпродукта // Сервис в России и за рубежом. 2009. № 4. С. 177–194.
48. Сесёлкин А. Устойчивый туризм как приоритетное направление в стратегии устойчивого развития // Мосты. Vol. 10. № 4. URL: https://ru.ictsd.org/bridges-news/мосты/news/устойчивый-туризм-как-приоритетное-направление-в-стратегии-устойчивого#_ftn3/ (дата обращения: 14.01.2019).
49. Сизенева Л. А. Методика оценки потребительской привлекательности региональных туристских продуктов // Сервис в России и за рубежом. 2018. Т. 12. Вып. 3. С. 90–111.
50. Симавонян А. А. Продвижение и маркетинг туризма // Научно-практический журнал «Управление и экономика в XXI веке». 2015. № 2. С. 63–65.
51. Система обмена туристской информации. URL: <http://nbcrs.org/> (дата обращения: 14.01.2019).
52. Табаксюроева А. В. Правовая характеристика способов распространения рекламы // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2017. Т. 5. № 2 (18) <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 14.01.2019).
53. Туристический портал города Волгоград и Волгоградской области «Волгоградский край — территория путешествий». URL: <https://volgaland.volsu.ru/> (дата обращения: 14.01.2019).
54. Туристский портал Волгоградской области. URL: <http://www.welcomevolgograd.com/> (дата обращения: 14.01.2019).
55. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. N25. ст. 2954; Российская газета. 18.06.1996. N113, 19.06.1996. N114, 20.06.1996. N115, 25.06.1996. N118.

56. Унифицированный туристский паспорт. URL: <http://utp.nbcrs.org/> (дата обращения: 14.01.2019).
57. Федеральный закон от 13.03.2006 N38-ФЗ «О рекламе» (ред. от 01.01.2019) // Российская газета. 15.03.2006. N51; Собрание законодательства РФ. 20.03.2006. N12. ст. 1232.
58. Федеральный закон от 24.11.1996 N132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (ред. от 01.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 02.12.1996. N49. ст. 5491; Российская газета. 03.12.1996. N231.
59. Федеральный закон от 25.06.2002 N73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (ред. от 27.12.2018) // Парламентская газета. 29.06.2002. N120–121; Российская газета. 29.06.2002. N116–117; Собрание законодательства РФ. 01.07.2002. N26. ст. 2519.
60. Федеральный закон от 29.06.2015 N162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» (ред. от 03.07.2016) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30.06.2015; Собрание законодательства РФ. 06.07.2015. N27. ст. 3953.
61. Федеральный закон от 29.12.2010 N436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (ред. от 18.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2011. N1. ст. 48; Парламентская газета. 14–20.01.2011. N1–2.
62. Федеральный закон от 29.12.2012 N273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2018) // Официальный Интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30.12.2012; Собрание законодательства РФ. 31.12.2012. N53 (ч. 1), ст. 7598.
63. Щетина И. В. Применение цифровых технологий продвижения для повышения конкурентоспособности продукции // Экономинфо. 2018. Т. 15. № 4. С. 49–53.
64. Яковлева С. И. Опыт разработки региональных туристских паспортов // Псковский регионологический журнал. 2012. № 13. С. 127–134.
65. Freeman R., Glazer K. Chapter 8. Services Marketing // Introduction to tourism and hospitality in BC. URL: <https://opentextbc.ca/introtourism/chapter/chapter-8-services-marketing/> (дата обращения: 14.01.2019).
66. Geqi Wu. Official websites as a tourism marketing medium: A contrastive analysis from the perspective of appraisal theory // Journal of Destination Marketing & Management. 2018. Vol. 10. pp. 164–171.
67. McCabe S. Marketing Communications in Tourism and Hospitality. Butterworth-Heinemann, 2008. 320 p.
68. Morgan M., Ranchhod A. Marketing in Travel and Tourism (4 edition). Butterworth-Heinemann, 2009. 528 p.
69. Omar Abedalla Alananzeh, Mozfi Mohammad Amyan, Odai Falah Mohammad Alghaswyneh. Managing Promoting Tourism Product of the Golden Triangle in Jordan // International Journal of Humanities and Social Science. 2015. Vol. 5. No. 9. pp. 197–207.
70. Promote tourism products and services. Trainee Manual. URL: [http://waseantourism.com/ft/Toolbox%20Development%20III:%2098%20toolboxes%20for%20Travel%20Agencies%20and%20Tour%20Operations/Submission%20to%20ASEC/\(Draft\)%202nd%20submission_290415/TO%20&%20TA/Promote%20tourism%20products%20&%20services/TM_Promote_tourism_products_services_290415.pdf](http://waseantourism.com/ft/Toolbox%20Development%20III:%2098%20toolboxes%20for%20Travel%20Agencies%20and%20Tour%20Operations/Submission%20to%20ASEC/(Draft)%202nd%20submission_290415/TO%20&%20TA/Promote%20tourism%20products%20&%20services/TM_Promote_tourism_products_services_290415.pdf) (дата обращения: 14.01.2019).
71. UNWTO General Assembly 19th Session: Tourism towards 2030. Global overview. Republic of Korea, 10 October 2011. 19 p.
72. Victor T. C. Middleton, Jackie R. Clarke. Marketing in Travel and Tourism. Butterworth-Heinemann, 2001. 512 p.

© Золотовский Владимир Алексеевич (zolotovskiy.azi@volsu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Волгоградский государственный университет

ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

INTERIM INJUNCTIONS IN RUSSIAN ARBITRATION SIGNIFICANCE: HISTORICAL REVIEW

Ya. Matatova

Summary. Interim injunctions are reasonably treated as a historical tradition of russian legislation system. The article depicts an evolution of interim injunctions institute reformation, starting from prerevolution period of russian history till present times. The author analyses changes of different interim measures that took place in legal acts. The article proves significance of this institute and of the possibility to grant injunction as it is an important guarantee of due right protection.

Keywords: interim measures, injunction, freezing order, arbitration, counter security, arbitration commissions, injunctive remedies.

Мататова Яна Дмитриевна

*Аспирант, Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте РФ; помощник федерального судьи Арбитражного суда города Москвы
ybilalova@rambler.ru*

Аннотация. Институт обеспечения иска является исторической традицией отечественного права. Статья описывает эволюцию института обеспечительных мер в Российской Федерации, начиная с дореволюционного периода до настоящего времени. В статье проанализировано, как менялись виды обеспечительных мер, и их закрепление в нормативных правовых актах. Автор доказывает значение института и важность возможности обеспечения иска как важнейшей гарантии исполнения судебного решения.

Ключевые слова: обеспечительные меры, арбитражный процесс, обеспечение иска, встречное обеспечение, арест имущества, арбитражные комиссии, Госарбитраж.

Обеспечительные меры, как средство особой защиты, применяемое до вынесения судом решения, и все его элементы, требуют особого внимания законодателя. Условия применения мер, гарантии соблюдения баланса интересов сторон, круг лиц, которые могут быть заявителями, условия отмены мер и иные аспекты должны быть четко и ясно определены в законе.

Еще более века назад, в 1912 году, Яблочков Т.М. говорил о высокой значимости возможности истца обеспечить свой интерес: «Деятельность суда не ограничивается тем, что он разрешает вопрос о праве; в его полномочия входит и оказание помощи потерпевшему, в целях облегчить его доступ к правосудию и защитить его даже в ту стадию производства, когда процессуальные отношения между сторонами еще не завязались... Истец всегда рискует, даже в случае выигрыша процесса, ничего не получить от своего должника. К нему на помощь приходит суд, который налагает арест на имущество должника до того момента, когда дело будет окончательно разрешено» [13, с. 157].

Его современник Энгельман И.Э. также подчеркивал, что государство, охраняя гражданские права частных лиц, стремится к тому, чтобы эта охрана была действительной. Возможно, что недобросовестный должник, когда суд постановит взыскать с него определенную вещь или сумму

денег, откажется исполнить это решение. Имущество же, из которого он должен удовлетворить истца, он может растратить или скрыть. Государство предоставляет средства предупредить такого рода явления, и с этой целью установлены меры обеспечения [11, с. 187].

Несмотря на то, что этим строкам уже более ста лет, описанная проблема не теряет своей актуальности. Справедливо замечание Юдина А.В., который утверждает, что на практике относительно небольшое число должников сохраняют свое имущество или денежные средства для того, чтобы расстаться с ними при появлении судебных приставов-исполнителей. Большинство предвосхищают такое положение, принимая меры по сокрытию имущества. В итоге отсутствуют как объект взыскания, так и основания привлечения к административной ответственности [10, с. 315]. Действительно, недобросовестный должник всегда будет стремиться к уходу от ответственности и, с развитием информационных технологий, при всем множестве общественных и экономических отношений, методы его становятся разнообразнее, что побуждает исследователей-процессуалистов и законодателя постоянно находиться в поиске реальных способов обеспечить права и законные интересы кредитора.

Анализ статистических данных за 2017 год и первое полугодие 2018 года, размещенных на официальном

сайте Федеральной службы судебных приставов, позволяет сделать вывод о низком уровне исполняемости судебного решения (доля исполнительных производств, оконченных фактическим исполнением, — всего 40%) [6]. Такие показатели отражают действительные качественные характеристики отечественного судопроизводства, ведь правосудие реализуется в полной мере не только в вынесении судом решения по спору, а в фактическом восстановлении нарушенного права, то есть в исполнении того, что предписано судом в решении. «... Само по себе решение не всегда означает, что цель правосудия достигнута, а право защищено. Для этого надо исполнить решение...» [9, с. 68].

Конституционный суд РФ, оценивая институт обеспечения иска, как процессуальное средство, направленное на достижение эффективной судебной защиты, подчеркнул: «Вступившее в законную силу судебное решение должно быть исполнено, — в противном случае искажается сама суть правосудия по гражданским делам, к процедуре которого обращается истец для защиты своего права, не достигается цель защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов, что несовместимо с конституционным принципом справедливого правосудия и полной судебной защиты, отрицательно сказывается на авторитете судебной власти и порождает сомнения в эффективности правовых средств защиты» [14].

В Проекте Долгосрочной программы повышения эффективности исполнения судебных решений (2011–2020 годы) Министерства Юстиции России провозглашено: «Построение эффективной системы исполнения судебных актов есть задача, без решения которой невозможно обеспечить конституционные гарантии доступа к правосудию, гарантии защиты государством прав и законных интересов граждан и организаций. Исполнение судебного акта является заключительной стадией судопроизводства. Именно в этой стадии осуществляется реальная защита нарушенного или оспоренного права» [15].

При столь низких показателях исполнения решений суда, приведенных выше, необходимо не только проводить масштабные изменения в системе исполнительного производства, но и поменять подход к мерам, позволяющим обеспечить исполнение решения. Ведь удовлетворяя ходатайство о применении обеспечительных мер, суд имеет возможность, не высказываясь при этом относительно будущего судебного решения, осуществить реальную защиту тех интересов, которые на момент принятия обеспечительных мер нарушаются, а потерпевшее лицо не имеет другой возможности остановить это нарушение [8, с. 315].

Анализируя институт обеспечительных мер сквозь призму истории отечественного государства, следует

согласиться с выводом Юсупова Т.Б. о том, что обеспечение иска — это социально-культурная ценность, сложившаяся в рамках многовековой российской правовой традиции [12].

Еще Уложением 1649 года были предусмотрены следующие способы обеспечения иска: обеспечение поручительством и обеспечение личным арестом, позднее было введено и обеспечение арестом имущества. Просить об обеспечении иска мог как истец, так и ответчик [3].

После судебной реформы 1864 г. и принятия Устава гражданского судопроизводства обеспечение иска, его понятие, виды и условия применения, были достаточно тщательно изучены и описаны многими учеными того периода. Так, Нефедьев Е.А. описывает сроки, условия применения обеспечения, классифицирует способы обеспечения на личные (поручительство и подписка о невыезде) и имущественные (наложение запрещения на недвижимое имущество, арест движимого имущества). Также ученым уделено внимание защите интересов ответчика при обеспечении иска, которая проявляется в том, что: «1) суду во всех случаях предоставлено право обсуждать вопрос о необходимости принятия мер обеспечения; 2) ответчику предоставляется право просить о замене имущества, на которое указал истец, другим равноценным имуществом, или вообще имуществом, которое по ценности равняется сумме взыскания, или же просить о замене способа обеспечения, указанного истцом, другим способом обеспечения; 3) ответчику предоставляется право заменить все меры обеспечения, указанные истцом, внесением залога в достаточной сумме. Такая замена допускается, несмотря на согласие истца» [4, с. 265–267].

Гольмстен А.Х. разъясняет принцип соразмерности заявленных мер обеспечения, как гарантии интересов ответчика, а также подробно описывает виды обеспечения (судебный залог, судебное поручительство, отобрание подписки о невыезде из места жительства, наложение опеки на имущество ответчика) [2] и имущество, на которое не может быть обращено обеспечение.

С критикой отдельных положений Устава гражданского судопроизводства выступал профессор Яблочков Т.М., указывая, что крупным пробелом процессуального законодательства является отсутствие возможности заявлять об обеспечении иска до его предъявления [13, с. 154]. С этим выводом согласился и Энгельман И.Э., отмечая: «При известных условиях всякое право должно быть охраняемо, и случае грозящего нарушения должно быть обеспечиваемо... Даже в дореформенное время, в случае неотлагательства, полиция принимала охраняемые меры до суда, тем менее следовало бы отказывать

в них теперь, когда защита гражданских прав организована на более широком основании» [11, с. 189]. Кроме того, ученый предлагал обратиться к опыту балтийского гражданского права, в котором обеспечение допускалось до предъявления иска.

Васьковский Е. В. обращает внимание на то, что помимо видов обеспечения, предусмотренных Уставом гражданского судопроизводства, допустимы еще несколько способов, содержащихся в других законах (взятие спорного имущества в опеку, приостановка исполнения решения, приостановка торгов, приостановка охранительного производства) [1].

Таким образом, институт обеспечения иска был не просто известен дореволюционному праву, а достаточно полно исследован ведущими учеными того времени, многие фундаментальные положения являются частью современной концепции института обеспечительных мер.

В следующем кодификационном процессуальном акте — ГПК РСФСР 1923 г. обеспечение иска представлено уже не так широко: известен только один вид обеспечения — наложение ареста на принадлежащее ответчику имущество (ст. 87), а также установлен запрет на обеспечение исков к государственным учреждениям и государственным предприятиям (ст. 82), для исков госорганов был установлен самостоятельный вид обеспечения — назначение представителя истца для наблюдения за правильным ходом предприятия (ст. 88) [16].

ГПК РСФСР 1964 г. расширяет перечень мер по обеспечению иска, стали возможными: наложение ареста на имущество или денежные суммы, принадлежащие ответчику и находящиеся у него или у других лиц, запрещение ответчику совершать определенные действия, запрещение другим лицам передавать имущество ответчику или выполнять по отношению к нему иные обязательства, приостановление реализации имущества в случае предъявления иска об освобождении его от ареста, приостановление взыскания по исполнительному документу, оспариваемому должником в судебном порядке, если такое оспаривание допускается законом [17].

Большой вклад в теоретическое развитие обеспечения иска советского периода был произведен Новичковой З. Т., которой было проведено первое масштабное комплексное исследование данного института. Новичкова З. Т. сравнивает положения двух советских кодексов — ГПК 1923 г. и ГПК 1964 г., проводит анализ связей иска с его обеспечением, вырабатывает свой подход к понятию иска, его элементов и видов, поднимает вопрос об обеспечении будущих исков, придя к выводу

о том, что ГПК РСФСР 1923 г. предусматривал возможность обеспечения будущего иска (так, согласно ст. 198 ГПК РСФСР 1923 г., лица, имеющие претензии к наследодателю, были вправе обратиться в суд, в районе которого открылось наследство, с просьбой о принятии мер, обеспечивающих удовлетворение, их требований. В случае обоснованности таких претензий, суд, не рассматривая вопрос по существу, выносил определение о наложении ареста на имущество или на часть его, достаточную для обеспечения заявленной претензии. Таким образом, судом производилось обеспечение будущего иска), дает свое определение обеспечению иска, приводит классификацию мер обеспечения, анализирует все аспекты института обеспечения [5].

В советский период получает свое развитие собственно институт обеспечения иска в арбитражном процессе. 21 сентября 1922 года Всероссийским центральным исполнительным комитетом совместно с Советом народных комиссаров РСФСР было утверждено Положение о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями [18]. Согласно этому Положению имущественные споры между государственными учреждениями и предприятиями разрешались арбитражными комиссиями, их решения имели силу судебных решений и могли быть обжалованы в вышестоящем органе — в Высшей арбитражной комиссией при Совете труда и обороны (в случае если цена иска была не менее 5000000 руб.). Данный нормативный акт содержал всего 23 статьи и регламентировал работу арбитражных комиссий в самом общем виде, указывая лишь на основные принципы судопроизводства — о состязательности процесса, об оценке доказательств только арбитражной комиссией, о компетенции арбитражных комиссий и Высшей арбитражной комиссии, о порядке обжалования решений арбитражных комиссий и иные.

Статья 23 указывала на то, что подробные правила о производстве дел в арбитражных комиссиях устанавливаются Высшей арбитражной комиссией и утверждаются Советом труда и обороны. И в силу ст. 23 Положения 14 марта 1923 года Советом труда и обороны РСФСР были приняты Правила о производстве дел в Высшей арбитражной комиссии при Совете труда и обороны и местных арбитражных комиссиях [19], статьей 27 которых было предусмотрено обеспечение иска, допускаемое при предъявлении иска и на любой стадии рассмотрения дела. Учитывая то, что Правилами была установлена возможность предъявления встречного искового заявления, можно сделать вывод о том, что было возможно обеспечить и встречный иск. Заявление о применении предварительных обеспечительных мер не предусматривалось.

На определения по вопросам о допущении обеспечения иска могла быть подана частная жалоба в семидневный срок со дня вынесения определения в местную арбитражную комиссию, которая представляла жалобу вместе со своим объяснением в Высшую Арбитражную Комиссию (ст. 34 Правил).

С 12 января 1925 года Положение о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятия от 21.09.1922 прекратило свое действие с принятием ВЦИК совместно с Советом народных комиссаров РСФСР Декрета «Положение об арбитражных комиссиях по разрешению имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями РСФСР» [20]. Статьей 11 также указано на возможность применения обеспечения иска по просьбе сторон.

Поскольку вышеуказанные нормативно-правовые акты не содержали специальных правил, каких-либо иных видов обеспечительных мер, представляется, что в качестве мер по обеспечению иска применялись арест и запрещение, предусмотренные ст. 82 ГПК РСФСР 1923 г. Также на это указывала и статья 3 Правил 1923 года о том, что производство дел в арбитражных комиссиях и Высшей Арбитражной Комиссии происходит применительно к правилам производства дел в общих судах (народных, губернских и Верховном) с теми изъятиями, которые вызываются особенностями дел, подведомственных арбитражным комиссиям.

С 4 марта 1931 г. арбитражные комиссии упраздняются постановлением Центрального исполнительного комитета и Советом народных комиссаров СССР «в целях укрепления единства судебной системы Союза ССР, поднятия хозяйственной дисциплины и повышения ответственности хозяйственных органов за свою работу» [21], на их место приходит Государственный арбитраж [22] и вводятся в действие Правила рассмотрения и разрешения имущественных споров органами Госарбитража. Часть 1 ст. 30 Правил 1934 г. в качестве оснований принятия мер по обеспечению иска называла исключительность случая, «когда промедление может повлечь за собой невозможность или чрезвычайную затруднительность удовлетворения иска», обеспечение иска производилось единолично арбитром путем вынесения специального мотивированного решения [31, с. 147–152].

Положение о Государственном арбитраже 1931 года и утвержденные самим Госарбитражем Правила 1934 г. действовали почти 30 лет — до августа 1960 года, с расширением компетенции органов Госарбитража по рассмотрению дел и возложением на него ряда новых функций требовалось утвердить новое положение — 17 августа 1960 г. Совет министров СССР принимает Положение О Государственном арбитраже при Совете Министров СССР [23] и, со-

ответственно, 1 июля 1963 года Главным государственным арбитром СССР утверждаются новые Правила рассмотрения и разрешения споров [24]. В дальнейшем было принято еще две редакции Правил (Постановление Госарбитража СССР от 30.12.1976 г. № 136 [25, с. 4–43] и Постановление Совета Министров СССР от 05.06.1980 г. № 440 [26]), в которых, что примечательно, нормы по обеспечению иска выделяются в отдельную главу, в отличие от предыдущих правил, что подчеркивает придание мерам по обеспечению иска большего значения. В Правилах 1976 г. и 1980 г. обеспечению иска посвящено три статьи: цель обеспечения, меры по обеспечению и отмена обеспечения иска, по содержанию повторяющие друг друга. Так, указано, что вопрос о принятии мер к обеспечению может быть инициирован как по заявлению стороны, так и по усмотрению Государственного арбитража. Обеспечение иска допускается, если непринятие мер обеспечения может затруднить или сделать невозможным исполнение решения.

Был определен закрытый перечень мер по обеспечению иска:

1. Наложение ареста на имущество или денежные суммы, принадлежащие ответчику;
2. Запрещение ответчику совершать определенные действия (в Правилах 1976 г. имелось уточнение о запрещении ответчику совершать определенные действия, касающихся предмета спора, что было исключено из Правил 1980 г.);
3. Приостановление взыскания по оспариваемому истцом исполнительному документу или иному документу, по которому взыскание производится в бесспорном (безакцептном) порядке.

Об обеспечении иска выносится определение. Вопрос об отмене обеспечения иска разрешается государственным арбитражем, рассматривающим хозяйственный спор, с указанием об этом в решении или в определении (в Правилах 1976 г. содержалась более узкая норма — в случаях отказа в иске или прекращения производства по делу соответственно в решении или определении указывается, что меры, принятые по обеспечению иска, признаются утратившими силу).

Порядок обжалования определений о принятии мер по обеспечению иска урегулирован в Правилах 1976 г. и 1980 г. не был, и, если в Правилах 1976 г. еще было указано в самом общем виде о возможности пересмотра определения государственного арбитра по его собственной инициативе и по заявлению заинтересованной стороны (ст. 105), то в Правилах 1980 г. такая норма отсутствует вовсе. Кроме того, не определен порядок исполнения определений о принятии мер к обеспечению иска.

Следующий виток развития отечественного процессуального закона связан с созданием системы арбитраж-

ных судов в России и принятием первого Арбитражного процессуального кодекса [27]. АПК РФ 1992 г. сохранил правило, согласно которому арбитражный суд вправе принять меры по обеспечению иска не только по заявлению сторон, но и по собственной инициативе.

В АПК РФ 1992 г. обеспечению иска также была посвящена отдельная глава, при этом содержал в себе ряд новелл: так, устанавливался срок для рассмотрения заявления о принятии мер по обеспечению иска — в день поступления и без вызова сторон, появилась санкция за неисполнение определения арбитражного суда об обеспечении иска (штраф за нарушение запрета совершать определенные действия и за нарушение запрета совершать определенные действия, касающиеся предмета спора, кроме того, у истца появилась возможность взыскивать убытки, причиненные неисполнением определения арбитражного суда об обеспечении иска), возможность возмещения ответчику убытков, причиненных обеспечением иска. Новой является норма и о замене меры по обеспечению иска (ч. 1 ст. 94 АПК), и возможность внесения на депозитный счет встречного обеспечения.

Урегулирован порядок обжалования определений об обеспечении иска: на соответствующее определение могла быть подана кассационная жалоба или принесен протест, что не приостанавливало исполнения этого определения.

В следующем АПК РФ (принятом 05.05.1995 г.) [28] иначе сформулирован срок рассмотрения заявления — не позднее следующего дня, кроме того, из круга лиц, имеющих возможность инициировать вопрос о применении обеспечения, исключен сам арбитражный суд. Условие, при которых допускается обеспечение, которое ранее именовалось целью обеспечения (ст. 91 АПК РФ 1992 г.), стало называться основанием обеспечения. Перечень мер по обеспечению пополнился еще одним видом — приостановление реализации имущества в случае предъявления иска об освобождении его от ареста. Ст. 78 АПК РФ 1995 г. предусмотрен порядок исполнения определения об обеспечении иска, чего не было в предыдущих нормативных правовых актах: определение об обеспечении иска приводится в исполнение немедленно в порядке, установленном для исполнения решений арбитражного суда. Таким образом, приравняв определение об обеспечении иска к решению суда, законодатель придал еще более высокое значение мерам по обеспечению, подчеркнул их срочный характер и незамедлительность исполнения.

Ныне действующий АПК РФ, принятый 24.07.2002 г. Федеральным законом № 95-ФЗ [29], на наш взгляд, является собой результат титанического труда разработчиков и законодателя, поскольку вобрал в себя опыт предыдущих кодексов, прогрессивные наработки право-

вой доктрины, учел опыт зарубежных стран, что позволило создать эффективно функционирующий механизм по рассмотрению экономических споров.

В первую очередь, институт обеспечения иска стал именоваться институтом обеспечительных мер арбитражного суда, что, исходя из смыслового анализа, обусловлено появлением в АПК РФ предварительных обеспечительных мер, т.е. таких мер, которые направлены на обеспечение имущественных интересов заявителя еще в тот момент, когда нет самого иска, в связи с чем законодателю потребовалось более широкое понятие нежели, чем собственно обеспечение иска. Предварительное обеспечение, безусловно, является важнейшей новеллой процессуального права, о необходимости наличия такого инструмента в законе писали, как указывалось выше, еще дореволюционные ученые. Среди современных исследователей большой вклад в изучение предварительных обеспечительных мер был сделан Павловой Н.В., которая в своей диссертационной работе сформулировала предложения по совершенствованию арбитражного процессуального законодательства в части предварительного обеспечения, которые были включены в проект АПК РФ 2002 г. [7].

Кроме того, в АПК РФ появилось законное определение обеспечительных мер — это срочные временные меры, направленные на обеспечение иска и имущественных интересов заявителя (ст. 90, ч. 1), а также расширился круг лиц, которые могут подавать заявление о принятии обеспечительных мер, — помимо лиц, участвующих в деле, и иные лица могут просить суд принять обеспечительные меры. Как разъяснил Пленум ВАС РФ в Постановлении от 12.10.2006 № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» [30], под иными лицами следует понимать, в числе прочих, лиц, ходатайствующих о применении предварительных обеспечительных мер, сторону третейского разбирательства, ходатайствующую о применении обеспечительных мер арбитражным судом.

Статья 91 АПК РФ устанавливает более широкий перечень возможных видов обеспечения, так, теперь обеспечительными мерами могут быть:

- 1) наложение ареста на денежные средства (в том числе денежные средства, которые будут поступать на банковский счет) или иное имущество, принадлежащие ответчику и находящиеся у него или других лиц;
- 2) запрещение ответчику и другим лицам совершать определенные действия, касающиеся предмета спора;
- 3) возложение на ответчика обязанности совершить определенные действия в целях предотвращения порчи, ухудшения состояния спорного имущества;
- 4) передача спорного имущества на хранение истцу или другому лицу;

- 5) приостановление взыскания по оспариваемому истцом исполнительному или иному документу, взыскание по которому производится в бесспорном (безакцептном) порядке;
- 6) приостановление реализации имущества в случае предъявления иска об освобождении имущества от ареста.

Данный перечень не является исчерпывающим, по усмотрению суда могут быть приняты и иные обеспечительные меры, единственным ограничением является соразмерность испрашиваемой обеспечительной меры заявленному требованию.

Также к изложенным выше достижениям АПК РФ 2002 г. можно отнести подробную регламентацию содержания, порядка подачи и рассмотрения заявления об обеспечении иска, исполнения определения арбитражного суда о принятии обеспечительных мер, встречного обеспечения.

Высокое значение института обеспечительных мер не вызывает сомнений, что, в свою очередь, предполагает постоянное совершенствование законодательства в этой области, чтобы оно было способно отвечать темпам развития общественных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. Москва, издание Бр. Башмаковых, 1917.
2. Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. Типография М. Меркушева, Невский пр., № 8. С.-Петербург. 1913.
3. Михайлов М. М. Избранные произведения. Русское гражданское судопроизводство в историческом его развитии от Уложения 1649 года до издания Свода законов. М.: Статут, 2014. — 312 с.
4. Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. Типография Императорского Московского Университета. Москва. 1900.
5. Новичкова З. Т. Обеспечение иска в советском судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук 12.00.03 — Гражданское право и гражданский процесс/Министерство высшего и среднего специального образования СССР. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Юридический факультет. — М., 1973.
6. Официальный сайт Федеральной службы судебных приставов. Ведомственная статистическая отчетность. — URL: <http://fssprus.ru/statistics>
7. Павлова Н. В. Предварительные обеспечительные меры в международном гражданском процессе: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03: Москва, 2002.
8. Ракитина Л. Н. Обеспечение иска как основание исполнительного производства: некоторые вопросы теории и практики // Европейский гражданский процесс и исполнительное производство: сборник материалов Международной научно-практической конференции, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет. — М.: Статут, 2012.
9. Шакарьян М. С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции // Проблемы доступности и эффективности в арбитражном и гражданском судопроизводстве. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2001.
10. Юдин А. В. Проблемы расширения пределов юридической ответственности за «простое» (без признака «злостности») неисполнение судебного акта // Европейский гражданский процесс и исполнительное производство: сборник материалов Международной научно-практической конференции, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет. — М.: Статут, 2012.
11. Энгельман И. Е. Курс русского гражданского судопроизводства. Юрьев. В комиссии у И. Г. Крюгера. 1912.
12. Юсупов Т. Б. Обеспечение иска в арбитражном и гражданском процессе. М.: Городец, 2006. 224 с.
13. Яблочков Т. М. Учебник русского гражданского судопроизводства. Издательство И. К. Гассанова, Ярославль. 1913. 326 с.
14. Постановление Конституционного суда РФ от 14.02.2002 № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 140 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л. Б. Фишер».
15. Проект программы Минюста России от 16.02.2011 Долгосрочная программа повышения эффективности исполнения судебных решений (2011–2020 годы). [Электронный доступ] — URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/10963602>
16. Постановление ВЦИК от 10.07.1923 «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса РСФСР» // «СУ РСФСР», 1923, № 46–47, ст. 478.
17. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // «Свод законов РСФСР», т. 8, с. 175.
18. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 21.09.1922 «Положение о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями» // «СУ РСФСР», 1922, № 60, ст. 769.
19. Постановление СТО РСФСР от 14.03.1923 г. «Правила о производстве дел в Высшей арбитражной комиссии при Совете труда и обороны и местных арбитражных комиссиях» // «СУ РСФСР», 1923, № 25, ст. 292.
20. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 12.01.1925 г. Положения об арбитражных комиссиях по разрешению имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями РСФСР // «СУ РСФСР», 1925, № 6, ст. 46.
21. Постановление ЦИК СССР № 57, СНК СССР № 90 от 04.03.1931 г. «Об упразднении арбитражных комиссий» // «СЗ СССР», 1931, № 14, ст. 135.
22. Постановление ЦИК СССР № 5, СНК СССР № 298 от 03.05.1931 «Положение о государственном арбитраже» // «СЗ СССР», 1931, № 26, ст. 203
23. Постановление Совмина СССР от 17.08.1960 № 892 «Об утверждении Положения о Государственном арбитраже при Совете Министров СССР» // СП СССР. 1960. № 15, ст. 127.
24. Правила рассмотрения и разрешения споров хозяйственных споров органами Государственного арбитража при Совете Министров СССР от 01.07.1963 г. // Сборник инструктивных указаний государственного арбитража при Совете Министров СССР / отв. За вып. Ф. Х. Либерман. М., 1967. Вып. 26. С. 3–25.

25. Постановление Госарбитража СССР от 30.12.1976 г. № 136 «Об утверждении Правил рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами» // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1977. № 4. С. 4–43.
26. Правила рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами (утв. Постановлением Совмина СССР от 05.06.1980 № 440) // «СП СССР», 1980, № 16–17, ст. 104.
27. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (утв. ВС РФ 05.03.1992 № 2447–1) // «Ведомости СНД и ВС РФ», 16.04.1992, № 16, ст. 836.
28. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 05.05.1995 № 70-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 08.05.1995, № 19, ст. 1709.
29. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2018) // «Парламентская газета», № 140–141, 27.07.2002.
30. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 55 (ред. От 27.06.2017) // «Вестник ВАС РФ», № 12, 2006.
31. Ткаченко Е.В., Фомичева Р.Ф. Эволюция института обеспечительных мер в арбитражном процессе / Вестник Саратовской государственной юридической академии. № 1 (114). 2017. С. 147–152.

© Мататова Яна Дмитриевна (ybilalova@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте РФ

ПОДГОТОВКА К ПРОВЕДЕНИЮ КОНТРОЛЯ И ЗАПИСИ ПЕРЕГОВОРОВ

PREPARATION FOR MONITORING AND RECORDING TALKS

V. Permyakov
V. Kotov
M. Matveev

Summary. In article are considered questions of preparation for carrying out investigative actions — the control and record of negotiations. The complex of actions which is carried out at the preparatory stage of investigative action increasing its efficiency is resulted. The author analyzes the information available to the investigation from the standpoint of sufficiency to establish the circumstances of the event under investigation, its nature, the participants who performed their roles. The author notes that the assessment of the investigative situation is not limited to the study of the materials of the criminal case, because the investigator evaluates all information known to him, including not reflected in the documents in the case. The article deals with the actual and legal grounds for the production of this investigative action. As an important element of the preparation of the action under consideration, the study of the personality of the subjects whose negotiations are planned to monitor is highlighted.

Keywords: Control and recording of conversations, telephone and other talks, tactics of investigatory actions, preparatory phase

Пермяков Максим Владимирович

К.ю.н., Уральский государственный экономический университет; Уральский государственный юридический университет
ptmv0929@yandex.ru

Котов Василий Васильевич

К.ю.н., доцент, Уральский государственный юридический университет
kotov-1958@inbox.ru

Матвеев Максим Михайлович

Заместитель директора, Институт государственного и международного права; старший преподаватель, Уральский государственный юридический университет
matveevmaks@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы подготовки к проведению следственного действия — контроля и записи переговоров. Приводится комплекс мероприятий, проводимый на подготовительном этапе следственного действия, повышающий его эффективность. Анализируется имеющаяся в распоряжении следствия информация с позиции достаточности для установления обстоятельств расследуемого события, его характера, участников, выполнявшихся ими ролей. Автор отмечает, что оценка следственной ситуации не ограничивается только изучением материалов уголовного дела, следователь оценивает всю известную ему информацию, в том числе и не отраженную в документах, находящихся в деле. В статье рассматриваются фактические и юридические основания производства данного следственного действия. В качестве важного элемента подготовки рассматриваемого действия выделяется изучение личности субъектов, переговоры которых планируется контролировать.

Ключевые слова: Контроль и запись переговоров, телефонные и иные переговоры, тактика следственных действий, подготовительный этап.

Контроль и запись телефонных и иных переговоров проводится в различных ситуациях, однако, наибольшая его эффективность достигается благодаря включению данного следственного действия в структуру специальной тактической операции. Проведение рассматриваемого следственного действия как единичного мероприятия также возможно в некоторых ситуациях. В любом случае, не оставляет сомнений вопрос о важности подготовки к проведению данного следственного действия.

В научной литературе высказывалось мнение о том, что подготовка любого следственного действия начи-

нается с постановки задач, подлежащих достижению [1, с 227].

Л.И. Ивченко справедливо связывает этот элемент подготовки к проведению контроля переговоров с анализом сложившейся ситуации, но не описывает его особенностей и не дает рекомендаций по его осуществлению [2, с 39–45].

Нельзя не заметить, что оценка условий реальной ситуации расследования дается еще при принятии решения о производстве следственного действия. Как уже отмечалось в предыдущих разделах, контроль телефонных

и иных переговоров проводится в условиях сложных ситуаций расследования для восполнения имеющихся пробелов информации.

Анализ ситуации после принятия решения о проведении контроля предполагает мысленное ее расчленение на отдельные элементы. Прежде всего, анализируется имеющаяся в распоряжении следствия информация с позиции достаточности для установления обстоятельств расследуемого события, его характера, участников, выполнявшихся ими ролей. Выявление дефицита информации требует его объяснения. Это означает не только определение причин информационных пробелов, но, в первую очередь, мысленное моделирование неизвестных обстоятельств из числа выше перечисленных. Иными словами, следователь выдвигает версии, включающие в себя мысленную модель происшедшего. Этот идеальный образ охватывает представление следователя как об известных, так и еще неустановленных обстоятельствах расследуемого события.

Как уже говорилось, общей конечной целью контроля телефонных и иных переговоров является получение сведений о неустановленных обстоятельствах, а также данных, подтверждающих либо опровергающих уже известные факты. В реальных следственных ситуациях эта цель конкретизируется, поскольку обуславливается совокупностью специфических объективных и субъективных факторов.

Поставленная следствием конечная цель, которую предполагается достигнуть с помощью контроля переговоров, разделяется на промежуточные цели. Они называются задачами и их последовательное или одновременное решение позволяет достигнуть конечных целей.

Постановка задач и анализ ситуации является первым элементом подготовки к проведению любого следственного действия, в том числе и контроля переговоров. В этой связи вызывает некоторые возражения позиция авторов, полагающих, что следователь на стадии подготовки контроля переговоров осуществляет подбор и изучение материалов уголовного дела, сведений о лице, переговоры которого предполагается контролировать [3, с 33]. Названные операции представляют собой лишь часть аналитической деятельности следователя, носят в большей степени вспомогательный характер. Более того, на наш взгляд, рассмотрение этих операций в отрыве от мыслительных лишает их практического смысла. В реальных ситуациях эти операции неразделимы. Изучая материалы уголовного дела, следователь формирует, уточняет мысленную модель ситуации, выделяет в ней благоприятные и неблагоприятные условия. С учетом этого, прежде всего, ставятся задачи использования благоприятных и изменения неблагоприятных условий.

На это обстоятельство указывал Р.С. Белкин, отмечая, что изучая материалы уголовного дела, следователь неминуемо сталкивается с проблемой моделирования и прогнозирования дальнейшего развития следственной ситуации [4, с 630].

К этому необходимо добавить, что оценка следственной ситуации не ограничивается только изучением материалов уголовного дела, следователь оценивает всю известную ему информацию, в том числе и не отраженную в документах, находящихся в деле. В частности, определенные сведения он может получить в процессе устного обмена информацией с работниками органов дознания, проводившими оперативно-розыскные мероприятия по делу или оказывавшими другие виды содействия расследованию. Возможно и мысленное обращение следователя к сохранившимся в памяти сведениям, полученным им в результате личного восприятия определенных фактов, материальных отражений, поведения и реакции отдельных лиц, в том числе субъектов, переговоры которых планируются контролировать.

Следует сказать, что оценка сложившейся ситуации не исчерпывается применением только анализа. Несомненно, это один из основных методов познания используемых на данном этапе, но далеко не единственный. Оценка условий реальной ситуации представляет собой информационно-познавательный процесс, осуществляемый при помощи совокупности методов познания: анализа, синтеза, моделирования, сравнения, наблюдения и т.д. [5, с 180–184]

Важным элементом этой деятельности является оценка достаточности оснований для производства контроля телефонных и иных переговоров. В уголовно-процессуальном законе и научной литературе отсутствует сколько-нибудь конкретное указание на то, что следует понимать под достаточными основаниями контроля телефонных и иных переговоров. В известной степени этот вопрос может быть рассмотрен, более того, он нуждается в подробном изучении, что требует проведения специального монографического исследования. Тем не менее, представляется допустимым высказать собственную точку зрения по этому поводу.

Основаниями для производства рассматриваемого следственного действия являются, прежде всего, доказательства, прямо указывающие на то, что определенными лицами устно или с использованием технических средств связи ведутся переговоры, т.е. осуществляется обмен информацией, имеющей значение для правильного разрешения уголовного дела. Это могут быть показания самих участников переговоров, а также свидетелей такого диалога или знающих о нем со слов непосредственных участников. Такого рода

основаниям относятся и показания свидетелей, знающих о переговорах со слов третьих лиц, а также документы, зафиксировавшие содержание переговоров: аудио, видеозаписи, распечатки текстов, переданных по электронной почте, сообщений мессенджеров и т.д. Перечисленные документы должны быть получены в установленном законом порядке при производстве следственных действий: осмотра мест происшествий, предметов, документов, обысков, выемок и т.д. В теории уголовного процесса отсутствует единое мнение относительно возможности получения доказательств путем их истребования и предоставления. Мы поддерживаем мнение авторов, полагающих, что полученные в результате таких процессуальных действий данные могут рассматриваться в качестве оснований производства любых следственных действий [6, с 126–184] и контроля переговоров в том числе.

К доказательствам, косвенно указывающим на ведение переговоров, могут быть отнесены показания об использовании интересующими следствие лицами технических средств связи в определенное время, об их контакте с субъектами, обладающими такими средствами, о доступе к ним. Фактическими основаниями такого рода следует считать и документы, свидетельствующие о ведении переговоров, но не отражающие их содержание справки управляющих компаний мобильной связи, междугородных телефонных станций, о систематических или регулярных соединениях с установленными или неизвестными субъектами.

Дискуссионным в теории уголовного процесса является и вопрос о возможности рассмотрения в качестве фактических оснований для производства следственных действий данных, полученных при ведении оперативно-розыскных мероприятий. Мы присоединяемся к позиции ученых, полагающих, что такие данные также являются основаниями для проведения следственных действий, включая контроль переговоров. При этом, необходимо подчеркнуть, что при наличных противоречий между данными, добытыми в ходе оперативно-розыскных и следственных действий, предпочтение отдается последним из названных. [7, с 143]

К фактическим основаниям следственных действий некоторыми учеными справедливо причисляются и данные, позволяющие выдвигать предположения о возможности получения доказательственной информации при их проведении [6, с 140]. Применительно к рассматриваемому действию, это данные, позволяющие предполагать возможность проведения переговоров в будущем. Они также могут быть прямыми и косвенными.

Для проведения следственных действий, требуются и юридические основания, под которыми понимаются:

решение суда, следователя, дознавателя, органа дознания, принятые и оформленные в установленном процессуальным законом порядке [6, с 146].

Для проведения контроля переговоров, в соответствии с п. 11 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, требуется получение судебного решения. Необходимо заметить, что оно может содержать разрешение на контроль переговоров только при наличии фактических оснований. Если, по мнению следователя, в его распоряжении не имеется данных, достаточных для получения разрешения на проведение контроля переговоров, нужно принять меры к восполнению информационных пробелов. Для этого проводятся необходимые оперативно-розыскные и следственные действия.

Важным элементом подготовки рассматриваемого действия является изучение личности субъектов, переговоры которых планируется контролировать. Некоторые исследователи сводят эту деятельность к получению сведений о социально-демографических свойствах названных лиц (фамилии, имени, отчестве, возрасте, местожительстве и работе), а также о средствах связи, которыми они могут воспользоваться (номер и владелец телефона, электронной почты и т.д.) [2, с 49–51]. Думается, что в ситуациях, отличающихся повышенной сложностью, этого явно недостаточно.

В ситуациях, когда контролируются переговоры субъектов преступления с потерпевшим, которому высказываются угрозы, необходимо учитывать состояние последнего. Для этого нужно ознакомиться хотя бы коротко со свойствами личности последнего.

Среди них важное значение имеют эмоциональные и волевые качества. Желательно выяснить насколько хладнокровен потерпевший, т.е. способен ли он сохранять спокойствие в описываемых ситуациях, контролировать свое поведение, выполнять согласованные с ним операции.

Необходимо учитывать также и интеллектуальные качества заявителя: способность правильно воспринимать создающуюся ситуацию, объективно оценивать реальность высказываемых ему угроз и эффективность предлагаемых следствием вариантов поведения.

В некоторых ситуациях от сотрудничающего с правоохранительными органами участника переговоров требуется имитация определенных состояний (взволнованность, растерянность и т.д.) и маскировка действительных переживаний. Следователь должен попытаться выяснить наличие у указанных лиц необходимых свойств личности, необходимых для выполнения операций по имитации указанных состояний.

Задачей органов расследования является не просто выявление, а максимальное использование позитивных качеств и состояний сотрудничающих субъектов.

В случаях, когда контроль переговоров осуществляется скрыто от обоих участников, также следует выяснить, насколько они эмоционально устойчивы, как проявляется их раздраженность, разгневанность, способны ли они утратить бдительность и приступить к обмену информацией, несмотря на угрозу ее разглашения. При этом следует обращать внимание, на какие раздражители наиболее бурно и экспрессивно реагирует субъект. Эмоции понимаются как проявление, переживание определенных чувств. В свою очередь, последние рассматриваются как отражение в сознании субъекта его устойчивых отношений к значимым для него объектам. Эмоции по поводу одного и того же чувства у разных людей и даже у одного субъекта могут по-разному проявляться в различных ситуациях.

Среди эмоциональных переживаний выделяется аффект, выражающийся в бурных реакциях, снижающий волевой контроль и изменяющий на какое-то время (обычно непродолжительное) сознание. В научной литературе высказывалось мнение, что предотвратить аффект можно только на первоначальной стадии, блокируя, подавляя испытываемые переживания [8, с 12–15]. У субъектов, не обладающих развитыми волевыми качествами, не приученных сдерживать свои эмоции, могут развиться привычные аффективные реакции. Такие лица становятся конфликтными, раздражаются по поводу любых, даже самых незначительных причин.

Некоторые субъекты отличаются некритическим отношением к себе и своим поступкам, полагая собственное поведение правильным во всех ситуациях. Часть из них, даже осознавая свою неправоту, считают, что не должны нести за это никакой (в том числе и предусмотренной законом) ответственности. У этих людей нередко развиваются чувства собственной исключительности, как проявление крайнего эгоизма. Это приводит к формированию нетерпимости к любым возражениям, проявлениям самостоятельности в мыслях и поступках других людей. В ситуациях столкновения с такими явлениями рассматриваемые субъекты переживают чувство раздражения, гнева на лиц, совершивших названные поступки.

Субъекты, не умеющие сдерживать эмоций или не привыкшие к этому, пытаются воздействовать на раздражающих их лиц, заставить их изменить свое поведение. Такие реакции, в частности, характерны для некоторых руководителей, а также членов микросоциальных групп, занимающих в них лидирующее положение (семье, криминальном формировании и т.д.).

Отдельные индивиды реагируют аналогичным образом на некоторые действия своих знакомых, близких, подчиненных, которые, по их мнению, не могут и не должны совершать ничего подобного.

Иногда, участники предстоящих переговоров вступают в них, поскольку не обладают достаточной самостоятельностью мышления и деятельности. Попадая в сложные ситуации, они стремятся получить помощь со стороны. Как правило, это люди, не отличающиеся сильными волевыми качествами, легко попадающие под влияние других. Нередко они вовлекаются в преступную деятельность, а затем и в противодействие расследованию субъектами с более развитыми волевыми качествами. Оказавшись в сложной ситуации слабовольные индивиды пытаются искать поддержку у более находчивых и уверенных в себе соучастников. Если такие участники предстоящих переговоров легко впадают в состояние тревожности, испытывают страх наказания, то их желание вступить в контакт с названными лицами обостряется.

Участники контролируемых переговоров могут находиться в близких отношениях, основанных на любви, дружбе, взаимном уважении. В некоторых ситуациях такие лица испытывают искренние переживания, тревогу за своих партнеров, стремятся предупредить их об опасности или своих собственных действиях, которые могут помочь или навредить близкому человеку.

Известно, что состояния дискомфорта, стресса у людей вызывают изменения признаков речи и голоса.

Поэтому при подготовке контроля телефонных и иных переговоров следователю целесообразно получить сведения о вышеназванных и других психологических свойствах личности участников переговоров.

В ситуациях, когда контроль переговоров проводится с целью установления места нахождения скрывающихся от следствия лиц, необходимо попытаться получить сведения об особенностях их речи (излюбленных выражениях, оборотах и т.д.) и голоса. Эти данные могут быть переданы лицам, непосредственно осуществляющим технический контроль переговоров.

Они, в свою очередь, обнаружив среди участников переговоров субъектов со сходными признаками, незамедлительно сообщают об этом сотрудникам, уполномоченным на задержание разыскиваемого. К ориентирующей информации можно отнести данную устно кем-либо из знакомых обвиняемого характеристику не закрепленную процессуально, протоколы допросов свидетелей, потерпевших, обвиняемых, заключения судебно-психологической экспертизы, а также всевозможная доку-

ментация (записки, личная переписка и прочее), безусловно — это и видеозаписи, фотографии, рисованные портреты данного субъекта. Сведения о свойствах указанных субъектов могут быть получены при непосредственном контакте с ними. В частности, следователь, общаясь с будущим участником, подлежащим контролю переговоров, имеет возможность наблюдать за его поведением, диагностировать присущие ему свойства и т.д. В ситуациях, когда проведение контроля переговоров не терпит отлагательств, такое изучение бывает единственно возможным в виду отсутствия времени на более длительную и тщательную подготовку. Такое положение, например, возникает после возбуждения уголовного дела по фактам продолжающихся вымогательства, угроз высказываемых в адрес обратившегося в правоохранительные органы потерпевшего.

В других случаях, для изучения личности участника переговоров требуются проведения оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий: допросов свидетелей, специалистов, выемки и осмотров документов, характеризующих личности и т.д.

В наиболее сложных ситуациях целесообразно привлечение специалиста-психолога, который по документам и входе личного общения поможет диагностировать свойства личности участника переговоров.

Не менее важным элементом подготовки к рассматриваемому следственному действию является получение судебного разрешения. Следователь выносит постановление сразу же после получения фактических оснований и установления данных субъектов, переговоры которых предполагается прослушивать. Названное постановление с ходатайством направляется в суд для получения разрешения на проведение контроля телефонных и иных переговоров.

После получения судебного разрешения оно, обычно, направляется заранее определенному органу. В постановлении должен быть указан этот орган дознания или техническое подразделение, которому поручается непосредственное восприятие информации, которой будут обмениваться участники переговоров. В качестве такого органа, как правило, субъекты оперативно-розыскной деятельности в лице органов федеральной службы безопасности и органов внутренних дел.

В настоящее время некоторые подразделения уголовного розыска по борьбе с организованными преступными формированиями оснащены компактной техникой, позволяющей воспринимать как устный обмен информацией, так и ведущейся с использованием средств связи. В ситуациях, характеризующихся дефицитом времени, требующих плотного взаимодействия

с органами дознания, операции по непосредственному восприятию и аудиозаписи могут быть поручены указанным подразделениям.

На практике следователи в большинстве ситуаций ограничиваются передачей исполнителю постановления, не считая нужным обсуждать с ними какие-либо вопросы. Думается, что это не совсем правильно.

В условиях ряда ситуаций целесообразна организация более тесного взаимодействия с непосредственными исполнителями аудиозаписи. Так, для фиксации некоторых переговоров целесообразно расположение звукозаписывающей аппаратуры по месту нахождения сотрудничающего со следствием участника. Причем контакты с таким участником рекомендуется маскировать на случай, если за ним ведется наблюдение субъектами преступления, вступившими в переговоры. В таких условиях нужно незаметно доставить специалиста к месту проведения переговоров. Без взаимодействия со следователем сделать это практически невозможно.

В ходе контроля переговоров, осуществляемых с использованием технических средств, может ставиться задача установления места нахождения разыскиваемого участника обмена информацией. Для этого также осуществляются специальные технические мероприятия, о положительных результатах которых должны своевременно уведомляться следователь или сотрудники органа дознания, входящие в состав следственно-оперативной группы.

Для этого непосредственный исполнитель технических мероприятий должен быть проинструктирован. Иногда возможно создание мобильной группы, передвигающейся на транспорте и оснащенной необходимыми техническими средствами. В состав такой группы должен входить и оператор указанных средств. При обнаружении местоположения разыскиваемого участника ведущихся переговоров, члены такой группы имеют возможность провести его задержание.

При проведении длительного контроля переговоров следователь может согласовывать с оператором график получения сделанных фонограмм, извещения его о фиксации информации, имеющей значение для расследования или наоборот об отсутствии переговоров.

Все это требует правильной организации взаимодействия с оператором, в необходимых случаях ознакомления его с особенностями речи, голоса разыскиваемых субъектов, возможном использовании ими зашифрованных фраз, а также о значимой для расследования информации, которой могут обмениваться участники контролируемых переговоров.

В ситуациях сотрудничества с одним из участников контролируемого обмена информацией с ним должен быть налажен деловой контакт. Оптимальным вариантом является установление доверительных отношений. Иногда это довольно сложный процесс, протекающий в достаточно сжатые сроки. Поэтому необходимо организовать деловое общение с таким участником. С учетом свойств его личности избираются различные приемы ведения переговоров. Реализация этих приемов в некоторых ситуациях требует убеждения названных субъектов, их инструктажа и даже предварительной репетиции. Более подробно эти вопросы будут рассматриваться в разделе, посвященном проведению специальных тактических операций.

Подготовка к проведению контроля телефонных и иных переговоров требует организации плодотворно-взаимодействия следователя с органами дознания.

Оно может осуществляться в процессуальной и не процессуальной формах. Наиболее перспективной представляется создание следственно-оперативных групп. Во всех случаях следователь и взаимодействующие с ним сотрудники органов дознания должны наладить своевременный обмен необходимой для эффективного проведения контроля телефонных и иных переговоров информацией.

Координация и согласованность усилий названных субъектов обеспечивается совместным планированием

подготовительных и основных мероприятий, обсуждением достигнутых результатов.

На стадии подготовки работникам органов дознания может быть поручено проведение мероприятий по обеспечению безопасности сотрудничающего со следствием участника переговоров, а также производство специальных оперативно-розыскных действий, направленных на создание условий, благоприятных для проведения контроля телефонных и иных переговоров. К ним могут быть отнесены: скрытое наблюдение за известными участниками переговоров, предупреждение нежелательных контактов с субъектами, которые могут оказать на этих лиц отрицательное влияние.

В некоторых ситуациях с помощью оперативно-розыскных мероприятий реализуются приемы стимулирования желания у противодействующего субъекта вступить в переговоры с использованием средств и каналов связи, находящихся под контролем органов расследования.

Необходимо подчеркнуть, что в отличие от других следственных действий, подготовительные действия могут совершаться и на основном (информационном) этапе контроля телефонных и иных переговоров. В частности, на этом этапе продолжается изучение свойств личности непосредственных участников переговоров, применяются различные приемы стимулирования желания использования контролируемых каналов и средств связи и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин Р. С. Тактика следственного действия // Криминалистика. Учебник для вузов/ Под ред. Б. А. Викторова и Р. С. Белкина. М., 1976. С. 227
2. Ивченко Л. И. Тактика контроля и записи переговоров и использование результатов этого следственного действия в расследовании преступлений. М.: Изд. «Юрлитинформ», 2005. С. 39–45.
3. Гаврилин Ю. В., Дубоносов Е. С. Использование контроля и записи телефонных и иных переговоров в раскрытии и расследовании преступлений. — М.: ЮИ МВД РФ, Книжный мир. 2003. С. 33.
4. Белкин Р. С. Курс криминалистики: Учебное пособие для вузов. — 3 изд., дополненное, М. 2001. С. 630.
5. Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М., 1973, с. 180–184.
6. Балакшин В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург, 2004. С. 126–184.
7. Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики) Екатеринбург, 2006., с. 143.
8. Ильченко Ю. И. Эмоции и чувства следователя. Краснодар, 1978. С. 12–15.
9. Глазырин Ф. В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. Учебное пособие. Свердловск, 1973. С. 34.

© Пермяков Максим Владимирович (pmv0929@yandex.ru), Котов Василий Васильевич (kotov-1958@inbox.ru),

Матвеев Максим Михайлович (matveevmaks@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СТРАХОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ENVIRONMENTAL INSURANCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

**S. Rybina
N. Kuznetsova**

Summary. The article examines the problematic aspects of environmental insurance in the organizational and legal system of protecting the property interests of legal entities and individuals and the environment. The authors justified the position on the lack of proper development of environmental insurance in the Russian Federation. In order to successfully implement insurance in the area of use and protection of the environment, a set of legal measures and their methodological support in modern conditions have been proposed. The question of the possibility of insuring environmental risks on the imputed model was considered.

Keywords: environmental insurance, environmental risk, risk management, liability for environmental damage, environmental damage.

Рыбина Светлана Николаевна

*К.б.н., доцент, Владимирский юридический институт
ФСИИ России
rybina.sn@yandex.ru*

Кузнецова Наталья Владимировна

*Старший преподаватель, Владимирский юридический
институт ФСИИ России
kuznezova-1963@mail.ru*

Аннотация. В статье исследованы проблемные стороны экологического страхования в организационно-правовой системе защиты имущественных интересов юридических и физических лиц и окружающей среды. Авторами обоснована позиция по отсутствию должного развития экологического страхования в РФ. В целях успешного практического внедрения страхования в сферу использования и охраны окружающей среды предложен комплекс правовых мер и их методическое обеспечение в современных условиях. Рассмотрен вопрос о возможности страхования экологических рисков по вмененной модели.

Ключевые слова: экологическое страхование, экологический риск, управление риском, ответственность за вред окружающей среде, экологический ущерб.

Экологическая ситуация в России вызывает все большую озабоченность в обществе. Кризис российской экономики, отсутствие у государства и предприятий средств на предотвращение экологических аварий на производстве привели к еще большему ухудшению состояния окружающей природной среды.

По оценкам специалистов ежегодный ущерб от загрязнения окружающей среды в России составляет более 6% ВВП.

За последние несколько лет в экологическое законодательство внесены существенные изменения, направленные на сокращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую природную среду. Это внедрение наилучших доступных технологий, классификация предприятий по степени опасности, изменение нормативов воздействия на окружающую среду и конкретизация субъектов, отвечающих за их превышение, создание систем автоматического контроля выбросов и сбросов загрязняющих веществ.

Однако риск возникновения чрезвычайных экологических ситуаций природного и техногенного характера

остается очень высоким. Как следует из Указа Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 год», уровень износа основных фондов опасных производственных объектов составляет более 60 процентов. Несмотря на принимаемые меры по снижению уровней воздействия на окружающую среду химических, физических, биологических и иных факторов, по предотвращению чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, включая аварийные ситуации на опасных производственных объектах, сохраняются угрозы экологической безопасности. [3]

Для возможного решения сложившейся неблагоприятной экологической обстановки Экспертный совет при Правительстве Российской Федерации подготовил предложения по внедрению экологического страхования как самого рационального способа минимизировать экологические риски, в том числе и для бюджета. В число таких предложений включается «материализация» ответственности за причинение вреда окружающей природной среде, а также предложение передать страховщикам контроль за снижением экологических рисков, взяв за основу практику системы страхования в европейских странах. [10]

Сегодня на практике сложилась негативная тенденция в деятельности страховой защиты, исключая из правил страхования ответственность за вред, причиненный окружающей среде, здоровью и имуществу в результате экологического бедствия.

Причинами, сдерживающими развитие рынка экологического страхования в Российской Федерации, являются отсутствие: методологии и методик страхования экологического риска; четкого законодательного определения ответственности страховщика; уточненных способов определения характера загрязнения (является этот процесс текущим или единичным) и др.

И как следствие этого отсутствие заинтересованности в экологическом страховании как у страховщиков, так и у хозяйствующих субъектов.

Так в соответствии с Законом РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27 ноября 1992 года № 4015-1 страхование осуществляется в форме добровольного и обязательного страхования.[2]

В свою очередь п. 2. ст. 18 Закона ФЗ «Об охране окружающей среды», [1] устанавливает единственную форму страхования в виде обязательного государственного экологического страхования, которое в соответствии со ст. 969 ГК РФ осуществляется за счет средств, выделяемых из соответствующих бюджетов.

Данный подход является не только крайне неэффективным, но и привел к тому, что страхование экологических рисков — дело сугубо добровольное и, к сожалению, в данной форме не работает и не востребовано.

Для предприятий этот вид страхования, может быть, будет интересен и необходим, если вместо незначительных штрафов им будут предъявляться иски за загрязнение окружающей среды на суммы, которые обанкротят любое предприятие.

Однако, в ситуации, когда потерпевшие по тем или иным причинам, отказываются защищать свои права в судебном порядке, или нет возможности определить виновное лицо, целесообразным является введение обязательного страхования. Наиболее востребованным видом экологического страхования могло бы стать страхование ответственности за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу третьих лиц и окружающей среде в результате аварийного выброса.

Таким образом, требования закона должны исполнять все субъекты, подпадающие под его действие. Но при этом, считаем, что для всех страховых компаний должны быть едины следующие требования: условия

страхования и риски, условия выплаты, суммы выплат, состав документов, формы страховых документов.

Полагаем, что внедрение и развитие института обязательного экологического страхования позволит не только обеспечить возмещение ущерба вследствие аварийного загрязнения окружающей среды (страхового случая), обусловленного деятельностью страхователя, но и стимулировать деятельность по предотвращению такого загрязнения. При этом важно, чтобы не только степень риска определялась грамотно, но и был бы обеспечен системный подход к проведению превентивных мероприятий.

С другой стороны, введение обязательного страхования имеет и определенные проблемы, как для страховщика, так и для страхователя.

Так страховщикам предлагается отдать контроль за снижением экологических рисков, как в США и европейских странах, где система страхования экорисков действует с конца 1970-х годов. Как правило, при обязательном страховании проведение оценки соответствующего уровня экологической безопасности осуществляется страховщиком за свой счет. Например, такая возможность предоставляется страховщику и № 225-ФЗ от 27.07.2010 г. [3]

Проведение экспертизы уровня безопасности на предприятии, в том числе с привлечением специализированных организаций, как правило, требует больших финансовых затрат. Необходимо проработать вопрос тарифов, чтобы расходы на мероприятия по предотвращению экологических катастроф и ликвидации их последствий не превышали сборы страховщиков — то есть были соразмерны тарифам и принятому риску.

В настоящее время у большинства предприятий нет гарантированного источника оплаты страховых взносов. Добровольное экологическое страхование можно проводить только за счет прибыли предприятия, а в нынешней обстановке повальных неплатежей и всеобщей задолженности предприятие не в состоянии изыскать средства на оплату страхования. В связи с этим очень важны не только вопросы тарифообразования, но и первостепенное значение приобретают задачи обеспечения надежной перестраховочной защиты, а также недопуск к такому социально важному виду страхования компаний с низкой надежностью.

Договор обязательного страхования является публичным договором. Согласно ст. 426 ГК РФ страховщик, имеющий соответствующую лицензию, не вправе отказать в страховании компании, которая обратилась с запросом о страховании, а предприятие обязано за-

страховаться независимо от размера страховой премии. Публичность договора обязательного страхования не позволяет не страховать того, кто гарантированно принесет убыток, потому что ничего не делает для обеспечения норм экологической безопасности.

Одной из основных проблем экологического страхования является то, что вред природе не всегда исчисляется в денежном выражении.

Открытым остается вопрос необходимости разработки и утверждения единой методики эколого-правовых рисков, что будет непосредственно влиять на размер страховой суммы. Основанием для данной разработки должен быть национальный стандарт Российской Федерации, имеющий рекомендательный характер: «ГОСТ Р 54135–2010. Экологический менеджмент. Руководство по применению организационных мер безопасности и оценки рисков. Защита экологических природных зон. Общие аспекты и мониторинг», утвержденный и введенный в действие Приказом Росстандарта от 21 декабря 2010 г. N881-ст.

Также для работы по экологическим рискам необходимо создание единой и общедоступной базы страховой статистики, с учетом срока исковой давности о компенсации вреда окружающей среде сроком до 20 лет.

На текущий момент Экспертным Советом при Правительстве РФ изучается вариант страхования экологических рисков по вмененной модели. По мнению инициатора, данное решение позволит достичь сразу нескольких положительных изменений:

- ◆ увеличить финансовые возможности компенсационного фонда за счет перераспределения экологических рисков между предприятиями и страховщиками;
- ◆ стимулировать переход компаний на более прогрессивные технологии;
- ◆ снизить вред, наносимый окружающей среде особо сложных регионов.

Предполагается, что предприятия, деятельность которых связана с риском экологического ущерба, будут обязаны этот риск застраховать. Но вмененность в отличие от обязательности означает, что тарифов, установленных ЦБ, по этому виду страхования не будет, стоимость страхования будет определять рынок и у страховщиков будет право в силу непубличности договора уклониться от его заключения. На законодательном уровне закрепляется лишь необходимость иметь страховку как условие для проведения той или иной деятельности.

Вмененная модель уже применяется, например, при страховании профессиональной ответственности нота-

риусов, ответственности туроператоров перед клиентами, выезжающими за рубеж.

В связи с чем, считаем, что в данный момент нет необходимости принимать новый закон об обязательном экологическом страховании, достаточно внесения корректирующих изменений в статью 18 ФЗ «Об охране окружающей среды», которые бы определили вмененный характер действия экологического страхования, виды хозяйственной деятельности, представляющие потенциальную экологическую опасность и минимальную страховую сумму (лимит ответственности).

Однако каким бы ни было страхование обязательным или добровольным оно не может подменять обязанности хозяйствующих субъектов выполнять прописанные в законах требования по охране окружающей среды с целью минимизировать причинение экологического ущерба.

Само страхование изначально предполагает, что событие, которое может привести к необходимости компенсировать ущерб, должно быть случайным, внезапно произошедшим. То есть, предприятие должно, в принципе, в полном объеме соответствовать всем установленным экологическим требованиям. И если, случайно возникла аварийная ситуация, которая вышла из-под контроля и нанесла вред окружающей среде, страховая компания на основе экспертных данных и данных статистики оценивает возможные варианты развития событий и составляет андеррайтинговую и актуарную модель, на основании которой определяет перечень возможных рисков и просчитывает размеры тарифных ставок по рискам.

Конечно, закон об экологическом страховании крайне необходим, но процесс создания именно этого закона должен начинаться не с написания текста, а с приведения в серьезный порядок системы контроля и надзора за потенциально опасными предприятиями. Это само по себе уменьшит вероятность и тяжесть катастрофических последствий, а также позволит страховым компаниям точно понимать степень риска. Если этого не сделать, серьезные страховые компании и не возьмутся за это направление (так же, как не стали работать по страхованию дольщиков).

В связи с чем, важен новый подход к созданию системы экологического страхования, представляющую собой многоуровневую систему страховых резервов и фондов, сформированных как силами коммерческого страхования, так и хозяйствующими субъектами, обществами взаимного страхования, государственными органами и др., с учетом состояния и особенностей природоохранного законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об охране окружающей среды: федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 2. — Ст. 133.
2. Об организации страхового дела в Российской Федерации: от 27.11.1992. № 4015-1. // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1993. — № 2. — Ст. 56.
3. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте: федер. закон от 27.07.2010 № 225-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 31. — Ст. 4194.
4. О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 19.04.2017 № -176 // Собрание законодательства РФ. — 2017 — № 17. — Ст. 2546.
5. Бажайкин А. Л. Экологическое страхование: теория, практика правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Л. Бажайкин. — М., 2002.
6. Боголюбов С. А. Комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (постатейный): (в ред. от 30 дек. 2008 г.) / С. А. Боголюбов, Н. И. Хлуденева. — М.: Юстицинформ, 2009.
7. Кирилловых А. А. Экологическая безопасность и охрана окружающей среды: проблемы стратегического планирования и правового обеспечения // Право и экономика. — 2018. — № 1. — С. 72–78.
8. Малышенко А. В. Правовое регулирование экологического страхования в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Малышенко. — Саратов, 2004.
9. Моткин Г. А. Основы экологического страхования / Г. А. Моткин. — М.: Наука, 1996, 192 с.
10. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3719296> (дата обращения: 01.03.2019).

© Рыбина Светлана Николаевна (rybina.sn@yandex.ru), Кузнецова Наталья Владимировна (kuznezova-1963@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Владимир

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

SOME REPETITIVE CORE CRIMES PECULIARITIES IN RUSSIAN FAR EAST

E. Stone

Summary. The research showed that one of such peculiarities is high re-offending rate in the Far East, which is 83% higher than in Russia countrywide and 19% higher than in Siberia federal district — neighboring region of the country. This paper represents the analysis of one of the main determinants of core crime in the Far East federal district — the recidivism. The personality of the offender, committing core crimes in the Far East is also analyzed. Based on statistical, empiric and scientific data the author examines the connection of reasons and peculiarities of core crime in the Far East. Conclusions are made about the possibility of reducing core crime in the Far East by influencing the causes of the recidivism.

Keywords: Criminality reasons; criminal determinants; repetitive crimes; core crimes; Russian Far Eastern criminality.

Стоун Елена Михайловна

Северо-Восточный государственный университет
(г. Магадан)
Lzqz@mail.ru

Аннотация. Исследованием установлено, что одной из особенностей преступности Дальневосточного федерального округа является высокий уровень рецидивных преступлений особой тяжести, который на Дальнем Востоке на 83% выше, чем в Российской Федерации в целом и на 19% выше, чем в Сибирском федеральном округе — пограничном с Дальневосточным регионом страны. В статье проводится анализ одной из основных детерминант преступности особой тяжести на территории Дальневосточного федерального округа — рецидивной преступности. Также подвергается анализу личность преступника, совершающего особо тяжкие рецидивные уголовно наказуемые деяния на Дальнем Востоке. На основании статистических, эмпирических и научных данных автором рассматриваются связи причин с особенностями преступности особой тяжести на Дальнем Востоке, делаются выводы о возможности снижения Дальневосточной преступности особой тяжести посредством оказания влияния на причины рецидивной преступности.

Ключевые слова: Причины преступности; детерминанты преступности; рецидивная преступность; особо тяжкая преступность; преступность Дальневосточного федерального округа.

Преступность Дальнего Востока имеет свою специфику, обусловленную региональными особенностями, такими как географическая удаленность, суровые природно-климатические условия, близость границы с Китаем, Кореей и Японией, социально-экономическими и другими особенностями региона. Помимо структурных особенностей преступности особой тяжести, отличающейся относительно высоким уровнем преступлений против личности и преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, здесь наблюдается повышенный уровень вреда от особо тяжких преступлений. Например, уровень погибших от преступных посягательств особой тяжести на территории ДФО в среднем на 84,1% выше общероссийского. Несмотря на общую тенденцию снижения зарегистрированной преступности, восточные регионы страны остаются в лидерах по данному показателю, соревнуясь между собой за первое место [1, с. 13]. Среднегодовой уровень особо тяжких преступлений ДФО на 29,2% выше, чем в целом по России¹.

¹ Здесь и далее для анализа статистических данных о преступности и лицах, совершивших преступления, автором использовались Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений за 2009—

Закономерно предположить, что и причины дальневосточной преступности особой тяжести обладают определенной спецификой. Причинный комплекс особо тяжкой преступности в Дальневосточном федеральном округе включает в себя весь спектр негативных социальных явлений экономического, нравственного, политического и психологического порядка. При этом, в различных регионах Дальнего Востока существует своя специфика преступлений по географическому признаку [2, с. 9].

Как будет показано в настоящем исследовании, одним из наиболее значимых детерминирующих факторов преступности особой тяжести на Дальнем Востоке является рецидивная преступность. Задачей настоящего исследования является ее анализ. Ведь без объективного знания причин исследуемого явления, условий воздействия этих причин и факторов, влияющих на особо тяжкую преступность в ДФО, не представляется возможным получать ожидаемые положительные результаты в криминогенной социальной ситуации региона.

Поскольку элементы детерминант преступности тесно взаимосвязаны, при определенных обстоятельствах могут переходить из одной категории в другую,

что характерно для рецидивной преступности, которая может являться как причиной и условием, так и фактором, а разделять их в целях настоящего исследования не имеет смысла, то понятия «детерминанты преступности» и «причины преступности» будут употребляться нами как синонимы.

Одной из особенностей преступности ДФО является высокий уровень рецидивных преступлений особой тяжести, который на Дальнем Востоке на 83% выше, чем в РФ и на 19% выше, чем в СФО — пограничном с Дальневосточным регионе.

Доля особо тяжких рецидивных преступлений в структуре всей преступности в ДФО составляет 3,4%, в СФО — 2,7% и в РФ — 2,3%, то есть этот показатель в ДФО в 1,5 раза выше, чем в РФ и на четверть выше, чем в СФО. Основным признаком рецидивной преступности является ее повторяемость. Повторяемость есть результат преемственности, значение которой в преступности так же велико, как и в любом другом явлении общественной жизни. В рецидивной преступности это определяется не только повторяемостью фактов совершения преступлений одним и тем же лицом, но и повторяемостью характера деяния [3, с. 44]. Как правило, степень общественной опасности рецидивных преступлений от раза к разу носит более тяжкий характер. Именно поэтому высокая доля рецидивных преступлений в общей структуре преступности на Дальнем Востоке представляется социально и криминогенно опасной.

Нескорректированное негативное влияние прежних социальных ролей обуславливает большое количество рецидивистов среди лиц, совершающих преступления особой тяжести. На Дальнем Востоке таких лиц на 9% больше, чем в целом в России. Из них непогашенную судимость имели 72,6%. У таких личностей социальная среда формирует взгляды, которые обуславливают их криминальное поведение. А лучший показатель будущего криминального поведения — это прошлое криминальное поведение [4, с. 18].

Динамика удельного веса лиц, совершающих особо тяжкие преступления, развивается волнообразно, однако за весь исследуемый период наблюдается рост, который происходит одновременно с увеличением перепада этого показателя между уровнями исследуемого параметра в ДФО и РФ, то есть усиливается контраст не в пользу Дальнего Востока.

К росту рецидивной преступности ведёт отсутствие реальной профилактической работы с лицами, освобожденными из мест лишения свободы условно-досрочно. Однако, по мнению специалистов, обязанно-

сти по осуществлению такой работы не возложены ни на один государственный орган [5, с. 482].

При характеристике личности таких лиц рассмотрим его асоциальные взгляды. В психологии убеждения определяются как активно приобретенные и критически осмысленные представления, знания, идеи, имеющие для человека большой личностный смысл и статус доверия, а также определяющие его отношение к разным сферам действительности. Иначе говоря, это компоненты мировоззрения личности, с которыми связано переживание их истинности и потребность следовать им или реализовывать их в жизни [6, с. 676]. Сущность личности заключается в ее психических особенностях, определяющих социальную активность. Она включает в себя совокупность биологических, социальных и личностных качеств. Эти свойства и определяют развитие личности под влиянием среды и наследственности [7, с. 90–91].

По мнению специалистов, совершение преступлений зависит, в том числе, от отношения лица к допустимости деяний, запрещенных уголовным законом. Если лицо придерживается взглядов, которые одобряют преступное поведение, то и соответствующие деяния не заставят себя ждать [8, с. 173]. В системе убеждений рецидивиста сильны убеждения в безупречности их жизненного уклада, и поступков. Убеждения такого рода основываются на том, что получают поддержку окружения, в основном тюремного. Они осознают преступность своих действий, но считают, что в их случае это оправданно обстоятельствами [9, с. 153].

Эти убеждения находят поддержку и вне мест лишения свободы: в преступном сообществе. Преступное поведение, находящее поддержку в ближайшем окружении, со временем перерастает в привычку — автоматизированным действиям, выполнение которых в определенных условиях стало потребностью [6, с. 386, 497, 678]. В результате у личности формируется пренебрежение к обществу и стереотипное преступное поведение.

Криминальное поведение таких лиц является результатом не только взаимоотношений с бывшими осужденными, игнорирования этических норм и предыдущего преступного опыта, но и недостатка контроля уполномоченных органов власти [10, с. 61]. Так, на Дальнем Востоке России ранее отбывали наказание лица, совершающие особо тяжкие рецидивные преступления после условно-досрочного освобождения — 60%, в исправительных учреждениях — 10%, условно осужденные — 15%, осужденные к исправительным работам — 10%, к обязательным работам — 5%.

Превалирующими качествами личности рецидивиста являются индивидуализм, эгоизм и пренебрежение

Таблица 1. Корреляция удельного веса лиц, совершивших особо тяжкие рецидивные преступления с некоторыми социально-экономическими показателями на территории ДФО за период с 2009 года по 2018 год.

Соотношение средней заработной платы 10% наиболее и 10% наименее оплачиваемых работников	- 0,6
Добыча полезных ископаемых (млн. рублей)	- 0,5
Продукция сельского хозяйства (млн. рублей)	- 0,6
Сальдированный финансовый результат (прибыль — убыток) в экономике (млн. рублей)	- 0,8

к обществу. Игнорирование необходимости трудиться и паразитический образ жизни выделяют рецидивистов. Недисциплинированность лиц, совершающих рецидивные преступления, часто является результатом бурных эмоциональных переживаний по поводу различных событий. Эмоциональные качества формируются в процессе человеческой деятельности, всего образа жизни. Возникая благодаря жизненному укладу, эмоции зачастую определяют поведение личности. Рецидивистам присуща повышенная степень эмоциональных переживаний, высокая импульсивность, что приводит к нарушению закона и совершению преступлений [11, с. 230].

Импульсивность идентична отсутствию самоконтроля. Зарубежные исследователи, проведя нейропсихологические исследования изменений критического мышления с течением времени (например, способности думать и предвидеть последствия своих действий), указывают на то, что с возрастом личность реже теряет самоконтроль в сложных или провоцирующих ситуациях. Таким образом, процесс взросления делает лицо менее склонным к совершению преступлений [12, с. 141]. Связь низкого самоконтроля с девиантным или преступным поведением была также установлена другим, масштабным исследованием, охватившим более полумиллиона человек по всему миру [13, с. 54].

Рецидивисты, как правило, характеризуются пренебрежительным отношением к участию в жизни социума, нежеланием работать, неумением контролировать себя, игнорированием нужд окружающих, чрезмерным увлечением алкогольными напитками, наркотическими средствами, иными безнравственными побуждениями, привычками, интересами [9, с. 164].

Зарубежные исследователи выделяют следующие характеристики личностей рецидивистов: недоброжелательность, эгоцентризм, злопамятность, зависть, безразличное отношение к другим, недостаток трудолюбия, положительной социальной мотивации, самообладания. Такие асоциальные личности действуют импульсивно, не придерживаются традиционных и общепринятых ценностей [14, с. 780].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о девиантности убеждений лиц, совершающих преступления особой тяжести. Они знакомы с нормами уголовного законодательства, но отказываются их соблюдать.

В рамках настоящего исследования был проведён анализ материалов уголовных дел, рассмотренных судами ДФО в отношении лиц, совершающих особо тяжкие рецидивные преступления. Структура направленности этих преступлений следующая: 43% корыстно-насильственные, 31% — насильственные и 27% — корыстные преступления.

Однако в 67% случаев преступник имеет три и более судимостей. И среди них структура направленности преступлений меняется в сторону насильственных: 44% — лица, совершающие насильственные преступления, 38% — корыстно-насильственные преступления. Опасный и особо опасный рецидив среди них встречается в 29% случаев, 2/3 из них совершают корыстно-насильственные преступления. При этом у лиц, совершающих рецидивные особо тяжкие преступления впервые, доля насильственных преступлений близка к нулю.

Практика показывает, что зачастую у рецидивистов с каждым новым преступлением увеличивается тяжесть содеянного [15, с. 57]. В результате такой неблагоприятной динамики на Дальнем Востоке России наблюдается повышенный уровень особо тяжкой преступности.

Стоит обратить внимание на то, что преступники более, чем законопослушные граждане, склонны испытывать социальные проблемы и проблемы, связанные с окружающим миром. Например, проблемы, связанные с неблагоприятным положением в обществе, неумелым воспитанием детей, криминальной виктимизацией. Они часто воспринимают мир суровым, непредсказуемым и несправедливым и поэтому с большей вероятностью оценивают ситуацию, в которой находятся, как оправдывающую или требующую криминального поведения [16, с. 659].

Для успешной социализации таким лицам необходима поддержка. К сожалению, в системе государственных

и муниципальных структур отсутствует орган или должностное лицо, на которое возлагалась бы обязанность оказать условно-досрочно освобожденному конкретную помощь в его трудовом устройстве [17, с. 49]. Ведь предупреждение преступности — это, прежде всего, воздействие на ее причины, выявление преступников и оказание на них предупредительного и исправительного воздействия [18, с. 362].

Нами проведен корреляционный анализ тридцати четырех видов Дальневосточной преступности особой тяжести с двадцатью семью наиболее значимыми социально-экономическими показателями за период с 2009 года по 2018 год¹. Для анализа особенностей, которые обусловили такое восприятие окружающего мира у лиц, совершающих рецидивные преступления особой тяжести на Дальнем Востоке, выделены четыре социально-экономических показателя, для которых обнаружена значимая корреляция с уровнем лиц, совершающих рецидивные преступления особой тяжести, и при этом корреляция существенно более высокая, чем с общим уровнем лиц, совершающих особо тяжкие преступления (Таблица 1). Можно заключить, что наибольшее влияние на уровень лиц, совершающих особо тяжкие рецидивные преступления, оказывают экономические показатели региона. Причем связь здесь является обратной, то есть ухудшение перечисленных в табли-

це 1 экономических показателей ведет к увеличению уровня лиц, совершающих особо тяжкие рецидивные преступления.

Опыт всего мира показал, что если разница в доходах самой бедной и самой богатой группы населения превышает в 15–20 раз, то общество начинает разваливаться. Нарастает агрессия, исчезает солидарность, резко увеличивается число суицидов, появляется больше беспризорников. И даже здоровье людей становится хуже, т.к. многие начинают чувствовать себя социальными аутсайдерами и не имеют средств для профилактики заболеваний и лечения [19, с. 109].

Все регионы Дальнего Востока, за исключением Сахалинской области, являются дотационными [20, с. 24–35]. Соответственно, эффективная региональная политика РФ могла бы привести к снижению особо тяжкой рецидивной преступности в ДФО.

При работе над снижением преступности особой тяжести в ДФО следует обратить особое внимание на причины, лежащие в сфере рецидивной преступности особой тяжести, ведь если поработать над снижением ее уровня, то количество лиц, совершающих особо тяжкие рецидивные преступления на Дальнем Востоке, может сократиться до 60%.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комарова Т. М. Преступность как фактор дестабилизации социально-демографической безопасности региона (на примере Дальневосточного федерального округа) // Преступность как фактор дестабилизации социально-демографической безопасности (на примере Дальнего Востока): Сборник материалов научного семинара (г. Владивосток, 18 января 2013 г.). — М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2013. С. 11–24.
2. Организованная преступность Дальнего Востока: региональные черты и хроника событий / кол. авт.; отв. ред. В. А. Номоконов. — Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. — 516 с.
3. Лебедев С. Я. Традиции, обычаи и преступность. Теория, методология, опыт криминологического анализа. — М.: Межрегиональный центр коммерческой безопасности, 1995. — 167 с.
4. С. Carlsson. Continuities and Changes in Criminal Careers. Doctoral Thesis // Dissertations in Criminology № 34 — Stockholm University. — Sweden. 2014. — 693 p.
5. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества: монография / П. В. Агапов, Г. В. Антонов-Романовский, В. К. Артеменков [и др.]; под общ. ред. Р. В. Журбина; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — Москва: Проспект, 2016. — 656 с.
6. Большой психологический словарь. — 4-е изд., расширенное / Сост. И общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. — М.: АСТ МОСКВА; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК. 2009—811 с.
7. Антонян Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: дис. . . . доктора юридических наук. Москва, 2013. — 353 с.
8. Janssen H. J. et al. How is parenting related to adolescent delinquency? A between-and within-person analysis of the mediating role of self-control, delinquent attitudes, peer delinquency, and time spent in criminogenic settings // European Journal of Criminology. — 2016. — Т. 13. — №. 2. — P. 169–194.
9. Преступление и наказание. Криминологический психологический анализ: монография / Ю. М. Антонян, В. Е. Эминов. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. — 304 с.
10. Громова Е. В. Основные тенденции, характеризующие состояние преступности в Дальневосточном федеральном округе // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2016. № 4 (94) С. 60–61.
11. Кобец П. Н. Исследование личности рецидивиста — как одна из важнейших задач связанных с разработкой мер по предупреждению рецидива преступлений // Символ науки. 2015. № 6 С. 229–231.

¹ Россия в цифрах. 2010–2018: Крат. стат. сб. / Росстат — М., 2010–2019. с. 40–47.

12. Pratt T. C. A self-control/life-course theory of criminal behavior // *European Journal of Criminology*. — 2016. — Т. 13. — № 1. — P. 129–146.
13. Vazsonyi A. T., Mikuška J., Kelley E. L. It's time: A meta-analysis on the self-control-deviance link // *Journal of Criminal Justice*. — 2017. — Т. 48. — P. 48–63.
14. Miller J. D., Lynam D. Structural models of personality and their relation to antisocial behavior: A meta-analytic review // *Criminology*. — 2001. — Т. 39. — № 4. — С. 765–798.
15. Варанкина Ю. С., Ларичев В. Д. Криминологическая характеристика и предупреждение убийств, совершаемых на дальнем востоке: монография. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 152 с.
16. Simons R. L. et al. Incorporating routine activities, activity spaces, and situational definitions into the social schematic theory of crime // *Criminology*. — 2014. — Т. 52. — № 4. — P. 655–687.
17. Бурчихин А.Н., Брылевский А. В. Предупреждение преступлений, совершаемых лицами, условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы: практ.рек. — Рязань: Академия ФСИН России, 2013. — Кн.75–64 с.
18. Антонян Ю. М. Наука криминология: монография. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 376 с.
19. Причины преступности в России: монография / под ред. Ю. М. Антоняна — Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. С. 109.
20. Козлов Л. Е., Волынчук А. Б. Региональная политика России на Дальнем Востоке в условиях неблагоприятной внешней среды (2014–2016 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 4 (39) С. 24–35.

© Стоун Елена Михайловна (Lzqz@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Магадан

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Astremsky A. — Candidate of economic Sciences, associate Professor, Russian University of transport (MIIT)
astrem01@yandex.ru

Barinov G. — Graduate student, Financial University under the Government of the Russian Federation
Mr-Brownstone@yandex.ru

Boreiko A. — Intelligent Transport Technology, Ltd., CEO
alexhborei@inteltech.center

Bratsev V. — Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

Canibek A. — Post-graduate student, Plekhanov Russian University of Economics
jambech@gmail.com

Danilova T. — PhD student, Novosibirsk State University of Economics and Management
tanja.0312@yandex.ru

Daova F. — Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

Efremov A. — Doctor of Economic Sciences, Docent, Moscow Polytechnic University
a.a.efremov@mospolytech.ru

Esaulkova T. — Candidate of economic sciences, All-Russian Research Institute of Labour of Ministry of Labour of Russia (Moscow)
sovet@vcot.info

Filonov S. — State Geological Prospecting University n. a. Sergo Ordzhonikidze (MGRI), Moscow
SFilonov@inbox.ru

Galichkina M. — Candidate of economic Sciences, State University of management
marika18@mail.ru

Galustyan A. — Peoples' Friendship University of Russia
galustyan_alexey@mail.ru

Kamynin N. — Financial University under the Government of the Russian Federation
nikitakamynin@mail.ru

Koskova V. — Post-graduate student, Ural state University of Economics
koskova@66.ru

Kotov V. — Candidate of law, associate Professor, Ural state law University
kotov-1958@inbox.ru

Krasavina E. — Doctor of Social Sciences, Associated Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow
Krasavina_2905@mail.ru

Krekova M. — Doctor of Economic Sciences, Professor, Moscow Polytechnic University
kmm1901@mail.ru

Kuznetsova E. — FGBOU VO «Chuvash state university of I. N. Ulyanov» (Cheboksary)
elvira.kuz.70@mail.ru

Kuznetsova N. — Senior Lecturer, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation
kuznezova-1963@mail.ru

Lazareva O. — Associate Professor, Far Eastern state University of Railways, Khabarovsk
milyuda@ro.ru

Lyubovtseva E. — FGBOU VO «Chuvash state university of I. N. Ulyanov» (Cheboksary)
lyubovceva_elena@mail.ru

Lyutyagin D. — Candidate of economic Sciences, associate Professor, Russian state geological prospecting University. Sergo Ordzhonikidze (MGRI-RGGRU)
l-d-v@list.ru

Matatova Y. — Postgraduate student of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Federal judge assistant in Arbitrary Court of Moscow
ybilalova@rambler.ru

Matveev M. — Deputy Director of the Institute of State and International Law, Senior Lecturer at the Forensic Science Department Ural state law University
matveevmaks@mail.ru

Mikheeva L. — Associate Professor, Far Eastern state University of Railways, Khabarovsk
oblomus@inbox.ru

Mindlin Y. — PhD of Economic Sciences, Associate Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skryabin
mindliny@mail.ru

Nakhushева I. — Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
inara.nakhush@bk.ru

Permyakov M. — Candidate of law, Ural State Law University; Ural State University of Economics
pmv0929@yandex.ru

Pryadilina N. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Ural State Forest Engineering University (Ekaterinburg)
Lotos_nk@inbox.ru

Rybina S. — PhD in Biology, Associate Professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation
rybina.sn@yandex.ru

Shenderov V. — Candidate of technical Sciences, Professor, Russian state geological exploration University. Sergo Ordzhonikidze (MGRI-RSGPU)
vishenderov@yandex.ru

Smirnov A. — State Geological Prospecting University n. a. Sergo Ordzhonikidze (MGRI), Moscow
smirnovsancho@mail.ru

Stone E. — North-East State University (Magadan)
Lzqz@mail.ru

Tsoloev T. — Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

Volkov S. — Russian state geological exploration University. Sergo Ordzhonikidze (MGRI-RSGPU)
volkovsv@mgri-rggru.ru

Zabaikin Y. — Candidate of economic Sciences, associate Professor, Russian state geological prospecting University. Sergo Ordzhonikidze (MGRI-RSGPU)
79264154444@yandex.com

Zharkov O. — Post-graduate student, Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ozarkov78@mail.ru

Zolotovskiy V. — Volgograd State University
zolotovskiy.azi@volsu.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).

